

Наталья Лодеева

БЛИЖНИЕ МОИ
Очерки и рассказы

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2023

УДК 271.2
ББК 86.372.24
Л70

*Издание выпущено при поддержке
Межрегиональной просветительской общественной
организации «Объединение православных ученых».*

Редактор:

Геннадий Заридзе – протоиерей, профессор теологии,
Председатель Межрегиональной просветительской обще-
ственной организации «Объединение православных ученых».

Лодеева, Н. А.

Л70

Ближние мои : очерки и рассказы / Н. А. Лодеева. –
Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Науч-
ная книга», 2023. – 326 с. – ISBN 978-5-4446-1771-7. –
Текст : непосредственный.

В книге представлены мемуарные зарисовки и художе-
ственные рассказы, написанные «в русле православном».

Истории о монастырях и храмах, о судьбах христианских
подвижников, о красоте родной земли побуждают читателей
стать ближе к щедрому на веру, надежду и любовь Небу. По-
рой именно изустные рассказы или записки очевидцев о пере-
житом и прочувствованном способны найти добрый от-
клик в другой душе... Книга предназначена для широкого
круга читателей.

УДК 271.2
ББК 86.372.24

ISBN 978-5-4446-1771-7

- © Лодеева Наталия, текст, 2023
- © Краснобородько Андрей,
оформление, 2023
- © Оформление.
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга», 2023

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Наталья Лодеева – петербургская поэтесса и прозаик, совершенно замечательная хрупкая женщина, наполненная хрустальным восприятием окружающего мира.

Ее новая книга «Ближние мои» отвечает на глубокий духовный вопрос: «А кто – ближние мои?» Этот вопрос волновал каждого человека как в Евангельские времена, так и сегодня. Милосердный Господь 2000 лет назад дал нам ответы на все вопросы, определил духовные законы Мироздания. Но мы вновь и вновь задаем вопрос законника из Евангелия: «Что нужно делать, чтобы получить вечную жизнь?» Господь подводит этого иудея к ответу, который он и все его одноплеменники знали из книг Второзакония – любовь к Богу и ближнему. И вновь звучит вопрос к Спасителю – а кто мой ближний? Притча о милосердном самарянине, как жемчужное ожерелье, собирает разных людей: раненого человека, священника, левита, самарянина. И ближним становится не правоверный иудей, а оказавший милость самарянин.

Милостью и любовью наполнена книга Наталии Лодеевой «Ближние мои». Её хочется читать не отрываясь. Каждый сюжет раскрывает милые образы. Это и просфорница Августа Васильевна, которая строго исследовала каждый свой день и каялась сразу, очищая душу. И бабушка Анастасия Николаевна Травина, сумевшая посадить зернышко веры и бережно его взрастить в сердечке маленькой Натальюшки. И Иван – инвалид детства, который покупал нитки с инвалидной пенсии, чтобы делать игрушки и утешать радостью детей, и даже в дар монастырю посылает «малую сумму». И многие-многие другие... И начинаешь испытывать тихое счастье от того, что их так много – этих людей, которые тебе «ближние».

Есть в книге сюжеты, которые становятся открытием. Это, например, совет старенького профессора, который советовал своим студентам почаще бывать на кладбище, потому что там уходит наносная «резвистость», излечивается сердечная тоска. И начинаешь вспоминать свои ощущения при посещении родных могил... А «проблема с пропажей» оказывается может решиться при

помощи молитвы великомученика Мины, который лично мне был очень мало известен до момента прочтения книги.

Очень трогательно в книге описан образ матушки Александры (М.В. Захарченко). Так Господь управил, что мы с супругом во время обучения на Богословских курсах в Московской духовной академии слушали ее лекции. Упомянутый в сюжете игумен Киприан стал очень близким Батюшкой. Три года в Сергиевой Лавре мы шли за ним в познании духовно-нравственных законов Бытия. Служители Господа нашего описаны в книге очень трепетно и с большой любовью. И приходит понимание: это – тоже наши ближние.

Замечательной особенностью книги является возможность паломничать с автором к чудесным русским святыням. Это так важно именно сегодня, когда запад отгородился от нас ненавистью. И русский человек вдруг понимает, что Россия для него — это совсем неизведанная страна. Наталия берет за руку каждого и ведет за собой – от храма к храму, от святыньки к святыньке. Вместе с ней мы понимаем, какие мы счастливые люди. Сердце переполняется благодарностью за это счастье всем тем, «кто сохранил для нас Православие, кто прошёл сквозь годы очернения, гонения, подавления, уничтожения церкви Христовой и стал Победителем!»

И еще одно чувство, которое испытываешь при чтении книги — это счастье истинно православной семьи. Мудрые и светлые Бабушка и Мама, сама автор, её супруг и дочь: все они — одна из ниточек большого прекрасного узора, называемого Россией. Низкий поклон автору. Наша искренняя благодарность может быть выражена в виде соборной молитвы читателей: храни, Господи, Наталию и ее ближних, сохраняй ее талант и приумножай Любовь. Аминь.

Ирина Ивановна Косинова – доктор геолого-минералогических наук, профессор, Академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, Российской экологической академии, член Правления Межрегиональной просветительской общественной организации «Объединение православных ученых».

1. БЛИЖНИЕ МОИ

«Каковы мы к ближнему, таким и Бог будет в отношении нас».

Святитель Иоанн Златоуст

«Писать — это служба Церкви нужная. Лучшее употребление дара писать и говорить есть обращение его на вразумление грешников».

Святитель Феофан Затворник

РОДНЯЩАЯ РАДОСТЬ

Писателю важна встреча с читательским сердцем. Начну эту книгу с рассказа о всенощной перед Сретением Господним, ибо слово «сретение» и означает «встреча».

На вечерней службе в петербургском Покровском храме при Политехническом университете при водосвятном молебне я воочию увидела, как рождается радость.

Когда священник начал по очереди кропить прихожан, то при касании каплей освященной воды лица людей преображались. Они смягчались, озаряясь улыбками, словно цветы, пробуждаемые утром. И растекалась эта зримо рождающаяся радость подобно ласковой волне, роднящей всех нас добротой. Действительно, не хлебом единым жив человек. Живы мы соборной радостью во Христе, обнимающей, поддерживающей, оживляющей... Вот я и предлагаю также разделить мою радость, моё ценное, те подарки сердечные, что встречаются во время Крестного хода, именуемого жизнью православного человека...

АВГУСТА ВАСИЛЬЕВНА

Благовещение – заря великого дня – Рождества Господня. Это слово для меня заветное, «родом из раннего детства». Скорый поезд «Москва-Благовещенск» летал мимо узловой станции Шарья, откуда мы уезжали домой в Эстонию после лета, проведённого у бабушки в Костромской области. Мне казалось, что направляется он в какую-то сказочную страну. Так хотелось туда, вслед за этим поездом!

Великим постом седьмого апреля в 2013 году совпало сразу три праздника: Воскресенье, Крестопоклонная неделя и Благовещенье. В тот день на такой по праву можно сказать трёхрадостной службе мы с мужем побывали в церкви Тихвинской иконы Божьей Матери, расположенной в поселке Назия под Санкт-Петербургом.

У каждого храма – свои особенности. Здесь – это удивительно тёплые отношения в приходе. Перед литургией заранее готовятся стулья для бабушек, если те устанут стоять во время Богослужения. На сиденьях – плетёные по старинке лоскутные коврики. Во время причастия каждый готов помочь немощному, подвести к чаше, а потом бережно сопроводить на место. После службы прихожане, приехавшие на машинах, развозят пожилых людей по домам, да и остальным попутчикам рады.

После литургии мы были гостеприимно приглашены настоятелем храма протоиереем Михаилом Шаталовым на праздничную трапезу. Батюшка благословил «естие и питье», и все приступили к обеду. Постные блюда оказались удивительно вкусными! Особенно – щи! Прихожане обратились к отцу Михаилу с просьбой произнести праздничный гост.

– Что мне сказать, что пожелать вам, дорогие мои? На службе слова проповеди были посвящены Благовещенью и тому, что сегодня посчастливилось встретить сразу три

христианских праздника в один день. Удивительное совпадение! Тройная радость!

Правда, нам сейчас не только радостно, но и грустно. Вчера отошла в мир иной наша любимая Августа Васильевна. Она пекла просфоры, вышивала первую Плащаницу, много потрудилась для храма во имя Господа. Почти девяносто лет прожила на земле. Думая о ней, я всегда вспоминаю Иоанна Кронштадтского. Он вёл дневник, где ежедневно анализировал своё духовное состояние и каялся при малейшем обличении совестью. И наша Августа Васильевна тоже мне говорила, что когда чувствует за собой какой-то грех, то сразу начинает перед Богом каяться до тех пор, пока сердце не успокаивается. Понимаете? Она каялась сразу! Вот такой духовно внимательный и мудрый человек жил среди нас. И, наверное, неспроста почила она именно перед этим трёхпраздничным днём. Так Господь её благословил.

Сегодня в алтаре я зачитывал записки о здравии, и среди них были листочки, написанные рукою Августы Васильевны. Человека физически уже нет на земле, а его молитвы продолжают звучать. И это тоже – чудо! У Бога все живы! С праздником! С тройной радостью этого дня!

Во время трапезы сердцу было уютно среди этих тогда ещё малознакомых, но как-то сразу ставших близкими мне людей. С интересом слушала случаи из их приходской жизни, рассуждения о планах по ремонту храма и прочих хозяйственных надобностях. Размеренно, основательно текла беседа. Доброта и единокровие. Не это ли и есть истинное православие, на деле подтверждаемое самой человеческой жизнью? Подтверждаемое жизнью простой русской старушки с согревающим слух именем «Августа». Неспроста оно переводится, как величественная, священная...

Позабыта суета Петербурга. Свет апрельского солнца наполняет трапезную. Неожиданно приходит осознание, что сейчас и сбывается та детская мечта, рождённая в Шарье, – побывать в сказочной стране, имя которой Благовещение.

НАША ОНА, НАША!

Однажды летом, благословясь у духовного отца, отправились мы с мужем в очередное путешествие. В маршрут заранее включили село Караш в Ярославской области. Супруг давно хотел в нём побывать, так как там начинался профессиональный путь его прадеда Николая Федоровича Лаврова, составившего «Путеводитель по церквям города Углича».

Прекрасна русская земля, и нет её краше ни на прямом Востоке, ни на прилизанном Западе. Едут наши туристы по миру, тешат своё любопытство, догоняют зыбкую мечту за границей. Пестрят страницы социальных сетей фотографиями: «Я и пирамиды», «Я и слоны», «Это мы ели, это мы пили». В бокалах, кружках, стаканах – sake, ракия, вина заморские. Лица довольные, глаза осоловевшие. А получает ли душа пользу в этих вояжах?

Мы ехали в Углич, по пути к которому и находилось нужное нам село Караш. Несмотря на наличие карты и моей «штурманской квалификации», приобретённой за время многочисленных путешествий, нам пришлось изрядно поплутать. Но это не огорчало, так как мы открыли для себя массу удивительных уголков.

Проезжая мимо очередного дачного посёлка, задержались у колонки, чтобы напиться воды. Неподалёку – новенькая деревянная часовня. Шедший мимо приветливый дачник рассказал, что жители сами собрали деньги и её построили. Теперь в часовенку приезжает батюшка и служит молебны. Как говорится, «не дачей единой!» Порадовались за благочестие людское.

Под вечер Караш мы всё-таки отыскали. Село небольшое, на холме – полуразрушенный храм. Мощные кирпичные стены, решётки на окнах, а внутри – мерзость запустения. К подобным картинам в России не привыкать, да вот привыкнуть не получается.

Захотелось узнать название храма. Поговорить бы со старожилками, может, подсказут? Навстречу как раз поднималась пожилая женщина с авоськами. Мы, как принято в сельской местности, вначале поздоровались, а потом обратились к ней с нашим вопросом.

«Погодите-ка чуток! – она поставила свою поклажу на землю. – Сейчас скажу. Ну, ты глянь, я ж знала! Вот память-то никудышная! Но точно помню, что в честь какой-то святой!»

Мы решили помочь и начали перечислять известных нам прославленных Божиих угодниц. Собеседница нетерпеливо вздыхала: «Да, нет же! Наша она, наша! А вы мне тут всё про ненашенских!»

Круг поиска сузился. Но кого бы «из наших» мы не называли, тётушка лишь с досадой качала головой, приговаривая: «Не та, не та! Дайте вспомню. Сейчас, сейчас!»

Я подумала: «Вот, осуждала отечественных туристов, предпочитающих *забугорье* родной земле, а сама-то и имя русской святой подсказать не могу!»

Вдруг раздался радостный возглас: «Вспомнила!»

Мы затаив дыхание приготовились услышать таинственное имя старинного карашского храма. Было видно, что и сама наша собеседница несказанно рада:

«Вспомнила, деточки! Вспомнила, милые! Казанская! Божья Матушка Казанская! Я же вам говорила, что наша она. Наша!»

Мы ехали в Углич. За окном вечерний туман уже расправил своё покрывало, и отдаленные леса тёмной тесьмой причудливо окаймляли поля. А передо мной всё стоял образ пожилой селянки, поставившей сумки-авоськи на землю и машущей нам на прощанье рукой оттуда, из спрятанного в русской глубинке села Караш. Женщины, твёрдо уверенной, что Казанская Божия Матерь, не только Мария из Иерусалима, что Она – наша русская святая. Наша Она, наша!

СВЯТЫЕ ИМЕНА

Православный календарь ежедневно напоминает о днях памяти святых, в честь которых мы именованы. Судьбы подвижников благочестия удивительны. И очень важно знать историю жизни того, чьё святое имя мы носим.

Поделюсь случаем, благодаря которому моя святая покровительница Наталия Никомидийская стала мне особенно близка. Произошёл он довольно давно, ещё в моей юности.

Как-то на службе в церкви в голову неожиданно полезли мысли, что мне моё имя не больно-то нравится. Вспомнилось, что родители рассказывали, как, решая вопрос с моим наречением, помимо имени Наталия они размышляли также о других именах. Одно было в память прабабушки – Варвара, другое – в честь бабушки – Анастасия... Вот мне тогда и подумалось, что и назвали бы так, ибо Наталий в нашем роду как будто не значилось...

После службы довелось мне в храме оказать помощь одной чудесной бабулечке. Лет ей было под 90 или даже больше. Принадлежала она к тому роду волшебных бабушек, чей взгляд, наполненный любовью и мудростью, сразу обнимает всю тебя. И ты чувствуешь, что приласкана и согрета её добрым сердцем... Старушка поблагодарила за ту малую помощь, что я оказала, и спросила, как меня зовут, обратившись при этом с таким славным и знакомым мне с детства словом – «дитятко». Я ответила. И тут моя собеседница радостно произнесла:

«Ой, как славно! Натальюшка! Такое имя! У тебя же, деточка, чудесная святая покровительница! Знаешь, я ведь Натальюшку-то очень люблю! Хорошая она... Как же тебе повезло, что такое имя носишь! Будь Богом благословлена, дитятко!»

Неожиданно я почувствовала к святой Наталии Никомидийской такое сердечное тепло, что тут же устыдилась

нелепым мыслям, которые совсем недавно атаковали сознание насчет имени моего...

Натальюшка!

Вот так Добрый Бог послал мне на пути человека, через которого исчезло странное смущение и пришло новое удивительное чувство к своей святой, к своему имени... Поэтому, дорогие Натальюшки, и все мои дорогие братья и сестры во Христе, носите свои драгоценные святые имена с любовью и радостью, молитесь небесным покровителям и будьте счастливы!

БОГИКОМ НАВСТРЕЧУ ЧУДУ РУССКОМУ

Июнь 1989 года. В ленинградском институте сдана первая летняя сессия. На каникулы вернулась домой в Таллин! В честь окончания первого курса родители подарили мне путёвку по Золотому Кольцу.

В поездке сразу сдружилась с двумя «юными отроками» из нашей тургруппы. Их мамам-папам подобная «нянька» была весьма на руку, а мне компания десятилетних рыцарей оказалась ближе общества сверстниц, по вечерам мотающихся по кафе и барам Владимира, в гостинице которого мы базировались между экскурсионными выездами. Правда, позже закадыки мои весьма удивились, узнав, что я – студентка, так как из-за моего субтильного вида поначалу принимали за «свою», за школьницу.

Та поездка в тогдашнем ещё СССР, разумеется, была светского характера. Но среди посещаемых нами церквей-монастырей сердце моё благоговело при встречах со святынями земли русской.

Особое впечатление произвел колокольный звон в Суздале. Звонарь, по виду настоящий былинный богатырь, оказался, как пояснил экскурсовод, одним из лучших мастеров

своего дела в Европе. Он словно явился из древности и подарил нам песню дивную.

Голоса колоколов будили сердце, очищая, освещая, восполняя его благодатью. Слезы лились из глаз. Помню пронзительно синее небо и чудные звуки, устремляющие душу к нему. В те мгновения вершилась какая-то дотоле неведомая мне сердечная молитва, окрыляющая ощущением сопричастия Руси. Растрёпанная душа обретала целостность среди древних святынь Отечества.

Ещё одним сильнейшим впечатлением кроме суздальского колокольного звона стала поездка в Боголюбово для встречи с Покровским храмом на Нерли. Полюбила я его сразу и навсегда. Дивным было даже само шествие к нему посреди заповедного луга.

Спускался вечер. Наша группа шла вместе с другими многочисленными «светскими» экскурсантами-туристами (по сути-то – паломниками). И при нахождении в этой народной толпе сердце переполняла светлая радость. Никакие праздничные советские первомайские или октябрьские демонстрации подобного в душе не вызывали... Чувства, охватившие меня в Боголюбово, были какой-то иной, новой природы. Спустя время они вернутся уже во время православных крестных ходов.

Мы шли неспешно, увлекаемые видом белеющей на отдаленном холме церкви. Неожиданно небо потемнело, и стремительно захлестал июльский ливень. Но это погодное испытание лишь усилило чувство свободы и сердечного восторга. Многие люди, к которым примкнула и я, сняли обувь и продолжили путь босиком. Тропинка была тёплой. Я и сегодня помню ощущение блаженства от наполненного ароматом трав воздуха и ласковой дороги под босыми стопами. Родная земля напитывала силой, укрепляла, направляла...

Дождь прервался так же внезапно, как начался.

Мы подошли к церкви. Не зря в народе её нарекли «белой лебёдушкой». Лёгкая, белоснежная, стремящаяся к небу. Она была открыта. Внутри всё дышало многовековой намоленностью. И снова, как в Суздале, сердце заговорило. Опять – те же невольные, настойчивые слёзы и радость – ты здесь своя, здесь всё родное и непонятно понятное!

И родились стихи...

Освежиться бы ветра глотком
В Боголюбовской щедрой весне,
Росным лугом ступить босиком
В мир рассвета в благой тишине...

И в туманно-былинной дали
На холме над рекой увидеть
Русский храм Покрова на Нерли –
Неземную в миру благодать.

Вновь душа небесами полна...

И так сладостен утренний плен,
Где искрится речная волна,
И не встать от восторга с колен...

Прошли годы. Уже неоднократно Господь сподобил меня побывать у белой лебёдушки с родными и друзьями.

Дорогого стоит возможность разделить с близкими своё ценное...

Как-то в очередной летний отпуск мы с мужем опять оказались на Владимирской земле и, конечно же, направились к Покровской церкви. Я предвкушала вновь ощутить дивную радость «босоножья» на заветной тропе, увлекающей меж заповедного луга в русскую сказку.

Оставив машину на стоянке и перейдя железнодорожный переезд, мы оторопели, увидев, что так любимая мною, приветливая, ласковая дорожка выстлана искусственным покрытием, имитирующим потрескавшуюся землю! Сразу подумалось: «По чьей же идее и велению это случилось?»

Сняла обувь и пробовала ступить босиком. – Больно!

И нет больше того ощущения силы и благодати, исходящего от родной сырой матушки-земли.

Позже из Интернета узнала, что называется это диковатое новшество – «пешеходная тропа». Обошлась она государству в восемь миллионов рублей... Теперь вроде бы строят и автомобильную дорогу для «особых» лиц. И подсветку намереваются соорудить, и скамеечки с урнами вдоль дороги...

Возможно, кто-то хотел, как лучше... Возможно, дело во вкладываемых деньгах... Но разве искусственный камень может заменить живую тропинку-дорожку к прекрасному храму, воздвигнутому в далёком 1165 году Андреем Боголюбским, веками исхоженную тысячами паломников?

И мне нестерпимо горько, что моя дочь уже не сможет, вдыхая свободу и восторг, побежать босиком легко и радостно навстречу чуду русскому.

КРЕЩЕНСКАЯ ВОДА

Радостно и светло на сердце в дни православных праздников! Сегодня – Крещение Господне, день Богоявления!

Идешь в церковь на литургию внутренне сосредоточенно – предстоит исповедь. В сердце – надежда принять святое причастие, тайну тайн великую, дар людям от Бога.

Храм переполнен. Вот и славно, вот и хорошо. Встаю в очередь к исповедующему священнику, чтобы расквитаться с грехами. Вслушиваюсь в слова начинающейся службы. Где-то за дверями храма – суeta мирская, а здесь ты стоишь наедине со своей совестью и молишься.

В детстве при входе в церковь у меня всегда появлялось ощущение, как будто пришла домой. И сегодня на душе уютно, как в те далёкие годы...

Вдруг кто-то внезапно нарушает эти раздумья:

– Скажите, вы за водичкой стоите?

Вначале недоумеваю и спрашиваю себя: «Какой водичкой? Ах, да – крещенской». И сообразив, отвечаю вопрошающей женщине:

– Нет. На исповедь.

Она озабоченно вновь обращается ко мне:

– А за водичкой-то мне куда?

Понимая, что диалог неизбежен, вежливо советую:

– Сейчас литургия будет. Вы постойте, помолитесь, а освещение воды уже потом.

– А долго стоять-то? – с тревогой задаётся мне новый вопрос.

Я не знаю, как выразить в часовом измерении продолжительность службы и прибегаю к спасительно-нейтральному:

– Как обычно.

И тут, вернувшись к действительности из своего славного отрешения, начинаю замечать, что происходит вокруг. Со всех сторон раздаётся звяканье стеклянных банок, скрежет пластиковой тары. Многие держат в руках пакеты внушительных размеров... В центре храма заранее приготовлены столы для освещения воды, потому место для молящихся значительно сократилось. А народ всё прибывает и напирает. И уже наша очередь исповедников не кажется мне такой уж большой по сравнению с намечающимися реками жаждающих получить святую воду. Думаю, что всё равно – хорошо, всё равно – славно. Люди же в храме! Это – главное!

Вопросы о цели моего стояния периодически повторяются. Вновь объясняю, что «нет, не за водичкой я, а на исповедь». А о самой исповеди уже и не думаю.

Служба идет. Народ теснится. Становится жарко. Я готова к духоте, предусмотрительно оделась полегче. А куртка моя, кстати, имеет волшебную возможность рюкзачком повиснуть за плечами. Есть у неё такие спасительные, пришитые к подкладке ляпочки. А вот людям «не бывалым», а лишь

«захаживающим» в церковь приходится туго. В шубах да в меховых шапках непросто выдержать такое испытание!

Ну вот, уже и к священнику подхожу. «Наябедничала» про себя. Он меня епитрахилью накрыл, разрешительную молитву произнес. Целую крест, Евангелие, получаю благословение на причастие. Мы с батюшкой друг друга с праздником поздравили. Освобождаю место для следующего исповедника. Теперь надо протиснуться поближе к солее и ждать причастия. При перемещении в необходимый «квадрат» внезапно слышу:

– Что так долго? Вода-то когда?!

Это спрашивает свою товарку вспотевшая, с оплавившимся макияжем на лице, дама в норковой шубе. Напарница ей многозначительно поясняет:

– У них тут служба идет. Пока они её не закончат, нам воду не дадут.

И тут у меня происходит, как говорят современные психологи, «когнитивный диссонанс». С одной стороны – я только что исповедалась. Как бы теперь прямо перед чашей в осуждение не вляпаться... А с другой... Моё сознание не может переработать невольно услышанное. Внутренне возмущаюсь: «Служба «у них» это у кого?! А вы-то зачем тогда к нам за нашей водой, если сами не с нами?»

Добрый Господь приходит мне на помощь. Пока я окончательно не забурлила и не ошпарила «ближних», пока не испортила только что состоявшуюся душевную чистку, священники выносят чаши. После причастия протискаиваюсь за запивкой и беру кусочек просфоры. Улыбаемся взглядами со служительницей, умело разливающей теплоту:

– С праздником, сестра!

И становится радостно. Дивлюсь себе – никакого раздражения. Хочется всех обнять, и «своих», и тех, которые лишь «за водичкой». С надеждой думаю: «Сегодня так, а завтра уже и на службе из них кто-то да появится, к «нашим» примкнёт».

Со всех сторон звякают и шуршат ёмкости в пакетах. Для каждого сегодня будет подарок – исцеляющая крещенская вода. Врачующая в первую очередь душу. Я пока не примыкаю к рядам, ожидающим «чудесного снадобья». Наберу воды попозже. Выхожу из храма. С улицы в него теперь плетётся-заплетается очередь многометровой лентой. Потерпите братики-сестрички, будет всем крещенская водичка... Видать, и вправду Царство-то Божие силою берётся. Возвращаюсь домой через заснеженный парк, радуюсь внезапно выглянувшему солнышку, думаю...

БЛИЖНИЕ МОИ

Порой ответы на терзающие нас вопросы приходят совершенно неожиданным путём, словно Сам Господь раскрепляет склеенные тайной страницы нашей жизненной книги.

Мои детские и юношеские годы прошли в столице тогда ещё Советской Эстонии. Напротив нашей пятиэтажки располагалась небольшая церковь во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», которая не закрывалась даже в богоборческое время. Именно там меня крестили в раннем детстве. Восприемницей стала бабушка, которая часто приезжала к нам в гости и находила душевное утешение в возможности посещения церковных служб, так как в поселке Вохма Костромской области (до революции 1917 года – Вознесение-Вохма), где она проживала, оба храма были нарушены. Один – разорён и сожжён, а в другом устроен краеведческий музей.

Во многом благодаря бабушке Анастасии Николаевне Травиной вера в Бога в нашей семье была, хоть родители и занимали, как сейчас говорят, «ответственные социальные

позиции». Потому духовная опора у меня подспудно формировалась сызмальства.

Хорошо помню радостные чувства, когда с соседской девочкой-подружкой мы проводили время за оградой нашей скорбящей церкви, где несла посильные труды её прабабушка. В тёплые деньки эта светлая старушечка сидела на скамейке в церковном дворе и что-нибудь вязала на спицах. Вот мы и забегали к ней «погостить». Здесь был иной мир. Сердцу становилось уютно.

В церкви пахло ладаном, горели свечи, с образов пронизательно вглядывались в нас добрые лики святых. Время останавливалось...

Вот только что мы всю «гоняли» по улицам, а здесь моментально забывали о шалостях и замирали, чему-то нечаянно радуясь. Не зря говорят, что детское сердце особенно чутко к присутствию Благодати...

В годы перестройки наша семья переехала из Эстонии в Россию, в Санкт-Петербург. Я помню, как бабушка уже в конце девяностых иногда вздыхала и приговаривала: «Ох, не уверена, всё ли было верно, когда тебя крестили». Откуда у неё возникли такие сомнения – не знаю, но они запали мне в сердце. Хоть и была я при крещении совсем маленькой, хорошо помню момент миропомазания. Может, бабушка переживала, что в храме не было купели для полного погружения?

Именно моя бабушка была бесстрашной крестной у многих наших родственников в те времена, когда с религией шёл бой. По рассказам родни, она всегда как-то узнавала, что в посёлок приезжал священник, тайно останавливаясь в каком-нибудь доме для совершения треб и служения литургии. Бабушка водила к нему крестить детей и внуков своих родных и знакомых.

Дома она ежедневно подолгу до мозолей на коленях молилась перед старенькими родовыми семейными иконами, которые не прятала, не скрывала. Была очень благочестивой.

Поэтому её беспокойные мысли по поводу моего крещения нет-нет да и вспоминались.

Когда после долгой разлуки с Таллином я вновь смогла там бывать, то «перевозила» в город моего детства всех родных и друзей, разделяя с ними радость встречи со средневековой сказкой. Счастьем было водить моих спутников по узеньким улочкам и в качестве личного экскурсовода рассказывать им таллинские легенды и истории... И вот, в очередной наметившейся поездке, я наконец-то решила попробовать получить ответ на давнишний вопрос и даже разузнать что-нибудь о священнике, который меня крестил. Хотелось также попытаться отыскать в скорбященском храме сами записи советского периода об этом таинстве.

Стоял сентябрь. Ранним пятничным утром на международном рейсовом автобусе мы с подругой отправились из Петербурга в трёхдневное путешествие в Таллин. Ещё загодя я поделилась с ней своими замыслами, и она охотно поддержала идею побывать в церкви моего детства.

Удивительности начали происходить уже в начале пути. Мы беззаботно болтали с приятельницей, строили планы, где побываем, что посмотрим. На местах через проход напротив нас разместились пожилая супружеская пара. Неожиданно женщина обратилась ко мне:

– Простите, я услышала ваш разговор и поняла, что вы хорошо знаете Таллин. Не подскажете ли такое место, где находятся сразу два собора – православный и лютеранский. Они должны быть неподалеку друг от друга. Знаю только, что это – в Старом городе.

– Скорее всего, вы имеете в виду кафедральный собор имени Александра Невского и Домскую церковь. Они действительно стоят рядом на Вышгороде, на холме Тоомпеа. Так сходу их месторасположение мне объяснить сложно, но когда вы окажетесь в Старом городе, то любой человек подскажет, – ответила я, полагая, что на этом диалог окончится, но моя соседка внезапно разоткровенничалась:

– Понимаете, мы с мужем специально впервые едем в Таллин вместе, чтобы не только погулять, но и выяснить кое-какие вопросы. Я ведь там родилась, но наша семья покинула Эстонию, когда я была ещё ребёнком... Совсем ничего не помню. Но моя покойная тётя утверждала, что меня в Таллине крестили. Вот и хочется развеять сомнения по этому поводу.

При этих её словах я насторожилась, а подруга многозначительно посмотрела на меня. Дело принимало необычный поворот, ведь и меня в Таллин в этот самый раз влекли подобные «духовные мотивы». Совпадение? А собеседница продолжала рассказ:

– Меня Еленой зовут. Много лет назад тётя рассказала, что моё крещение произошло в одном из двух рядом стоящих соборов. Вот только она не помнила: в лютеранском или же в православном. Её уже давно нет. Мне и самой – за шестьдесят. Хочу все-таки и туда и туда зайти. Может быть, записи какие-то остались. А так, девочки, вся жизнь как-то без особой веры и прошла. А сейчас что-то задумалась я.

– Вот они – твои православные необычные! Снова начинаются! И это мы ещё от Питера отъехать не успели! – зашептала мне на ухо подруга.

Действительно было чему подивиться. Каким-то образом нам с этой супружеской парой суждено было рядом разместиться в автобусе, и именно я была выбрана для доверия мне необычных вопросов и откровений соседки. Мы продолжили беседу с Еленой (отчества она не назвала). Подсказала ей достопримечательности, которые им с мужем стоит посмотреть, где побывать, какие сувениры приобрести и даже что попробовать из местной кухни.

На следующий день после приезда в Таллин, то есть в субботу, мы с подругой отправились в район моего детства. Погуляв подле дома, где когда-то жила наша семья, я вновь вошла в заветные ворота, ведущие на двор дорогой сердцу маленькой церкви.

Перед входом в храм оказалось множество празднично одетых людей с цветами и воздушными шарами. Все улыбались и довольно шумно переговаривались. Мы с приятельницей протиснулись сквозь их ряды в самую церковь и вновь попали в довольно плотную толпу. Народ стоял с младенцами на руках и с разновозрастными детками за руку.

Вот так совпадение! Заехала узнать насчёт собственного крещения и прямёхонько попала к концу этого же таинства, да ещё с таким обилием крещаемых!

Всё вокруг дышало праздником... Глаза светились счастьем. И я вдруг отчётливо ощутила, что все эти окружающие меня незнакомцы мне очень близки, и что ответ на один из моих вопросов уже дан!

Постепенно храм опустел. К нам подошел священник – отец Андрей Мэре. Он посетовал, что книги с записями о таинствах, совершённых в советское время, не сохранились, но он попробует в документах посмотреть имена священников, которые здесь раньше служили.

Я ждала батюшку, а со стен по-прежнему внимательно вглядывались в повзрослевшую меня добрые лики святых, горели свечи, пахло ладаном. Было ощущение, что здесь вспомнили, приняли, приласкали. Ближние мои...

Имя священника я узнала – протоиерей Николай Когер. Уже позже благодаря Интернету я познакомлюсь с его нелёгкой судьбой и поблагодарю Господа за такого чудесного «батюшку-крестного», а в тот день меня переполняла светлая радость. Вновь ощущала себя маленькой девчонкой, которая с друзьями-сорванцами прибегает с улицы в церковь и замирает там перед любящими ликами святых...

Оканчивалось наше путешествие.

В воскресенье, войдя в салон автобуса, который должен был доставить нас обратно в Санкт-Петербург, мы удивительным образом вновь оказались по соседству всё с той же семейной парой. Лишь только отъехали от автовокзала, Елена начала «отчет»:

– Девочки, со мной за эти дни столько чудес произошло! Мы ведь с мужем как приехали, так сразу вечером в пятницу и пошли разыскивать соборы, благо что гостиница оказалась рядом со Старым городом. Побродили около Домского, но что-то я туда не решилась зайти. Пошли в храм Александра Невского. – Такой красивый! Я спросила в церковной лавке, можно ли нам как-то пообщаться со священником, и одна девушка, увлекая нас за собой, тут же поспешила его позвать. Подошёл очень приятный такой старенький дедушка. Я ему ситуацию свою обрисовала. Он ответил, что книги с записями советского периода у них, к сожалению, не сохранились. – Елена вздохнула, переводя дух, а мне подумалось, что в точности повторяется моя субботняя история.

– Потом я спросила, может, мне тогда в Домский собор обратиться? – продолжала она. – Священник задумался и вдруг поинтересовался, а уверена ли я, что вообще была крещена, или знаю это лишь со слов тети? Ответила, что только со слов тети, но раз та упоминала о такой подробности, как стоящие рядом два собора, то наверняка меня крестили. Тогда он опять помедлил и спрашивает, к какой вере я больше сердцем расположена: к православию или лютеранству? Я говорю, что раньше не особо верующей была, но иногда в православную церковь ходила свечки поставить, да и постоять там, опять же на Пасху яйца красила, а сегодня в Домский собор даже зайти постеснялась... Как-то не моё. И знаете, девочки, он мне сказал, что сердце человека всегда лучше его ума всё чувствует. И раз тётя моя говорила, что я крещёная, то надо тому и верить, а дважды это таинство не совершается. Потом он попросил меня подождать, а сам в алтарь ушёл. Вернулся с маленькой бутылочкой. Оказывается, им в собор только-только какую-то розовую воду из Иерусалима привезли. Он помолился и меня той водой помазал. И так мне радостно стало! Напоследок тот священник сказал, что дома мне надо будет найти какую-нибудь церковь и начать туда

ходить, да и школу воскресную для взрослых посещать, молжить надо с Богом.

– Рада за вас, – улыбнулась я. – А насчёт того, что батюшка часто при вашем общении задумывался, так это он молился, чтобы Божью Волю о Вас понять, почувствовать. Видимо, так ему на сердце легло поступить. Вы его послушайтесь, ведь в Петербурге много церквей. Выберите себе одну и начните с мужем в ней бывать, а это Вам от меня, – я протянула Елене маленькую бумажную иконку благоверной Анны Кашинской, которую нашла случайно в сумке.

– Это образ святой княгини-инокини. Вы молитесь ей и просите заботиться о Вашей семье перед Богом.

Елена взяла иконку недоверчиво. То ли ей было непривычно получить сердечное расположение от незнакомки, то ли вкрались какие-то языческие помыслы, мол, что мне тут дают такое, можно ли брать? Вся палитра чувств от внутренних сомнений отражалась на её лице.

– Будьте счастливы и радостны, Елена, живите с Богом. А иконки принимать в дар можно. Ведь это же чудо, когда неожиданно какой-то святой пусть и через посредника, но приходит в Ваш дом! Всё у Господа связано. Все мы – братья и сестры во Христе.

При воспоминании о том сентябрьском случае хочется верить, что нынче Елена с мужем действительно ходят в православный храм, и жизнь в их семье стала более солнечной и полной.

А мне та поездка подарила не только ответы на давнишние вопросы, но ещё и радость обретения нового смысла драгоценных слов «ближние мои».

ПОДАРОК МАТРОНЫ БОСОНОЖКИ

В начале апреля 1911 года на окраину Санкт-Петербурга к Скорбященской церкви рекой стекался народ. Шлиссельбургский проспект в районе Императорского Стекольного завода был заполнен толпами верующих. Все хотели проститься со старицей Матреной Петровной Мыльниковой, которую любовно называли Матронушкой Босоножкой. Поразительна история жизни этой подвижницы, которую по праву можно считать сестрой святого милосердия. В моём стихотворении, посвященном ей, есть такие строки:

Проспект осветился закатным кадиллом.

Обуховская сторона...

В ряду с Зеленецким подворьем – могила,

И чтима особо она. –

Тридцатого марта в Пасхальном преддверье

Почила Матронушка мать,

Продолжив с небес по людскому доверью

Молитвами боль унимать...

Тридцатое марта 2011 года приходилось на дни Великого поста... Помня, что приближается столетие со дня кончины Матроны Босоножки, мне непременно хотелось побывать в этот день на её могилке, расположенной близ подворья Зеленецкого монастыря. Но случилось, что я закрутилась в заботах и лишь поздним вечером так ожидаемого дня вспомнила о своём намерении. Было очень досадно, и мы решили с мужем непременно поехать к Матронушке в ближайшее время.

Вскоре 12 апреля соборовались семьёй в храме Иоанна Богослова при Петербургской Духовной Академии. После таинства сердце дышало благодатной лёгкостью. В унисон этому внутреннему состоянию была и погожая, солнечная погода. Мы вспоминали про День космонавтики, шутили.

Сев в машину, сразу решили отправиться к Босоножке, благо Духовная Академия располагалась неподалёку. Подъезжая, удивились обилию народа на подворье.

Масса цветов, горящие свечи, песнопения Панихиды...

Я подошла к могилке и когда положила земной поклон, вдруг прочла на мраморной плите надгробия надпись, свидетельствующую о дате упокоения:

«...30 марта по старому стилю, 12 апреля по новому стилю...»

Стихотворное посвящение схимонахине Марии (Матронушке Босоножке) было мною написано давно, но я почему-то не взяла в толк, что «тридцатое марта» – дата её ухода в вечность по старому стилю! Матронушка не просто вразумила невнимательную поэтессу, но словно приняла меня именно после таинства соборования, когда душа была омыта покаянной молитвой. И произошло это, как желалось, в день столетия окончания земного странствования подвижницы...

Дивны дела Твои, Господи!

Апрель 2011 г.

ПИСЬМО ИЗ БАРНАУЛА

«Здравствуйте, милые, добрые люди! Мир Вам и благополучие!»

Так задушевно начиналось это письмо, пришедшее из Барнаула в Санкт-Петербург на подворье Свято-Троицкого Зеленецкого мужского монастыря на проспекте Обуховской обороны. Письмо принесло с собой ещё одно свидетельство о явлении чудесной помощи Матронушки Босоножки, русской подвижницы, чья могилка как раз и располагается поблизости.

Счастье – быть православным и сердцем знать, что у Бога все живы, что ныне живущих молитвенно оберегает небесное воинство. И ряды этой светлой рати растут.

Всё новые воины духа вступают в Вечность. Кто-то из них вершил свои подвиги тайно, а кто-то явным примером личного подвижничества освещал сердца, врачевал души, увлекал к праведности. Их имена со временем причисляются Матерью Церковью к сонму Божиих святых...

Матрону Петровну Мыльникову, принявшую на стыке XIX-XX веков обет юродства и тридцать лет являвшую своей жизнью пример христианской жертвенной любви, в народе с любовью называют Матронушкой Босоножкой. Почила она в Петербурге 12 апреля (30 марта по ст. стилю) в 1911 году. Летят на Зеленецкое монастырское подворье свидетельства о её чудесной помощи, бывшей как при жизни Матронушки, так продолжающей происходить с момента её погребения по наши дни.

У Бога все живы. И радостно, и волнительно понимать, что люди, достойные венца святости, уйдя в вечность, потом, возможно, сами выбирают помощников для своего прославления из нас грешных. И когда этот выбор падает на тебя, душу охватывает благочестивый трепет.

Внезапный телефонный звонок моей знакомой:

– Надо срочно помочь – перевести рукописные свидетельства о чудесной помощи нашей Матронушки в «цифру» для дел по канонизации. Возьмешься?

Взялась. Это произошло в моей жизни. Почему? Уж точно не по достоинствам. Скорее нужно задать вопрос «зачем»?

Разбираю тексты с многочисленных изображений сканированных листочков. Потихоньку перепечатаваю их в «Word». География целой России, да и не только её охвачена случаями явления помощи нашей петербургской Матронушки. Называют её и матушкой, и бабушкой, и старицей, и чудотворицей.

Благодарные слова. Удивительные свидетельства наших дней: помощь в поисках работы, в обретении или укреплении семьи, в исцелении, в утешении от уныния, в сложных житейских ситуациях... В каждом письме – история

человеческой судьбы, которую согрела своей любовью Матрона Босоножка. Телефоны и адреса оставлены для уточнения достоверности сообщаемых фактов. Читаю и перепечатаваю...

И вдруг – это барнаульское письмо:

«Здравствуйте, милые, добрые люди! Мир Вам и благополучие!

По телевизору я посмотрел передачу замечательную о трёх Матронушках, среди которых и ваша петербургская Матрона Босоножка. Она мне и раньше помогала, а вот как помогла сейчас:

Зовут меня Иван. Я – инвалид детства. Когда-то делал из пряжи помпоны-шарики для кукол, но потом в работе этой отказали. Тогда я стал со своей пенсии по инвалидности сам покупать пряжу, делать помпоны и отдавать детям для украшения игрушек. Тут как-то прыгнуло давление за 200. Я был в отчаянии из-за того, что не могу работать. Без работы плохо! Как раз увидел передачу, стал молиться Матронушке Босоножке, и случилось чудо.

На следующий день мне стало полегче, а ещё пришла хорошая знакомая р. Б. Раиса и принесла мне моток пряжи. Молясь за её здоровье, я сделал свои помпончики и отдал их детям в одну из больниц города. Матрона Босоножка, моли Бога за нас! Если можно, помолитесь за меня болящего, за моих родителей Лидию и Владимира, за племянниц Дарию и Екатерину, за моих близких! Посылаю Вам кое-какие статьи, может, они будут кому-то в помощь, и ещё малую сумму для монастыря. Храни Вас Бог!»

Вспомнились тут мне слова Святого Серафима Саровского, который всех встречал словами «Радость моя». А ведь тональность его приветствия с началом этого письма схожая!

«Здравствуйтесь, милые, добрые люди!» – обращается к нам, желая здравия, с детства физически больной человек. И он свидетельствует не об исцелении от инвалидности, не о

внезапной материальной помощи или обретении высокооплачиваемой работы, а о чуде, которым для него стало то, что Матронушка помогла продолжить творить добро – делать для детей подарки! «Без работы плохо»! Ему принесли пряжу... Матронушка услышала...

Он, купивший нитки с инвалидной пенсии, чтобы утешать радостью детей, и в дар монастырю посылает «малую сумму», которая, несомненно, пред Богом подобна лепте Евангельской вдовы. И почему-то не удивительно, что имя его – Иван. Иоанн в православном обращении...

Для меня это письмо оказалось подобным притче о христианской любви. И я тоже свидетельствую о чуде, подаренном Матронушкой Босоножкой. Она позволила мне сорадоваться счастью ближних во Христе, пригласив через мою знакомую прикоснуться к тайне своих благотворений. Она подарила и это барнаульское письмо – свидетельство светлого человека. И хочется обратиться к миру:

– Милые, добрые люди, здравствуйте! Здравствуйте телом и душой вашей бессмертной! Мы Богом благословлены, если есть среди нас такие братья. Замечайте их сердцем! Учитесь у них радоваться духовной радостью! Помогайте друг другу в нуждах и облегчайте печали ближнего.

Именно этому кротко учит нас сквозь строки своего письма раб Божий Иоанн из Барнаула и наставляет подвижница Господня Матрона Босоножка Петербургская, которую и без официальной канонизации народ наш русский давно уже почитает святой.

Ноябрь 2016 г.

ДОБРЫЙ ГОСТЬ

Иногда в жизни случаются моменты «духовных озарений» или предвидений, которые преподобный Паисий Святогорец сравнивал с откровениями из «духовного телевизора».

За утренним правилом, если позволяет время, я обычно знакомлюсь с житиями поминаемых в этот день святых. Шестого декабря вновь перечитала о Святителе Митрофане епископе Воронежском и Елецком. Мой отец как раз родом из тех мест. Вот, думаю, какой славный святой сегодня поминается! Его и Государь-то Пётр I чтит особо...

Когда муж пришел с работы, то я, поприветствовав его в прихожей, вернулась на кухню хозяйничать. Стою, посуду мою. Супруг подошёл и, протягивая на ладони мне какой-то небольшой предмет, сказал: «Знаешь, я сейчас к маме заезжал. Посмотри, что мы с ней нашли, не мощевик ли?»

Занимаясь посудой, я стояла к мужу спиной. Взглянула мельком через плечо на медальон и, даже толком его не разглядев, вдруг непроизвольно произнесла: «Да это же Митрофан Воронежский в свой день к нам пришёл!». Сказала и сама своим словам удивилась. Про мужа-то и говорить нечего... На медальоне действительно был образ Святителя!

ЗОЛОТО ЗВЁЗДНОЕ

Снам не доверяю, но всё же поделюсь случаем, связанным с действительно необычным сновидением, произошедшим осенью в 2005 году.

Я собиралась по делам в Москву. Накануне отъезда приснилась мне необычная книга. На её чёрной обложке, словно на длани ночного неба, золотом звёздным было выведено имя «Силуан». Сон запомнился очень отчетливо. Утром записала это, дотоле незнакомое мне имя на маленьком бумажном стикере, который вклеила в молитвослов, всегда путешествующий со мной.

Приехав в столицу, вскоре отправилась посетить один из любимых мною в Москве Петропавловский сербский храм, расположенный на одноименном переулке близ станции метро «Китай-город».

Вновь оказавшись в его особенной атмосфере, долго стояла подле Богородичного образа «Знамение». При возвращении к метро, увидела рядом со станцией храм Всех святых. Захотелось побывать и там. Вошла...

Неподалёку от входа – церковная лавка. Взгляд скользнул по «ассортименту». Скользнул и замер на одной из книг: чёрная обложка, на которой золотом выведено «Преподобный Силуан Афонский»! Имя, которое я, чтоб не забыть, два дня назад записала на стикере и приклеила к молитвослову.

Всё, словно в моём сне...

Помимо названия на обложке книги значилось также имя её автора и было изображено очертание святой греческой горы Афон.

Меня охватило удивительное чувство радости от того, что эта книга явилась ко мне столь дивно и так скоро после запомнившегося сновидения. И ведь до той поры я действительно не знала о Преподобном Силуане...

Конечно, сразу приобрела эту книгу... Конечно, сразу стала её читать... И неожиданно получила ответы на давнишние важные вопросы. Имя автора, архимандрита Сафрония (Сахарова) теперь тоже стало близким благодаря и другим его духовным литературным трудам, с которыми потом случилось познакомиться.

Годы спустя мой супруг, при учебе в Петербургской Духовной семинарии, напишет реферат, касающийся жизни Преподобного Силуана Афонского, а настоятель петербургского храма «Умиление», который мы часто посещаем, отец Феодосий Амбарцумов окажется также внимательным и горячим приверженцем как преподобного Силуана, так и архимандрита Сафрония.

Небесные подсказки не сразу нами понимаются... Та удивительная встреча с книгой была своевременной и содержала нужные мне советы. А сегодня моё мысленное собеседование с её автором становится осознаннее, глубже...

Всё у Господа чудесно и радостно, верить только надо!

СВЯТЫЕ ТИХОНЫ

Каждый день подобен новой странице из книги нашей земной жизни. Наступает утро, открывается очередная, удивительная по-своему. И, прочитывая её, так важно внимательно подмечать подарки Божии.

Недавно знакомилась с сайтом Сретенского храма, расположенного на родине моей мамы в посёлке Вохма Костромской области (до революции – Вознесение-Вохма), где в детстве я с большой охотой бывала каждое лето. В разделе «Новости» прочла, что в Неделю 3-ю по Пятидесятнице Божественную литургию там совершал епископ Галичский и Макарьевский Алексей. Удивило меня это вроде бы обычное сообщение из приходской хроники тем, что, оказывается, в тот же день отмечалась и память преподобного Тихона Крестогорского, Вохмовского.

Уже полвека меня связывает с Вохмой, а об этом покровительствующем ей святом узнала впервые! Информации о преподобном Тихоне Вохмовском в Интернете оказалось мало. Нашла лишь сведения, что предположительно старец приобрёл духовный опыт в стенах одного из устюжских монастырей. Устроитель Крестогорской пустыни пришёл на реку Вохму вскоре после явления в 1677 году крестьянину Диомиду в Устюжском уезде вблизи устья речки Дуниловки чудотворной иконы Пресвятой Богородицы, которую он и его сыновья поместили в построенную ими часовню. (Об иконе: длина образа составляла 1 аршин (71 сантиметр), ширина – 10 вершков (44 сантиметра). В верхней части были изображения: в центре – Казанской Пресвятой Богородицы, слева – Архангела Михаила, справа – пророка Илии, в нижней части иконы: в центре – святителя Николая Мирликийского, слева – великомученицы Параскевы, справа – святителя Тихона Амафунтского).

Весть о явлении иконы быстро разнеслась по округе, и люди с окрестных волостей спешили ей поклониться. Вот и

монах Тихон посетил Дунилово. Вскоре он поселился в 50 верстах восточнее, в верховьях реки Вохма. На высоком берегу инок водрузил крест и поставил келью. Эта местность была безлюдна, хотя ниже по течению располагались большие приходы: Спасский, Троицкий, Вознесенский, Никольский.

Поначалу Тихон жил один, но со временем к отшельнику присоединились другие монахи. Таким вот образом в 1679 году там и образовалась пустынь. Первую её церковь освятили в честь Воздвижения Креста Господня.

Строитель Тихон был стар годами и недолго управлял Крестогорской Воздвиженской пустыней. Около 1685 года он окончил свой земной путь. Над его могилой воздвигли часовню, освятив её во имя святителя Тихона Амафунтского – небесного покровителя почившего старца. В 1764 году Крестогорскую Тихонову пустынь обратили в приходскую церковь...

Казалось бы, очередная история жития ещё одного святого... Но для меня, во-первых, она стала началом знакомства с молитвенником о вохомской земле, о крае моих предков по материнской линии. Во-вторых, она интонирует с именем другого светоча Руси – Святителя Тихона Задонского. Возле последнего места его трудов и упокоения – Задонского Рождество-Богородицкого монастыря – проживали мои предки по отцу. Навещая хлебодарный южнорусский край и приходя на могилы папы, дедушки Ефима с бабушкой Марфой Чукановых, благочестивых трудолюбцев, родивших 13 детей, мы с супругом непременно заезжаем и в Задонскую обитель поклониться мощам преподобного Тихона. Кроме того, отчество деда Ефима – Тихонович. И, скорее всего, наречён мой прадед был именно в честь Святителя Задонского, особенно чтимого в этих местах.

Вот так неожиданно при «прогулке по Интернету» и посещении сайта вохомского Сретенского храма открылась не просто очередная страничка моей жизни, а словно бы целая глава книги нашего рода, в которой два русских святых

Тихона (Задонский и Крестогорский-Вохмовский), изначально благоволившие моим родителям, согласно местам их рождения, теперь вместе молитвенно оберегают и мою семью. А кипрский Святитель Тихон, епископ Амафунтский, в честь которого именованы наши русские святые, тоже стал ближе...

Мне хотелось этим нехитрым рассказом показать, как жизнь наша, если мы стараемся проживать её со Христом и во Христе, ежедневно, ежечасно, ежеминутно дарует прекрасное и удивительное. Поэтому не стоит специально выискивать «особых» чудес в мире православном, лучше больше доверять Богу и благодарить Его за милости, которыми Он ущедряет наше земное существование каждый миг.

КРЕСТИК

В любом дне можно усмотреть даруемые нам Господом радости. Поделюсь случаем, произошедшим со мной в начале нашего XXI века.

В тот зимний день у моего нательного старенького крестика истёрлась дужка и нужно было его заменить. Я обнаружила это будучи на работе, потому на пути к дому всё время размышляла, куда лучше отправиться, чтобы купить новый крест. Именно с этой мыслью поднялась на эскалаторе из метро и, выйдя на улицу, тут же увидела сидящего за раскладным столиком дедушку с чудесной белой бородой, облаченного в монашескую одежду. На столике перед ним лежали бумажные иконки, открытки, свечи и какие-то другие товары, характерные для церковных лавок.

Тогда у меня не возникло каких-либо сомнений относительно правомерности торгова у метро и принадлежности самого продавца к православной церкви. Хотя в те времена и бывали случаи, когда «предприимчивые товарищи» под благовидным предлогом собирали деньги якобы на нужды какого-нибудь храма или монастыря, а также что-то продавали

не по церковному благословию, а ради своего кармана... А в тот момент меня просто поразил такой скорый ответ на мои заботы!

Я подошла к бабушке и поинтересовалась, нет ли у него крестиков. Продавец ласково взглянул на меня, улыбнулся и достал из какой-то коробочки маленький крестик из желтого металла. «У меня тут последний остался, доченька. Всего пять рублей. Он простой».

Это была совершенно мизерная цена даже для обычного крестика, который, к слову, мне сразу понравился и показался «родным». Тем более он меня словно бы «дождался». Конечно, я его приобрела, но, подъезжая на маршрутке к дому, вдруг осознала, что не поинтересовалась у славного бабушки, освящён ли крестик. Это происходило в пятницу, а в субботу у меня с друзьями был уговор съездить в любимую Вырицу.

Очувтившись на следующий день в Казанском вырицком храме, я обратилась к священнику с просьбой освятить мой новый крестик. До того момента для церковного освящения мне случалось приносить лишь Пасхальные угощения, а как в этом смысле дело обстояло с какими-нибудь предметами, я не знала.

Священник был в почтенных летах, и пришла мгновенная мысль: «Бабушки мне с крестиком помогают. Один продал, другой вот, может быть, и осветит». Своих родных бабушек я не знала. Один умер задолго до моего рождения, а второй, когда я была совсем маленькой, потому подсознательно с каким-то особым теплом отношусь к бабушкам вообще... Для меня они олицетворяют доброту, мудрость, степенность... И в тот день именно убеленному сединами пастырю я доверила моё очень ценное...

Бабушка поначалу взглянул на меня весьма строго, словно внимательно измерив душу, но буквально через мгновение тепло заулыбался и наказал обождать, пока завершит какие-то свои дела.

Я стояла в удивительном храме, зажав в руке свой простенький крестик, и было мне несказанно хорошо. Вскоре крестик был освящен и согревал душу уже будучи надетым на шею.

Спустя некоторое время я узнала имя того вырицкого священника – протоиерей Алексей Коровин. Оказалось, что настоятелем Казанского храма он стал уже в 1968 году, ещё даже до моего рождения. Батюшка много трудов положил для прославления вырицкого старца – иеросхимонаха Серафима (Муравьёва).

Более тридцати лет до официальной канонизации подвижника, совершившейся в 2000 году, он ежедневно служил панихиды и литии у его могилки и буквально жил с ним одним духом. А ведь именно из-за отца Серафима и мне дорога Вырица, куда я стала ездить также ещё до прославления старца, находя укрепление душе у места его упокоения...

Таким вот образом это на первый взгляд совершенно обычное дело по приобретению крестика обернулось стечением событий, которые исполнились мгновенно и счастливо.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ИСПОВЕДЬ

Многие мои знакомые, признающие себя православными, для проявления своей религиозности в лучшем случае тем только и ограничиваются, что носят нательный крестик...

Службы в церкви, соблюдение каких-то там «постных дней» и тем паче самих постов им вроде как не нужны, неудобны, да и непонятны... Мол, достаточно просто в своей душе верить в Бога да стараться чего-то гадкого в жизни не совершать...

Когда пытаешься поговорить о важности таинств исповеди и причастия, они или пеняют на нехватку времени и просто отмахиваются, или приводят массу личных нелепых соображений о ненужности «этого всего», то есть – всего самого главного для христианина... Безусловно, литургическая жизнь и желание воцерковления – дело личное. На аркане в храм не притащишь. Но беседовать на эти темы с ближними нужно, хоть бы на мгновение попытаюсь постоять своими немощными ногами на стезе великих апостолов, самоотверженно нёсших свет Христов в мир.

Есть церковное понятие «генеральная исповедь». Её приносят люди, долгое время игнорировавшие посещение храмов, но теперь почему-то решившие вступить на путь воцерковления. От обычной исповеди генеральную отличает внимательное покаяние во всех жизненных прегрешениях, осмысление и доскональная инвентаризация совершенного в сознательные годы. Подготовка к ней требует честности и изрядного мужества. Кстати, она очень страшна и болезненна для самолюбивой души.

Изменить прошлое, где остался ворох наломанных сучьев, мы, конечно, не в силах. Но можем всегда покаяться и, получив прощение грехов, начать жизнь более чистую, стараясь быть поближе к Небу.

У меня самой тоже есть этот очень дорогой, очень сакральный опыт. А однажды своими впечатлениями от таинства генеральной исповеди со мной неожиданно поделился один единоведец, с которым мы на тот момент были едва знакомы... Порывом собственной откровенности он словно бы укрепил и моё сердце, а делясь своим ценным, добавил света и моей душе...

Привести этот случай, конечно же, не называя «имён и чинов», захотелось, потому что собеседник мой – человек незаурядный, вполне себе современный, достигший солидного положения в обществе. Возможно, рассказ будет полезен тому, кто пока ещё далёк от литургической жизни. Ведь это –

жизненная история не какой-то там барышни-писательницы, а страница судьбы известного и состоявшегося, как сегодня говорят, «топ-менеджера».

Пришлось мне как-то по рабочим делам оказаться в организации, которой этот человек руководил. Он радушно принял и выслушал меня. Вдруг, помимо решения деловых вопросов, мы почему-то заговорили о православии. До сих пор загадкой остается та его неожиданная откровенность. Почему его душа захотела поделиться с моей? Действительно, в жизни порой случаются моменты, когда люди, близкие по духу, сердцем это родство ощущают... Вот что я услышала:

– Крещеным я был, а вот в церковь заходил разве что эстетики ради: иконы поглядеть, пение послушать... Но помимо моего разума, развлекаемого красотой видимых и слышимых интересностей, сердце сигнализировало, что ему здесь хорошо. И всё-то в жизни вроде гладко сложилось: и образование, и карьера, и семья. Тем не менее чего-то не хватало. Пустовато было.

И вот необъяснимым образом при решении вполне реальных земных вопросов стали встречаться мне «особые» люди и происходить такие события, что волей-неволей я стал ближе к храму. Начал со священниками общаться. Открыл для себя, что в большинстве своём они – люди здравомыслящие, интересные, образованные.

Всё это шло потихоньку. Теперь-то я понимаю, что так меня Бог к Себе вёл. Познакомился я однажды и с нынешним моим духовным отцом, который нашел слова, ставшие ключиком к сердечным дверям... И захотел я исповедаться. Вернее, не просто захотел, а осознал, что созрел, почувствовал, что это мне жизненно необходимо, а то задыхаюсь в последнее время, захлебываюсь. Поговорил с тем священником, который нынче мой духовник. Он объяснил, как к генеральной исповеди подготовиться. И не поверите – неделю я её «выхаживал», «вынашивал», о делах думать перестал, только разбирал и рассматривал жизнь свою по кускам.

Вечером накануне дня исповеди сел за стол и стал записывать в тетрадь всё, что за неделю в памяти накопил. Писал и удивлялся, как всё новые и новые грехи и жуткие вещи в сознании всплывают... Потом спать лёг. И началось! Меня так крутило, так лихорадило, что не передать. Было жутко от чувства стыда, нет, даже не стыда, а страха, что всё это придётся рассказать!

Потом начал думать, а зачем оно мне? Жил бы и жил себе. А сверх всех этих терзаний в голову кошмарные мысли против церкви поползли. И вот, если бы эта идея про генеральную исповедь мне пришла раньше, пока я ещё не готов был, то вряд ли бы вытерпел. Плюнул бы и всё. Но уже будучи причастным к некоторым церковным делам, став так называемым «благотворителем» и «благоукрасителем» и будучи хорошо знакомым со священником своим, понимал, что назад не отвернуть. Да и делом принципа было завершить задуманное. Но та ночь, когда ледяной пот прошибал, и жуткие мысли раздирали, не забудется никогда...

Есть выражение «идти на ватных ногах». Именно так я и волочился на ту мою Генеральную исповедь... Даже за руль сесть не рискнул. Такси вызвал. Как исповедовался, кстати, не помню, а вот ощущение после разрешительной молитвы я не поменяю ни на что. Ради такого чувства свободы я бы в десять раз больше вытерпел, чем пережитое в ночь накануне... Знать бы заранее... Но откуда ж знать?

Это была моя первая исповедь после крещения в детстве, о котором знал лишь со слов матери. Потом причастился... Потом было счастье. Вернее, оно и сейчас со мной, только уже нет той остроты, такого подъёма, как в тот день... Как гора с плеч! Ну, неизбежных слов не подобрать, да вижу, Вы меня понимаете...

Я его понимала. Затаила дыхание, слушала, сорадовалась и сопереживала, ибо и сама однажды испытала нечто подобное, по мотиву схожее... Потому своим крещёным знакомым, не открывшим покуда дверь в храм, а всё ещё лукаво прячущимся

за разными отговорками и порой даже агрессивно настроенными против необходимости исповеди и причастия, я и посвящаю этот рассказ, это свидетельство, услышанное от случайного собеседника, от брата во Христе, от ближнего моего...

ПЕРСТ УКАЗУЮЩИЙ

Есть среди нас, православных, грустное явление. Святитель Игнатий (Брянчанинов) назвал его «духовным артистизмом». Многие с ним сталкиваются, а зачастую и сами подвержены. Порою лишь переступим порог храма и тут же «видоизменяемся». И взгляд-то у нас кроткий, и голосок-то елейный... Правда, батюшки-священники – народ «стреляный». Их не проведешь! А Господа – тем более... И если у нас в душе мысленный волк зубами щёлкает, то напоказ обрядиться в «овечье руно» – занятие бесполезное. Потому хорошо бы не только в стенах храма, но и в обычно-привычной жизни научиться нам сдерживать себя в гневе, ярости, досаде, гордости, зависти, пока Сам Господь «не притормозил».

Довелось мне однажды услышать от подруги о случае такого «притормаживания». Дело обстояло так:

Организацию, где она работала, возглавляла руководительница, которая считала себя очень верующей: служб в храме не пропускала, духовника имела из известных пастырей, беседы витиеватые «о горнем» вела... Правда, из-за её характера нередко заливался коллектив слезами горячими. Видимо, она так подчинённых в смирении наставляла.

И вот побывала моя приятельница как-то в Псково-Печерском монастыре, где ей даже посчастливилось побеседовать со старцем Адрианом (Кирсановым), к которому тогда уже сложно было попасть в силу весьма почтенного

возраста батюшки. Мне в своё время тоже довелось с ним общаться, потому рассказ приятельницы заинтересовал особо.

Она вернулась из поездки и стала «велию радостью» делиться впечатлениями с коллегами, некоторые из коих как раз собирались на грядущих выходных во главе с начальницей именно в Печоры. Приятельница же моя «коллективных туров» не любила, поэтому в её планы загодя и не входило примкнуть к сослуживцам. А коли случилось побывать в Псковском краю раньше, почему бы радостью не поделиться?

Её коллеги стали задавать вопросы о храмах, иконах, святых пещерах... Что касается начальницы, то она не только не проявила интереса, но как-то странно «видоизменилась» и даже надулась, узнав, что её подчиненная побывала у старца...

Пролетела рабочая неделя. В пятницу народ оживленно обсуждал предстоящую поездку, а «шеф» продолжала вести себя «своеобразно», с важным видом поговаривая: «Теперь я сама к старцу еду!» Видно, какие-то не те нотки были ненароком в душе её затронуты моей приятельницей, продолжавшей рассказ:

– Знаешь, мне отец Адриан при встрече загадку о пальцах раскрыл. Оказывается, Бог может поучить нас уму-разуму через их болезнь. Например, большой палец болит, когда человек всё сам контролирует, на Бога не надеется, всех в кулаке держит, указательный – когда указывает много да гордится, безымянный – когда не свою роль в семье исполняет... И так далее. И действие этой «науки о пальцах» я очень скоро в реальной жизни увидела! После Печор коллеги в восторге были, всякое радостное рассказывали. С начальницей же мы в коридоре столкнулись, и я сразу заметила на её правой руке забинтованный указательный палец. Представляешь? Спросила её о поездке, а она рукой махнула да пожаловалась, что к старцу не попала. Удалось лишь свечи поставить да по пещерам быстренько пройти. Мол, времени ни на что не хватило, погода была дрянная, а на

обратном пути ни с того ни с сего ещё вот палец стало нарывать...

Поучительная история. Кстати, при знакомстве с этим случаем вспомнились мне слова преподобного Паисия Афонского:

– В нашу эпоху человеку, который хочет правильно вести себя в кругу своих коллег, необходимо многое рассуждение и просвещение... Иногда даже не нужно показывать другим, что ты верующий, но вести себя тихо и рассказывать сослуживцам о вере больше не словами, а примером своей настоящей православной жизни...

26 ПСАЛОМ

«Если хочешь день в мире пережить, то читай утром 26, 50 да 90 псалмы», – учила моя бабушка.

Однажды разговорились мы по душам с алтарником одного из петербургских храмов. И поведал мне Михаил Николаевич свою «невыдуманную историю». К слову, он тоже любит 26 псалом и зачастую цитирует его: «Едино просих от Господа, то възыщу: ежи житии ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святей Его»... А история его как раз с этим боговдохновенным творением пророка Давида и связана.

Сложилось как-то, что воскресным утром в их храм не привезли просфоры. Значит – литургии не будет. От такого известия Николаич, который в храме, можно сказать, и дневал, и ночевал, поначалу сильно расстроился. Но вдруг, откуда ни возьмись, залезла в его голову провокационная мыслишка: «Может, оно и ладно. Отдохну, почитаю, делами какими-нибудь займусь» ...

Прихожане, узнав о случившемся, решили отправиться на службу в находящийся неподалеку собор.

Зовут: «Николаич, пойдёшь?» Отмолчался... А мыслишка всё крепче в оборот берёт, склоняет на свою сторону. Снова зазывают его на литургию «к соседям». Опять удалось увильнуть...

– Ну, – думает, – здесь покоя не будет. Вот сейчас ещё и опоздавшие подтянутся. Начну им ситуацию объяснять, а они вот также к соседям махнут, с собой агитировать станут. А у меня планы уже... Не я ж виноват, что просфор нет.

Накинул он пальто и решил навеститься в гости к сестре, живущей в двух кварталах от храма, чайку у неё попить. Очень уж вкусные пирожки она по воскресным дням пекла. Воцерковленным человеком сестрица, воспитанная в советскую эпоху, так и не стала, но взгляды брата уважала. Вот идёт по улице Михаил Николаевич, а солнышко небесное ему в лицо светит, щуриться заставляет. И вдруг из этого солнечного света прямо перед ним вырастает Игнат – прихожанин, которого в своё время именно Николаич и сподвиг в церковь ходить.

– Куда, дядь Миша, дорогой, направился? Почему не на службе? Или тебя по делу какому батюшка снарядил?

– Здорово, Игнатий, – вздохнул Николаевич, предчувствуя крах своих чревоугодных намерений. – У нас, брат, литургии сегодня нет – просфоры не привезли.

– Вот дела! Как же такое и с нашим храмом-то? Ну, так пойдём скорей в соседский! – Рукой же подать!

Понял тогда Михаил Николаевич, что, по всему видать, это Сам Господь ему «вразумителей» посылает, чтобы они его, раба грешного, усовестили. И отправился он, устыжённый этой самой совестью вслед за Игнатием... Правда, на душе досада всё же подскрёбывала от того, что так и не удалось чайком с пирогами у сестрицы побаловаться.

Когда они оказались в храме, служба, понятно дело, уже шла. Дядя Миша осмотрелся. Он давненько не был здесь. Вдруг взгляд его скользнул по надписи на стене, исполненной церковно-славянской вязью:

«Едино просих от Господа, то възвѣщу: ежи житиѣи ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святыи Его»...

НА ПОГОСТѢ

Мама часто делилась со мной воспоминаниями из своей студенческой юности, прошедшей в стенах Ярославского медицинского института. Благодаря её историям мне нестерпимо хотелось поскорее вырасти и попасть в ту сказочную страну, имя которой «ВУЗ».

Однажды мама рассказала об одном стареньком профессоре, который советовал бесшабашным студентам почаще бывать на кладбище... Он пояснял, что в дни тоски или безудержного веселья именно там душа всегда обретает равновесие. Уходит наносная «резвистость», излечивается сердечная тоска... Он был верующим человеком и даже в годы хрущевских гонений на церковь, на которые пришлось время маминой учебы, не боялся беседовать с будущими врачами о вечном.

Кстати, тот совет я до сих пор помню. Он очень верный. Возможно, именно благодаря ему кладбища для меня никогда не были местами табуированными, страшными. Уже с юных лет мне даже нравилось там бывать, думать, не спешить. Позже сердце моё познало и то, как хорошо порой побродить в тишине по дорожкам погоста и помолиться.

ЭКО ОТМЕНЯЕТСЯ

В наш век «прогрессивных технологий» процедурой ЭКО никого не удивишь. Правда, вызывает она массу толков и разногласий. Русская православная церковь выступает против,

с духовной точки зрения вполне аргументированно обосновывая своё мнение.

Духовные законы существуют независимо от веры в них. Кто-то о таком практически ничего не слышал, а кто-то просто не придаёт значения. Ведь жить в согласии с этими законами для гедонистического общества «не комфортно».

Но поделюсь реальными примерами из судеб моих знакомых, подтверждающими слова канона преподобного Андрея Критского: «Бог идеже хочет, побеждается естества чин: творит бо, елика хочет».

Этим женщинам был предъявлен неутешительный медицинский вердикт: рождение ребенка – дело затруднительное, на грани невозможного. Но приятельницы мои не стали прибегать к помощи ЭКО, как им настойчиво советовали. После обращения к Господу, после молитв Святой Тавифе, преподобному Александру Свирскому, другим Божиим угодникам, после воцерковления они всё же стали счастливыми матерями: две – дважды, а одна – четырежды!

В жизни ещё одной моей подруги также произошел чудесный случай.

В апреле года, о котором пойдёт речь, в Петербург с греческого Афона были привезены и выставлены для поклонения в Сампсониевском соборе разные святыни. Я сама ходила в этот храм и долго стояла во многолюдной очереди в ненастную погоду. Но как-то даже не замечалось дождя и пронизывающего ветра. Радость была в душе моей. Кстати, очень многие петербуржцы тогда пришли помолиться у святынь, прибывших в нашу Северную столицу из дивной монашеской республики.

Вскоре в майский день мне позвонила та моя знакомая и поинтересовалась, могу ли я стать крёстной её сыночка, который недавно родился.

Я обрадовалась чудесной новости и согласилась. «Только давай его покрестим в Сампсониевском соборе», –

последовало её предложение. В ответ на вопрос, чем вызван выбор храма, она и поделилась своей необычайной историей.

В момент ожидания ребёночка уже в конце третьего триместра беременности после очередного планового УЗИ врачи её изрядно напугали. Мол, с «плодом», как они назвали неродившееся дитя, что-то не так.

Получив тревожное известие и зная о прибытии афонских святынь, она тут же поторопилась в Сампсониевский собор и с молитвой обратилась за помощью к святым угодникам, частицы мощей которых как раз и находились там. А перед образом Пресвятой Богородицы «Всецарица», также прибывшим со Святой горы, пообещала, что если роды пройдут благополучно, и с сынишкой (было известно, что ожидается мальчик) окажется всё хорошо, то они с мужем непременно покрестят его именно в этом соборе.

Вскоре было проведено повторное УЗИ. Недоумевающие врачи признали «плод» в полном порядке. Беременность моя подруга доносила спокойно и благополучно родила здорового малыша. После этого она и исполнила свой завет, чему уже я была свидетельницей, разделив восприемничество младенца при крещении с одним из друзей этой семьи.

Вот какие случаи известны мне лично, истории, когда уже отчаявшимся родителям на помощь приходил Сам Господь.

Можно верить. Можно сомневаться. Но я рада каждому звонку моих знакомых, каждому рассказу о счастливых семейных событиях, каждой доброй фотографии в социальных сетях, благодаря которым вижу, как растут эти Богом данные детки, вижу счастливые лица их мам, решивших однажды: «Эко отменяется. Да будет Воля Господня» ...

ОБРЕТЁННАЯ ПРОПАЖА

Мы часто обращаемся к святым, чтобы они помогли в каких-то жизненных обстоятельствах, походатайствовали своими молитвами за нас перед Господом.

Поделюсь случаем, который поведал нам с мужем игумен Виссарион (Великий-Остапенко), старец Троице-Сергиевой Лавры.

Объявился однажды на территории монастыря странноватый парнишка. Особо никому не докучал и не мешал, хотя о его намерении поступить в духовную семинарию очень скоро стало известно всем. Паренька «без царя в голове» жалели, да и грешно подтрунивать над больным человеком.

Приёмные экзамены в семинарии окончились. Штат первокурсников – будущих батюшек-богословов-миссионеров – был утвержден. Наш герой по понятным причинам там не значился.

В это самое время в Лавре случилась неприятность. Пропала целая кипа старых синодиков. Кому они могли понадобиться? Обеспокоенные отцы, как и подобает, прибегли к первой неотложной помощи в затруднительных обстоятельствах – к молитве.

Но какому святому молиться?

Игумен Виссарион, в своё время служивший Господу на Святой горе Афон, вспомнил, что афоняты в случае необходимости отыскать пропажу всегда прибегали к молитвенному заступничеству великомученика Мины. Вот он по их примеру и стал усердно обращаться именно к этому Божьему угоднику, чтобы тот своей святой молитвой помог встревоженной лаврской братии синодики найти.

Дня через два проходя по Соборной площади отец Виссарион буквально столкнулся с тем самым болезненным пареньком, несущим огромный старый чемодан.

– Домой, сынок, небось, собрался? – благословив юношу спросил он.

– Да, батюшка, на родину возвращаюсь. Сейчас в семинарию меня почему-то не взяли, но я снова готовиться буду. На следующее лето уж непременно зачислят. Я ведь даже специальных книг у вас набрал. Все перечитаю-выучу и точно поступлю. Учебнички-то уж больно у меня умные теперь, – ответил паренёк и указал на свою внушительного вида ношу.

– А что за книжечки? Покажешь? – насторожился игумен.

Его собеседник радостно открыл чемоданище:

– Смотрите, батюшка, все – старинные, зачитанные! Значит, много кто по ним, видать, уже готовился. Вот и я читать начну, всё выучу. Уж больно мне хочется священником-то быть.

Глянул отец Виссарион на содержимое, на мудреные «учебнички» эти и даже на мгновение дар речи от радости потерял. Из чемодана на него посматривала их драгоценная лаврская пропажа! Действительно «читанная-перечитанная». Как она попала к горе-абитуриенту и под каким предлогом была у него потом изъята, я не знаю. Но то, что именно игумену Виссариону, обращавшемуся за помощью к святому Мине, удалось её отыскать, остаётся фактом достоверным.

Теперь и мы в семье переняли этот обычай. Когда что-то существенное в доме пропадает, и самонадеянные поиски остаются тщетными, то сразу спешим к святому Мине на поклон. И по его молитвам помощь приходит очень быстро.

Конечно, обращение к святым угодникам ни в коем разе нельзя рассматривать, как волшебный заговор-наговор, типа: «Раз, два, три! Вещичку нам найди!» Но случаи, подобные рассказу отца Виссариона, ещё раз убеждают, что у Господа все живы. Что молитва, возносимая к Нему святыми о нас немощных, живая и действенная.

Честно признаться, не всегда-то мы их помощи и заслуживаем. Но помогают нам Божии угодники, подхватывая

наши тусклые молитвенные прошения и донося к Престолу Господню уже в свете лучей своей веры, любви и надежды.

ПАМЯТИ МАТУШКИ АЛЕКСАНДРЫ

Монахине Александре (Захарченко) посвящается...

Когда знакомишься с человеком, чья душа впоследствии озаряет твою жизнь благодатным светом добра, то само сердце радостно славит Бога, дарящего такие встречи.

В 2019 году 2 февраля в петербургском храме архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных проходило прощание с монахиней Александрой (в миру Мариной Владимировной Захарченко). Я также была в числе собравшихся почтить её светлую память.

Инокния Александра (Захарченко) родилась в 1959 году. Она окончила философский факультет Санкт-Петербургского Государственного университета. Будучи доктором философских наук, работала в должности профессора кафедры истории педагогики Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования, а также преподавала в Санкт-Петербургской Духовной Академии, Самарской Духовной Семинарии и на Высших богословских курсах в Московской Духовной Академии. Многие её труды касались традиционного уклада жизни и духовно-нравственного воспитания.

Она была истинным учёным. По воспоминаниям проректора по культуре Санкт-Петербургской Духовной Академии Елены Михайловны Гундяевой, Марина Владимировна с самой первой встречи «потрясла своим умением рассказывать о сложных вещах очень просто. Она делала это творчески, с интересом и любовью ко студентам... ...с людьми она говорила на простом языке, независимо от того, кто был перед ней. Очень редко можно встретить в

человеке сочетание колоссальной эрудиции с необыкновенной природной скромностью».

Духовный отец и соратник монахини Александры доктор педагогических наук, настоятель Заволжского монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня архимандрит Георгий (Шестун) после её кончины писал:

«Марина Владимировна Захарченко в миру ушла из этой жизни как монахиня Александра. Она по несколько раз в год приезжала в Свято-Ильинский Заволжский женский монастырь в селе Подгоры Самарской епархии с нулевых годов и мечтала здесь остаться. У нее была активная жизнь. Она была очень известным педагогом, профессором. Уже больше года как она приняла постриг и осуществила свою мечту – жила в обители и преподавала в Самарской духовной семинарии... Монахиня Александра была человеком сильной воли, мужественно сносила скорби, но при этом радовала всех новыми мыслями и статьями. Она вдохновляла своих учеников на педагогические и философские свершения. Это был интереснейший человек, оптимист, мудрец и настоящая монахиня».

Много тёплых слов звучало в адрес монахини Александры в день прощания. А я вспоминала историю нашего знакомства и последующего общения, дорогие сердцу личные эпизоды, добавляющие тёплые краски к её портрету. Пусть эти небольшие штрихи также свидетельствуют о красоте души матушки.

Одно время довелось мне работать заместителем заведующей и психологом в детском саду, где образовательная программа строилась в согласии с кругом Светлых дней. В 2007 году мы с заведующей были приглашены на Знаменские образовательные чтения, проходившие в стенах Санкт-Петербургской Духовной Академии тогда ещё при ректоре епископе Тихвинском Константине (Горянове), ныне – митрополите Петрозаводском и Карельском.

Чтения посвящались теме: «Преемственность духовно-нравственной культуры как основа стабильности и развития общества». С интересом слушали ректора Санкт-Петербургского Государственного университета Людмилу Алексеевну Вербицкую (почившую 24 ноября 2019 г.), представителей Военно-космической Академии имени Можайского и других выступающих. Зал был переполнен.

В перерыве перед трапезой, устроенной для всех участников чтений, моя руководительница потихоньку указала на женщину, сидевшую неподалеку, сказав, что это – доктор философских наук Марина Владимировна Захарченко. Что хорошо бы с ней лично познакомиться, так как она как раз занимается направлением духовно-нравственного образования.

Марина Владимировна внешне мне сразу понравилась, и возникло ощущение, что мы с ней уже давным-давно знакомы, а так как этого быть не могло, то я решила, что она просто кого-то напоминает...

При возвращении в зал после трапезы случилось неожиданное событие. Марина Владимировна, подходя к своему ряду, вдруг остановилась и, внимательно посмотрев на меня, направилась прямоком в мою сторону. Я поднялась навстречу, и мы так и застыли друг против друга, улыбаясь.

– Мы же с вами знакомы?! Вот, стараюсь вспомнить, — произнесла моя визави.

Сложно передать эмоции, которые тогда приобняли душу. Я также отчетливо понимала, что знаю Марину Владимировну. Знаю, но при этом мы с ней точно знакомы не были!

Время до продолжения чтений ещё оставалось. Мы разговорились. Помню, что как-то наскоро представились друг другу. Кстати, Марина Владимировна общалась безо всякой тени превосходства и про свой «докторский титул» даже не упомянула. Сказала просто, что преподает в Академии постдипломного педагогического образования, да и тут, в Духовной Академии. Ну, а я скромненько призналась в своём

«детсадовском послушании». Когда моя собеседница услышала, что я помимо занятий методической работой ещё и психолог, она заметила, что и её дочь также работает в этой сфере. И вот тогда я поняла, что Марина Владимировна чем-то неувлимо напомнила мне мою собственную маму – манерой общения, каким-то свойственным им обоим духом умиротворяющего спокойствия... Своими «открытиями» я с мамой потом поделилась, рассказывая, что познакомилась с интересной женщиной, чем-то похожей на неё.

Благодаря «специфическому» направлению работы у детского сада были знакомые, являвшиеся коллегами Марины Владимировны. К примеру, нам оказывала научную поддержку её соработница и близкий друг Тамара Александровна Берсенева.

В тот год как раз только-только начиналась разработка конкурса «Добрые уроки», много лет теперь уже традиционно проводимого в Петербурге. Промыслительным образом нам с заведующей довелось примкнуть к творческой группе, занимавшейся разработкой конкурсного положения как раз под руководством Марины Владимировны.

Как-то она предложила всем отправиться на Карповку в Иоанновский монастырь, чтобы помолиться о пользе начинаемого дела у мощей Преподобного Иоанна Кронштадтского. Молебен тогда совершил замечательный священник, отец Николай Беляев (упокоился 12.01.2021 г.). Для меня это оказалось первым посещением знаменитой обители. Как-то нелепо получилось, что, проживая в Северной столице довольно давно, я ни разу не бывала в этом месте. И вот благодаря матушке Александре произошла и моя встреча с монастырём на Карповке.

Ещё штрих к портрету. Как-то раз Марина Владимировна откликнулась на предложение побывать у нас в детском саду на очередном мероприятии. Незадолго до того дня она сдала на водительские права и ехала к нам на своей машине. Все с нетерпением ждали гостью. Вдруг она

позвонила мне на мобильный телефон и посетовала, что запуталась с маршрутом. Навигаторов в то время не было, и, став «самостоятельным автоводителем», Марина Владимировна только-только начинала осваивать петербургские дороги.

Признаюсь, я оказалась в большом замешательстве в силу того, что в моём лице она выбрала самого неподходящего подсказчика! Дело в том, что я и при нахождении в знакомых местах отчасти страдаю «топографическим кретинизмом». Район же, где тогда работала, находился в полутора часах езды от моего дома и был мне вообще малоизвестным.

«Попав в ситуацию», я ответила, что сейчас обращусь за помощью к кому-нибудь из «местных» коллег. Но Марина Владимировна возразила: «Наташа, у меня машина мощная, быстрая. Я держу трубку у уха, времени нет, давай как-нибудь сама объясняй».

Я тоже, «держа трубку у уха», помчалась на улицу. Встав на перекрёстке неподалёку от детского сада, принялась задавать моей собеседнице «наводящие вопросы», осведомляясь, где та в данный момент находится. При этом очень просила Николая Чудотворца ей спутешествовать, а мне помочь её встретить.

Вдруг Марина Владимировна сообщила, что видит длиннющий синий забор. Ситуация была спасена, так как благодаря этой «реперной точке» я сообразила, где она сейчас проезжает, и смогла сориентировать её, как лучше от этого «объекта» к нам добраться. Потом мы шутили, что порою даже простой «синий забор» может стать «путеводительным», хоть в автодорожную карту заноси.

Запомнилось это обстоятельство и проявлением не иначе как быстрой помощи Николая Чудотворца. А ещё, увидев марку автомобиля, на котором подъехала Марина Владимировна, я подивилась её отваге, так как машина оказалась и вправду мощной, и водителю-новичку с ней управляться было делом рискованным.

Матушка Александра действительно была смелой, умеющей скоро реагировать на происходящее. Но это не означало, что она «спешила жить». Слово «спешка» к ней категорически не подходило. Она как-то естественно жила на высокой скорости, доступной именно ей. Хотя внешне выглядела человеком ровным. В её душе было гармоничное созвучие двух качеств: стремления разума ввысь, сродни небесному полёту, и безупречной способности властвовать собой. Безусловно, она жила с Богом, с молитвой. Это было её свободой, её выбором.

Мне нравились лекции Марины Владимировны. Она умела просто и доходчиво доносить до слушателей глубокие мысли. Аудитория любовалась её выступлениями, в которых на высоте всегда были как научная, так и духовная составляющие. Учась в аспирантуре, я с удовольствием посещала занятия по истории педагогики, когда проводила их именно она. Сегодня устраиваются встречи, посвященные педагогическому и философскому наследию монахини Александры (Захарченко), звучат многочисленные воспоминания о ней. Путь, указанный ею коллегам, продолжается.

Ещё вспоминаю случай, когда весенней порой Марина Владимировна поделилась со мной впечатлениями о паломнической поездке в Грецию. Она не просто рассказывала о святынях и обителях, а наполняла картины своего повествования настроением счастья. И эта её искренняя духовная радость была заразительной. Неожиданно она произнесла:

«Наташа, вам с доченькой просто необходимо побывать в тех местах! Сейчас как раз готовится новая поездка совместно с отцом Киприаном (она имела в виду игумена Киприана (Яценко), с которым в то время тесно сотрудничала). Загранпаспорта есть? Замечательно. Сегодня же отправьте мне ксерокопии».

Вот такая забота об обычном человеке... Стоимость предполагаемой поездки оказалась на удивление вполне посильной для нас. А лететь в благословенную Грецию с Мариной Владимировной, да ещё под окормлением отца Киприана вообще стало бы волшебной сказкой. К сожалению, по семейным причинам примкнуть к группе паломников мы с дочкой не смогли. Помню, было неловко звонить Марине Владимировне и отказываться от поездки, так как документы уже начали оформляться. Но, после моего объяснения сложившейся ситуации, она тут же поддержала моё решение и сказала, что мы непременно поедem с ней в другой раз. И никоим образом та история не изменила её доброго отношения ко мне.

Умение делиться духовной радостью действительно было талантом матушки Александры. При наших встречах она всегда рассказывала что-то чудесное. Про свою дачу, где жасмин, волны сирени и щебечущие птицы... Про монашеские обители на Волге, желанные её сердцу. Она советовала побывать в монастырях Самарской епархии нам с мужем, который также лично знал Марину Владимировну, будучи одно время её коллегой по преподаванию в Петербургской Духовной Академии.

При рассказах о Самарской земле её лицо светлело, и я ощущала, что она делится очень важным, очень сокровенным.

– Наташа, там над Волгой такая свобода, такой простор! Для меня нет лучше места на земле...

С 2014 года я уже не работала в педагогике, но с Мариной Владимировной мы продолжали встречаться. Чаще всего это происходило в храме Иоанна Богослова Петербургской Духовной Академии, куда мы с мужем нередко ходили на службы. Марина Владимировна говорила, что всегда старается там побывать 10 декабря в день иконы Божией Матери «Знамение». И мы также придерживались этой доброй традиции.

Чудотворная храмовая Царскосельская Богородичная икона «Знамение» по сокровенным причинам очень почитаема нами...

Дорогим подарком для меня стало видео, присланное мне спустя два года после кончины матушки Александры её коллегой и близким другом Тamarой Александровной Берсеновой. Я смогла посмотреть давнюю запись выступления Марины Владимировны на Международной научно-практической конференции в Пюхтицах, прошедшей в рамках чтений «Историко-культурное и духовное наследие: Традиции и современность» в 2015 году. Год тот, кстати, был посвящен литературе.

В контексте встречи России и Запада Марина Владимировна представляла доклад на тему «Школа Александра Сергеевича Пушкина». Её научные рассуждения и доводы оказались созвучны моим писательским мыслям особенно при рассмотрении известного пушкинского стихотворения «В начале жизни школу помню я...», где повествуется о некой «Величавой жене». По поводу этого образа у меня также никогда не возникало ассоциаций, предлагаемых рядом литературных критиков. И гоголевское мнение, что сия «Величавая жена» это – образ науки, совершенно не откликнулся душе. Напротив, в согласии с Мариной Владимировной эти строки вызвали воспоминания о Царскосельской Богородичной иконе «Знамение».

Рождалась ясная, зримая картина. Именно этот чудотворный образ раньше находился в одноименной церкви, расположенной близ Лицея, где учился гениальный поэт. Именно эта

«...Смирная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго...»

Кто знаком с Царскосельским Знаменным Богородичным Образом, наверняка ощутит созвучие с ним пушкинских строк. Именно аскетизм и величие заключены в этой иконе, подле

которой мы с Мариной Владимировной как раз и встречались в академическом храме Иоанна Богослова. И видео, присланное мне Тamarой Александровной накануне дня почитания Знаменской иконы, было словно чудесная весточка от самой матушки Александры.

Мы виделись изредка, но моя душа интонировала ей. И тайна удивительная, что для ощущения духовного родства порой и не требуется частых встреч. Оно просто есть или его нет.

Когда я узнала о болезни Марины Владимировны и последующем её монашеском постриге в честь святой царицы-мученицы Александры, то эти известия принесли одновременно и переживания о её здоровье, и радость о её душе. Марина Владимировна стремилась к монашеству, но жизненные обстоятельства всё не отпускали... Теперь её чаяния осуществились.

Я отправила ей СМС, так как тревожить звонком не решилась. Она тут же откликнулась, но не дежурным «спасибо», а приветным содержательным сообщением. Вот так и продолжала я писать мои СМС-ки в основном по православным праздникам, и сразу получала ответы от матушки. Как же радовали меня эти прилетающие строчки!.. Жива!

Известие о кончине дорогого человека всегда оглушает.

Петербург. Храм архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Прощание с монахиней Александрой... Воспоминания...

У каждого – своя память, свои чувства. Закончен земной путь человека, однажды почему-то ставшего мне близким. Но случилось её рождение в Вечность. Верю, что душа матушки, ещё на земле твёрдо уверовавшая в Бога и проповедовавшая, что истинная свобода – свобода духовная, свобода в Господе, ныне в полноте обрела эту свободу и молится за всех, кто хранит в сердце теплую память о ней.

МАМОЧКА!

Иду на всенощную. Опаздываю.

Из петербургского Казанского кафедрального собора мне навстречу выходит мать с дочуркой лет семи. Обе одеты весьма прилично. Женщина достаёт дорогой телефон, намереваясь сделать звонок, а девочка дёргает её за сумку и громко спрашивает:

– Мамочка! Почему же мы свечечки не купили, почему к иконкам не поставили? Я так хотела! Куда мы так спешим? Мамочка!

Грустно...

СВЯТАЯ ЕКАТЕРИНА

Оканчивается воскресная литургия. Идёт причастие.

Первыми к Чаше подходят мамочки с младенцами на руках и маленькие детки. Настаёт очередь и дочки одной из прихожанок, поющей в церковном хоре. Подходит эта славная девчушка к батюшке и неожиданно громко так произносит: «Святая Екатерина!»

Священник удивленно приподнимает бровь и переспрашивает. Мол, назови-ка еще разок своё имя, чадо... Девочка повторяет уверенно: «Святая Екатерина!» Люди вокруг начинают улыбаться.

Зная этого ребёнка и часто причащая их с мамой, батюшка на мгновение призадумывается, а потом ласково, но вместе с тем со строгой твёрдостью говорит: «Вот что, дорогая моя, давай решим так. Святая великомученица Екатерина – твоя небесная покровительница, а ты у нас пока что – просто грешная Екатерина. Договорились?» – и причастил девочку, которая поначалу грустно вздохнула, но потом немного подумала и кивнула головой...

После службы Катя снова подошла к бабушке. Я находилась рядом, потому услышала её вопрос: «А что мне сделать, чтобы вместо грешной-то святой Екатериной стать?» Священник отвел её в сторонку и принялся что-то тихо объяснять. Видимо, он мудро нашёл нужные слова, так как Катя просветлела лицом и слушала его уже не огорченно вздыхая, а радостно улыбаясь...

ПУТЬ К СВЕТУ ДОБРЫХ МАЯКОВ

Порой в жизни случается событие, ставящее даже не точку, а восклицательный знак в конце череды пережитых нами в разные времена ярких мгновений, неожиданно объединяя их в цельную картину.

Петербургский Воскресенский Новодевичий монастырь, инокиня Исидора (Дарьюшка-Странница), Святитель Игнатий (Брянчанинов), София Ивановна Снегорева, мыза «Пятая гора», Пятогорская Богородицкая обитель, игуменья Феофания (Готовцева)...

Как могут эти славные имена и благодатные места стать жемчужинами единого ожерелья? Так как именно эту драгоценность я однажды вдруг обрела в своей жизни, то и постараюсь ответить на сей вопрос. Кстати, тем самым объединяющим «восклицательным знаком» было знакомство с Богородицкой Пятогорской обителью и её насельницей монахиней Феофанией (Сметаниной), исполняющей обязанности настоятельницы...

В стремлении поделиться радостью духовной и начну повествование.

Как-то февральским днем в 2007 году мне довелось оказаться в петербургском Воскресенском Новодевичьем монастыре. На одном из стендов Казанского храма, построенного по проекту В. А. Косякова, мой взгляд случайно привлекла фотография старицы. Рядом находилось объявление

с просьбой оставлять в обители записки о чудесной помощи Дарьюшки-странницы, в постриге – инокини Исидоры, коей и была пожилая женщина на фото. Прочитав, что её могилка располагается как раз на Новодевичьем кладбище, мне тут же захотелось там побывать.

Необычным в той давней истории было уже то, что я, совершенно не представлявшая, где именно находится место упокоения Дарьюшки, лишь попав на кладбищенскую территорию, как-то сразу отправилась в нужном направлении. У старого дерева, обвитого словно молитвенным пояском воткнутыми прямо в его кору записочками, стоял в ту пору крест с надписью имени подвижницы. Среди снега на могилке горели свечи. Рядом оказалась пожилая женщина, которая подсказала, что Дарьюшка заповедовала всем приходящим к ней, трижды обходить её могилку с молитвой «Богородице Дево, радуйся!»

– Она, деточка, всем помогает, всех слышит. Видишь, как много просьб тут люди оставляют в записках-то своих...

Вспомнились тут же часовенка Ксении Петербуржской на Смоленском кладбище и любимая мною Вырица, где ещё до прославления батюшки Серафима на его могилке у Казанского храма также оставлялись в записочках слёзные, выстраданные просьбы о молитвенной помощи. Кто-то узрит в этом обычае языческие корни, а кто-то отметит по-детски искреннюю веру в предстательство усопших подвижников за нас, грешных, пред Престолом Божиим.

В тот февральский день были и у меня свои проблемы, но как же рассказать о них той, о которой ты сама лишь только что прочитала краткие сведения в храме? Как поближе познакомиться с Дарьюшкой-странницей и узнать её? Я зашла в монастырскую лавку, в которой люблю бывать. И вновь – необычное событие! Среди предлагаемой посетителям литературы меня сразу привлекла небольшая книжечка «Русская странница Дарьюшка», изданная в 2004 году по благословию Митрополита Санкт-Петербургского и

Ладожского Владимира (Котлярова). Для меня на тот миг это было настоящей радостью! Конечно же, я приобрела эту книжечку и прочитала её в тот же вечер, наслаждаясь прекрасным слогом писательницы, также до той поры мне не ведомой, – Софии Ивановны Снегорева.

Открытием для меня стали обе эти встречи:

Одна – с подвижницей Дарьей Александровной Шурыгиной, прожившей свой век не для себя, а для Бога и ближних и словно продолжившей духовный подвиг Блаженной Ксении Петербургской. Оказывается, Дарьюшка именовали странницей за то, что она пешком посетила многие храмы и монастыри России, в том числе неоднократно Соловки и Киевскую лавру. Сегодня для нас, отправляющихся в модные ныне поездки-паломничества на комфортабельных автобусах, самолетах, автомобилях, это кажется непостижимым.

А Дарюшка именно пешком ходила на богомолье, порою находясь в пути по несколько месяцев, чтобы, укрепленной духовно, возвращаться в родную губернию и помогать всем нуждающимся в её заботе. Своей семьи у неё не было. Всю себя Дарюшка посветила устройству судеб брата и сестры. Отрадой для неё с отрочества была Воскресенская Горицкая девичья обитель, располагавшаяся в 12 верстах от родной деревни. Оттуда в 1846 году инокиня Феофания (Готовцева) и ещё нескольких сестер отбыли в Петербург для устройства женского монастыря. Вслед за любимыми матушками лютой зимой устремилась и Дарюшка, хотя было на ту пору ей уже 70 лет. Она так торопилась, что даже забыла прихватить теплую одежду.

Остаток жизни Дарюшка также провела в служении людям и в делах по благоустроению новой обители. «Своими родимыми» называла она нищих, убогих, сироток и вдов. Перед кончиной в возрасте 80 лет она приняла иноческий постриг в честь юродивой IV века Исидоры (память 10/23 мая). 14 июля в 1854 году Воскресенский Новодевичий монастырь

проводил подвижницу в последний путь. В тот день была устроена поминальная трапеза, за которой кормили и одаривали деньгами Дарьюшкиных «родимых». Все вспоминали слова старицы: «Нет Тебя, Господи, доброе, нет Тебя краше!»

С той поры тропа к её могилке не зарастала. Вот и мне случилось пройти по ней. Сегодня место упокоения Дарьюшки облагорожено трудами сестер монастыря. Здесь поставлен новый памятник, а то самое деревце, за кору которого некогда вкладывались на листочках написанные прошения, пришлось срубить. И как прежде люди приходят сюда в надежде на молитвенную помощь, пусть ещё официально и не прославленной церковью, но горячо любимой в народе подвижницы. К слову, моя проблема, с мыслями о которой я впервые обошла могилку инокини Исидоры, очень скоро благополучно разрешилась.

Та тропинка к месту упокоения Дарьюшки ознаменовала для меня также начало пути к знакомству с русской духовной писательницей, переводчицей Софией Ивановной Снеессоровой. Грустно, что сегодня немногим известно её имя. А ведь эта необычайно талантливая, скромная женщина как никто другой заслуживает нашей благодарной памяти! Кто из нас в детстве не зачитывался немецкими сказками братьев Якоба и Вильгельма Гримм? А ведь именно благодаря переводу С.И. Снеессоровой мы получили урок справедливости от госпожи Метелицы, сопереживали красавице Белоснежке. Почему-то сразу вспомнились эти две сказки с зимними названиями... Видимо, так отозвался в памяти февральский день, начавший мое знакомство с переводчицей этих волшебных историй.

Воспоминаний о Софии Ивановне почти не сохранилось. В Интернете практически нет её фотографий, лишь представлены скудные строки о жизни писательницы да автобиографическая записка, выполненная ею самой от третьего лица. Можно найти также пару документальных

фильмов и перечень названий её трудов. Ближе познакомиться с Софией Ивановной мне помогло чтение писем, адресованных к ней её духовником Святителем Игнатием (Брянчаниновым). Впервые они были опубликованы через полвека после упокоения Преосвященного Игнатия и через 11 лет после смерти самой писательницы — в 1915 году.

Эти письма свидетельствуют о путеводительстве Промысла Божьего в её судьбе.

Родилась писательница в 1816 (по иным данным в 1815) году в Воронеже и была шестым ребенком среди двенадцати чад семьи Руновских. Её отец Иван Николаевич происходил из обер-офицерских детей. Он получил личное дворянство при службе на Кавказе и был внесен в 3-ю часть Дворянской родословной книги Воронежской губернии. В 1826 году произведён в коллежские асессоры. Иван Николаевич снискал репутацию человека неподкупного и мудрого. К нему обращались за советами жители не только Воронежской, но и соседних губерний. По воспоминаниям Софии Ивановны, её отец «вопреки пословице «один в поле не воин» всегда выигрывал правые дела на поле юридической брани».

Мать писательницы, Елисавета Ивановна, была крестной дочерью генерал-майора И. К. Краснова. Она сама научала чтению каждого своего ребенка уже к шести годам, после чего отец благословлял их Евангелием. Далее образованию младших помогали старшая сестра и кто-то из семинаристов, кого приглашали проживать в семью, причём на правах сына, а не наёмного учителя.

София обучалась Закону Божьему, латыни, алгебре и геометрии. В 1829 году её отдали в Благородный пансион госпожи Депнер, где она до 1834 года продолжала образование у лучших педагогов Воронежа, о которых всегда сохраняла благодарную память. Кстати, главным в педагогическом процессе её наставники считали не «шпиговку знаниями», а научение детей распознавать добро и зло, «давая им орудия духовной силы, чтобы побеждать земные немощи».

В 1832 году шестнадцатилетняя София лишилась отца, и ей пришлось совместно с учебой поддерживать семью своим преподаванием частных уроков.

17 апреля в 1836 году последовало её венчание с дворянином Аполлоном Васильевичем Снеессоревым — коллежским секретарём, письмоводителем Воронежского комитета о земских повинностях. Вскоре после свадьбы молодая чета переехала в Петербург. Супруг Софии Ивановны был «богат умственными капиталами», но не имел связей и протекций.

В мирской жизни самостоятельно, без поддержки, всегда не просто пробиться, будь ты хоть семи пядей во лбу. Первые месяцы Аполлону Васильевичу пришлось служить в Департаменте внутренних дел на испытательном сроке абсолютно без жалования. Но молодые люди нашли выход: они стали подрабатывать переводами. Их первый опыт — публикация в словаре «Энциклопедический Лексикон» известного издателя XIX века Адольфа Александровича Плюшара.

Со временем Снеессоревы стали вхожи в литературные круги столицы. Когда жизнь начала налаживаться, София Ивановна внезапно тяжело заболела чахоткой. Чтобы спасти жену Аполлон Васильевич нашел должность чиновника особых поручений при Военном губернаторе в Астрахани и в феврале 1838 года увёз супругу из губительного для её здоровья петербургского климата. Милостью Божьей она стала поправляться. Но испытания в семье Снеессоревых продолжились.

Из их четырех детей трое умерло, вскоре в 1842 году скончался и глава семьи. Каждый, кто терял близких, знает, сколь тяжело переживается горечь утраты. Одному Богу известно, что испытало тогда сердце Софии Ивановны. Горе серьезно подорвало здоровье. Рассудок из-за воспаления мозга помутился. Но вдруг в момент просветления София услышала плач оставшегося ребёнка, первенца Николая, рожденного 23

июля в 1838 году, который отталкивал руку крестной С. Ф. Тимирязевой и кричал: «Ничего не хочу, только маму мне надо!»

Снессорева вспоминала: «Жизнь, покидавшая уже рассудок и сердце, забилась свежей струей, голова просветлела, руки охватили ребенка, и я мысленно дала слово жить для него».

Последующие годы шли в сражениях с болезнями и бедностью. София Ивановна жила частными уроками и переводами, трудясь в Саратове, Курске, Петербурге. Узнавая о перипетиях её судьбы, поражаешься стойкости этой женщины, которой приходилось много работать во время обострения болезней. Ей почти отказал левый глаз, левая часть тела была частично парализована...

Господь поддерживал её, словно готовя прохождением по тернистому пути к особому служению в будущем. Много лет спустя она напишет: «Без скорби, как без воздуха, не проживёт смертный» ...

В 1845 году София Ивановна приехала с семилетним сыном в Петербург, чтобы искать для него места в учебном заведении. Получая постоянные отказы и уже почти отчаявшись, она внезапно встретилась в Царскосельском саду с будущим Императором Александром II. Он сам подошел к болезненного вида женщине, держащей за руку сына. На его вопрос: «Что вам угодно?» — София Ивановна лишь горько расплакалась. За неё ответил Коля: «Государь, утешь мою маму! Прими меня в гимназию воспитанником сына Твоего!» По воспоминаниям Снессоревой, у Государя от жалости к ним на глаза навернулись слёзы, «как блестящая от солнца роса».

«Успокойтесь! Я все сделаю для Вашего сына... Как Вас зовут?»

Бедная мать протянула записку: «Государь! Если Ты не поможешь, то мне остается умереть».

На другой день Николай был зачислен во Вторую Санкт-Петербургскую гимназию, основанную в 1805 году.

«Утешителем вдов и сирот» называла София Ивановна Александра II.

Господь зачастую посылал Снеессоровой добрых людей, участвовавших в её судьбе. Так в 1848 году при содействии писательницы и переводчицы Елизаветы Николаевны Ахматовой она получила работу в первом в России ежемесячном толстом журнале «Библиотека для чтения».

Позже Елизавета Николаевна привлекла Софию Ивановну к работе в журнале «Собрание иностранных романов» и в собственном детском издании «Дело и Отдых».

Чтобы заниматься серьезными текстами, а не одними пустяковыми рекламами и рассказиками, Снеессорова, великолепно владеющая французским, самостоятельно доучила немецкий и освоила английский языки. Причём сделала это одновременно с переводом написанных на них романов.

София Ивановна перевела всеми нами любимые «Сказки братьев Гримм». Этот двухтомник она издала за свой счёт в 1870-1871 годах, а позднее книга была представлена на Всемирной выставке в Париже как образец русского полиграфического искусства.

Но определяющее влияние на литературный путь и судьбу Софии Ивановны, безусловно, произвело знакомство со Святителем Игнатием (Брянчаниновым), ставшим её духовником и окормлявшим писательницу более двадцати лет.

Встреча их состоялась, по всей вероятности, в 1845 году при возвращении Снеессоровой в Петербург для устройства сына. София Ивановна нашла духовное утешение в Сергиевой пустыни, где настоятельством в ту пору ещё архимандрит Игнатий. Он заметил её литературные дары и обратился к издательскому опыту Софии Ивановны. Благодаря её посредничеству в журнале «Библиотека для чтения» О. И. Сенковского впервые выходит сочинение Святителя «Валаамский монастырь».

Среди полного собрания творений Святителя Игнатия (Брянчанинова) есть том, посвященный переписке с разными лицами, где присутствуют 24 его послания, адресованные Софии Снеессоревой. Они свидетельствуют, как Святитель постепенно наставлял духовную дочь в христианской жизни, помогал, поддерживал, ободрял.

Для меня именно эти письма стали поводом неперменного желания побывать в Ярославле у раки с мощами святого, находящейся в Свято-Введенской Толгской женской обители. Бесценным подарком стало также наше семейное паломничество в Николо-Бабаевский мужской монастырь, где он окончил свой земной путь.

Так тропинка, приведшая от могилки Дарьюшки к рассказчице о её жизни, позвала меня дальше – на берега Волги. А тот февральский день в Новодевичьем монастыре побудил к внимательному знакомству с творениями знаменитого русского Богослова.

Вновь листаю страницы «Собрания писем». Особо трогательными кажутся те послания к Софии Ивановне, в которых Святитель проявляет заботу об её сыне Николае. Красота и поэтичность слога при этом умиляет сердце. Безусловно, любому родителю стоит услышать слова Святителя Игнатия, обращенные к встревоженной матери, ведь они напрямую касаются каждого из нас, живущих в век подмены истинных традиционных ценностей.

«Поцелуйте за меня Колю и полюбуйтесь им: нам надо быть такими, как он, чтоб войти в Царство Небесное, которое есть Божественная Любовь» (Из письма № 2 от 23.08.1846).

«Доставив Коле земное счастье, постарайтесь доставить ему и небесное». (Из письма № 5 от 24.05.1848).

«Милостивый Господь да благословит Вас и сына Вашего. Будьте утешением друг другу. Слово Божие да будет Вашим руководителем... Это — песнь небесная, которая непрестанно напоминает о небе...» (Из письма № 10 от 08.02.1860).

«То, что сказали Вы ... о сыне Вашем, могла сказать только такая нежная мать, как Вы. Он — Ваш воздух, Ваше солнце. Кажется, я никогда не забуду этого выражения... Ведь не забыл я бобрового воротника, украшенного сединами, на шинели у Коли, когда я увидел его в первый раз офицером в соборной церкви в Сергиевой Пустыне! По моей необыкновенной впечатлительности и чувствительности мне представилось, что в этом роскошном, можно сказать, воротнике каждый волосок — труд рук Ваших: и остался этот воротник изображенным в моей памяти по причине того впечатления, которое поразило меня при взгляде самом мимоходом. Сопутствуйте сыну Вашему молитвою Вашею!» (Из письма № 15 от 05.05. 1863).

«Земная жизнь — школа. Находясь 25 лет в этой школе, Николай увидел звезду, хранящую его. Звезда — это Промысл Божий. Звезды усматриваются ночью на чистом небе; при наступлении дня они, оставаясь на своих местах, делаются неприметными по причине... света, разливаемого солнцем. Солнце — Христос. Теперь познания в религии сына вашего подобны светлой ночи... Когда же разум его... осветится христианством, тогда религиозные познания его из поверхностных... преобразятся в светлые... и высокие...; они сделаются подобными прекрасному летнему дню, в течение которого умный и расположенный к добру человек сможет совершить свое спасение...

«Отчего, мама, ты так сильно беспокоишься обо мне?» Оттого, душенька, что у мамы слаба вера в Бога, Который воспретил суетные попечения, не приносящие... никакой пользы, производящие только беспокойство и смущение, расстраивающие душу и тело. Немощный человек хочет... действовать по-своему... Повсюду он простер бы свою... руку... Признать Бога деятелем..., на этом основании постоянно прибегать к Богу молитвою он не хочет. Между тем только что прибегнет человек к Богу смиренною молитвою, — не плотскою, нервной, разгоряченною движением крови, —

придавая себя и ближних своих милости и воле Божией, как и успокоится. Молитесь о сыне!..» (Из письма № 16 от 22.08.1863).

«Не ошиблись вы, вручив сына вашего покровительству Божией Матери. Вследствие этого покровительства ему почастливилось на службе». (Из письма № 18 от 03.03.1864).

«Божия Матерь, Которой Вы предали Вашего сына, да осенит его Своею милостию и да наставит провести земное странствование правильно. И Вам искренно желаю действовать в пользу сына Вашего, не согрешая перед Господом Богом занятиями, Ему неблагоугодными. Вступающие в общение с духами отверженными во время земной жизни... будут отчислены по смерти к страшному обществу этих духов. При занятиях богоугодных молитва Ваша о сыне Вашем получит силу пред Богом и привлечет благословение Божие на Вас и на сына Вашего». (Из письма № 20 от июня 1864 года)

«Какое великое дело Вы сделали! Вы поручили, совсем отдали, как пишете, Вашего сына Божией Матери. Будьте уверены, что Божия Матерь приняла его, а он пусть потщится быть достойным Высокой и Великомошной Покровительницы своей!» (Из письма №22 от 24.11.1864).

Какое прекрасное назидание для родителей!

В письмах к Софии Ивановне находим и предостережения Святителя, которые касаются каждого современного деятеля, чье слово в силу профессионального поприща влияет на души людей:

«Бывает время сеяния; бывает и время жатвы. Непреложен нравственный закон, по которому люди должны неизбежно пожать то, что они посеяли произвольно». (Из письма № 11 от 22.06.1862).

«Искренне желал бы, чтоб время Ваше и силы души Вашей употреблялись на что-нибудь не столько богопротивное и враждебное Богу, сколько враждебны Богу новейшие журналы, усиливающиеся истребить в народе проповедию

свою веру и нравственность. За это потребуется грозный ответ. — Милосердие Божие да устроит для Вас иное занятие. Вы знаете, как я Вас люблю!» (Из письма № 13 от 05.01.1863).

В Интернете мне встретился документальный фильм «Сны Софии Снессоровой». В нём совершена попытка рассмотрения судьбы писательницы на основе найденной в Оптиной пустыни архивной записи о семи снах Софии Ивановны, сделанной неизвестным иноком. В фильме прозвучала метафора: бывшая ранее обычной переводчицей Снессорова позднее, словно осколок зеркала, отбрасывающий солнечный зайчик, передает своим творчеством уже красоту и гармонию божественного. Конечно, данный кинематографический опыт интересен, но стоит не забывать при этом о письме Святителя Игнатия, в котором он предостерегает саму Снессорову (а вместе с ней и нас) от веры в сновидения:

«Прежде всего, скажу Вам, что сон Ваш не имеет никакого значения. Ваше внимание к нему было ошибочное. Вы познаете это из того, что внимание к нему производило в Вас смущение, то есть приводило Вашу душу в неправильное состояние, а невнимание успокоит, то есть приведет душу в правильное состояние. Таковы действия лжи и истины на душу». (Из письма № 19 от 08.04.1864).

Встреча Софии Ивановны и её духовника сыграла важную роль в судьбе обоих. Снессорова много сделала для выхода в свет творений Святителя.

Вместе с тем её собственная душа, соприкасаясь с текстами духовного отца, укреплялась и возрастала в православной вере.

«Имею любовь и доверенность и к уму, и к сердцу Вашему. Мне всегда желалось, чтоб этот ум и это сердце направились к Богу, усвоились Ему... Вы, перечитывая мои сочинения, заимствуете из них все мысли и чувствования в Вашу собственность, — так понимаю — соединяетесь со мною в одно направление, в один дух. Направление заимствовано

мною всецело из учения святых Отцов Православной Восточной Церкви». (Из письма № 14 от 18.04.1863).

Сегодня во многом благодаря Софии Ивановне мы имеем драгоценное богословское наследие Святителя Игнатия, поручившего духовной дочери надзор за печатанием, корректурой и редакцией собственных творений. Кстати, анонимное описание его кончины также принадлежит её руке.

Постепенно под влиянием духовника София Ивановна от переводов светской литературы переходит к личным сочинениям духовного характера. На первый писательский опыт, очерк о Дарьюшке-страннице, сам Святитель откликнулся так:

«Искренне благодарю Вас за присланные брошюрки о Дарьюшке: такие простые христианские души, как Дарьюшка, очень близки к Богу, между ими и Богом нет тех ширм, той каменной стены, которые поставляются образованностью и обычаями мира сего». (Из письма № 20 от 28.06.1864).

Возвращаясь к сему доброму произведению, вспомним его действующих лиц:

Среди ближайших знакомых Дарьюшки мы встречаем Хорошую Матушку и бедную вдову Горюшу, чей семилетний сын, которого старица любовно называла Князем, является главным героем большинства рассказов. София Ивановна была знакома с инокиней Исидорой. Всё повествование проникнуто искренней любовью к подвижнице и знанием её жизни. И невольно напрашивается вопрос, а не Снессорева ли – прототип той самой Горюши? Сегодня доподлинного ответа не получить, но очень похоже, что это так. После книги о Дарьюшке из-под пера совершенно больной физически, но укрепленной духом Софии Ивановны Снессоровой одно за другим выходят потрясающие произведения.

Это – повествование об игумении Феофании (Готовцевой) (1868), над которым София Ивановна трудилась два года. Далее – книга «Санкт-Петербургский первоклассный женский монастырь» (1887), где раскрыта история Воскресенской

Новодевичьей обители по воспоминаниям современников Снеессоровой и её находкам в епархиальных архивах, относящимся к XIX веку. Этот труд и сегодня являет собою кладезь знаний по церковному устройству. В 1888 году выходит биография монахини Ангелины (фон Розе), основавшей в 1862 году Свято-Троицкую Творожковскую женскую обитель. При упоминании сей книги я с любовью вспоминаю нашу семейную поездку в 2008 году в этот монастырь, затерявшийся в лесах Псковской области, а также теплую встречу с его тогдашней настоятельницей Матушкой Иоанной (почила о Господе в 2011 г.).

Особым, не имеющим аналогов трудом считается сборник «Земная жизнь Пресвятой Богородицы». Его София Ивановна создавала, будучи почти парализованной и ослепшей. Кстати, только здесь писательница указала свое авторство.

Этот труд впервые был издан в 1892 году, когда Снеессоровой исполнилось 76 лет. В нем собраны сведения о 293 чудотворных Богородичных иконах Востока и Запада. Замечательные строки вступления ко второму изданию этой книги принадлежат самой писательнице. Мне кажется, что по тональности они удивительно близки творениям Святителя Игнатия (Брянчанинова):

«Господь в Своем неизреченном милосердии сподобил меня, на 83-м году жизни, еще потрудиться во славу имени Его Пречистой Матери... При втором издании моего многолетнего труда «Земная жизнь Пресвятой Богородицы» прошу ближних моих во Христе простить мне, что не дописано...: я сделала, что могла. Пусть... более свежие силы продолжают, исправят и дополняют недостающее... Чудотворных икон Матери Божией, как звезд, на небе...: число их знает только Сама Царица Небесная...

Божественная благодать искони почилла на иконах Матери Божией... Есть ли уголок на земле, где жили бы люди без скорби и страданий?.. И для всех одна только надежда на милость и заступление Божией Матери. ...Можно ли уверить

страдальца, что пред ним не чудотворная икона Божией Матери, когда он сознает и чувствует, что Она одна сильна защитить и помиловать его? Нет ни одного... уголка в христианском мире, где не было бы у... людей свято чтимой иконы Матери Божией».

Третье издание вышло в 1909 году уже после кончины Снеессоревой. Книга «Земная жизнь Пресвятой Богородицы» – поистине серьёзный труд, что подтверждается мнением известнейшего русского историка византийского и древнерусского искусства, археолога, создателя иконографического метода изучения памятников искусства, Академика Петербургской АН и Императорской академии художеств Н. П. Кондакова. Он включил это произведение Снеессоревой в библиографический список своего двухтомного труда «Иконография Богоматери», вышедший в Санкт-Петербурге в 1914 году.

Есть в судьбе Софии Ивановны ещё одна удивительная история, касаясь которой вновь обращусь к письмам Игнатия Брянчанинова.

В девятом (от 27.03.1854) читаем: «Вам надо пожаловать ко мне прочитать ответ Нахимова, назидательный своим смирением и благочестием. Это отклик на Ваше смирение и благочестие; водимые ими, Вы передали мне Ваше желание послать ему икону святителя Митрофана, привили мне это желание».

Оказывается, битва при Синопе (30.11.1853), окончившаяся разгромом турецкой эскадры русским Черноморским флотом под командованием вице-адмирала Павла Степановича Нахимова, нашла горячий отклик в сердце писательницы. Посещая своего духовника, она попросила его благословить Нахимова образом Святителя Митрофана Воронежского. На вопрос Владыки о таком выборе святого София Ивановна пояснила:

«... на его деньги Петр I положил основание Черноморскому флоту, основав первый флот в Азове, как

воронежская уроженка я не могла не знать подвиги нашего угодника».

Ещё выдержка из её воспоминаний: «Добрый, милостивый отец Владыко, он заказал образ святителя Митрофана и прислал мне прочитать письмо, написанное им к Нахимову. Так коротко и так ясно, тут все было и сочувствие, и молитва, и благодарность. Через несколько времени Нахимов прислал ответ полный смирения и благодарности».

После гибели адмирала Нахимова Снеессорева молилась о его упокоении.

«Убит Нахимов. Я была в Сергиевой пустыни и там вместе с Россиею оплакивала благородного воина, и батюшка служил за упокой его души, и долго молились за него».

Позднее произошел с ней дивный случай:

«...Я ехала в Царское Село с сыном. В вокзале мы увидели... моряка на костылях... Он уронил папироску... Сын мой подал ее ему. Он сел с нами и всю дорогу рассказывал о Севастополе и Нахимове. Сам он служил на корабле «12 апостолов» и был при Синопе. Нахимова, по словам его, обожал весь флот, каждый матрос видел в нем отца и готов с ним в огонь и в воду... После битвы при Синопе... со всех сторон России неслись к нему слова любви и благодарности соотечественников. Но ни одно письмо не было для него так приятно, как письмо от знаменитого архимандрита Сергиевской пустыни (Брянчанинова) – вероятно, Вы слышали о нём? Письмо так глубоко тронуло его, что он тотчас созвал всех офицеров и прочел им письмо это с глубоким умилением. Образ святителя Митрофана был поставлен в залу на корабле «12 апостолов». ...Священник отслужил молебен Воронежскому Чудотворцу, который, как мы узнали из прекрасного письма архимандрита Игнатия, был основателем нашего флота. Все мы, начиная от Нахимова, усердно поклонились Святителю и приложились к его образу... Спасибо архимандриту Игнатию, утешил нашего адмирала».

Безусловно, эта благодарность относилась и к самой Софии Ивановне.

Конец своей трудной, но по милости Господа долголетней жизни С. И. Снесорева провела в Пятогорском Богородицком монастыре под Гатчиной. Там она и скончалась в 1904 году.

Сведения о судьбе Софии Ивановны приходили ко мне постепенно, как-то ненавязчиво, случайно. Словно писательница сама потихоньку рассказывала о себе с той самой скромностью, которая была присуща ей в земной жизни. Но до нашей поездки к месту её упокоения произошла ещё не малая цепь событий. Одним из них было возникшее вдруг желание побывать в местечке под названием «Пятая гора» летом в 2016 году. Мы планировали очередную семейную поездку и хотели посетить какой-нибудь ещё не открытый нами уголок под Петербургом. Случайно в Интернете на туристическом форуме нашли отзывы о мызе Пятая гора.

Оказалось, эта усадьба имеет интересную историю. Когда-то ею владел дворянин немецкого происхождения Федор Максимович Брискорн. По желанию его вдовы Ольги Константиновны в память об упокоившемся в 1824 году супруге была построена церковь Святой Живоначальной Троицы (вероятно, в 1830-е годы). Архитектор, к сожалению, неизвестен.

Нам захотелось посмотреть на останки той уникальной церкви-ротонды. Есть версия, что усадьбу посещал А. С. Пушкин. Согласно другой легенде, Н. С. Мартынов, убивший на дуэли в Пятигорске М. Ю. Лермонтова, именно в этом храме когда-то поставил покаянную свечу. Свой роковой пистолет Николай Соломонович Мартынов зарыл в пятогорском приусадебном парке с клятвой более не участвовать в дуэлях. Конечно же, нас влекло в путешествие не это историческое предположение, а желание увидеть сам Троицкий храм.

Тот погожий летний день, помимо знакомства с уникальной церковью, украсила также прогулка по

живописному приусадебному парку и окрестностям. Таким образом и запомнилось мне название «Пятая гора», а год спустя я случайно увидела документальный фильм о восстанавливаемой под Гатчиной Пятогорской Богородицкой обители, где упоминалось, что именно там нашла утешение в свои последние дни С. И. Снессорева. Безусловно, это заинтересовало, так как на тот период я знала, что духовная дочь Игнатия (Брянчанинова) окончила жизнь «в одном из скитов Новодевичьего монастыря», но где конкретно она похоронена, сведений у меня ещё не было.

Оказалось, что именно рядом с той самой усадьбой Пятая гора, куда потянуло нас однажды, и находится возрождающийся Богородицкий Пятигорский женский монастырь. При своем основании в XIX веке он был задуман как богадельня для больных и стареньких инокинь и как подворье петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря, но со временем стал самостоятельной обителью. Именно здесь провела свои последние девять лет жизни и окончила земной путь С. И. Снессорева. Кстати, она почитается как благодетельница монастыря, так как перед кончиной в октябре 1904 года оставила письмо с завещанием всю причитающуюся ей пенсию от Императорской Академии наук выдать настоятельнице Пятогорской обители.

И вновь – совпадение:

Любимая Софией Ивановной первая настоятельница Новодевичьего монастыря игуменья Феофания, которой писательница посвятила отдельную книгу, и которая также имела духовное общение со Святителем Игнатием, была похоронена между Казанской церковью и апсидой Воскресенского собора. В богоборческое время её могилка была осквернена и находилась под асфальтом. Но при восстановлении монастыря в 1996 году её обрели. Сегодня могилу-кенотаф первой настоятельницы можно увидеть у восточной стены Воскресенского собора, а её честные останки

находятся в Казанском храме в приделе прп. Серафима Саровского.

После разорения советскими богоборцами Пятогорской обители могилка Снессоревой также оказалась под заасфальтированной зоной. Словно повторяется судьба игумении Феофании... Хочется надеяться, что с возрождением монастыря и останки замечательной русской духовной писательницы будут обретены и станут почитаться достойным образом.

В поисках большей информации о Пятогорской обители я столкнулась с ещё одним, близким лично для меня событием: спустя 80 лет сюда вернулась Богородичная икона «Всех скорбящих Радость», сбережённая жителями близлежащего села Кикерино. А ведь именно Скорбященская церковь стояла в Таллине напротив дома, где прошли мои детские годы. Именно в ней меня крестили. И вообще с этой иконой многое связано в моей судьбе... Кстати, в Творожковской Свято-Троицкой обители, об основательнице Ангелине которой писала Снессорева, в честь этой иконы совершается один из престольных праздников...

Вот как тропиночка на Новодевичьем кладбище превратилась в удивительный путь, уже много лет дарующий мне взаимосвязанные встречи и открытия.

В Пятогорском монастыре мы познакомились с монахиней Феофанией (Сметаниной), исполняющей обязанности настоятельницы и несущей на своих хрупких плечах многотрудные заботы, связанные с восстановлением обители. Матушка оказала нам сердечное гостеприимство. Во время беседы с ней был обретен очередной духовный подарок:

Оказалось, что в 1922 году именно на подворье Пятогорской обители в Гатчине, по благословению священномученика митрополита Вениамина (Казанского) совершился монашеский постриг будущей преподобномученицы Марии Гатчинской (в миру – Лидии Александровны Лебяновой).

Однажды на меня произвело сильное впечатление письмо, в котором святая подбадривала своего духовника протоиерея Петра Белавского, находящегося в заключении в Соловецком лагере на острове Анзер. Немощная, парализованная, прикованная к постели женщина обладала не только удивительной стойкостью духа, но также имела от Господа дар утешения ближних.

Эти строки теперь и в моём сердце.

«Христос посреди нас! Возлюбленный, дорогой мой отец! Как ты порадовал меня своей всесторонней весточкой! Но зачем удивляешься, что у тебя меняется настроение? Посмотри на прекрасное небо! Сейчас оно чистое и голубое, но вот являются огромные облака, точно белоснежные глыбы, прикрепленные к своду. И это сменяется белыми барашками, и вдруг появляются черные тучи с медным отливом. Довольно скоро они сгущаются; в природе темно. У всего живого мира делается тревожное состояние. Тучи давят мозг и сжимают сердце. Но вот поднялся ветер, грянул гром и полился обильный дождь. Небо прояснилось, выглянуло солнышко, воздух очистился, повеяло приятной свежестью. Всё оживилось, и человек воспрянул духом. Не то ли самое бывало с нами, в нашей внутренней природе? Вот то же самое испытываешь и ты, родной, и многие, и я, неключимая: после пролитых горячих слез очищается наше сердце и становится легко-легко. Как много милости у Всемогущего! Вчера видела твою дорогую матушку. Она выглядит хорошо, а главное, спокойна. Конечно, ее много утешают детки, да такие интересные, как ваши. Асенька — большое утешение для родителей, а Шурочка интересная и забавная. Как хорошо для тебя время бежит! Не знаю, когда придет мое письмо. Может быть, на Пасху? Так я заранее с тобой христосуюсь, дорогой мой отец. Сестры-птены низко кланяются, поздравляют, и все целуют твою руку. Скажу несколько слов о себе. Здоровье сильно ухудшилось. Чувствуется болезненность во всём, стала «недотрога». Но все же Господь милостив ко мне. Счастье вас

не оставило на севере. Счастье в том, что живете среди природы. Природа — родная мать, которая воспитывает, утешает и радуется. Сейчас оттаяли мои стекла, и я сквозь мое маленькое окошечко вижу частичку природы. В этом — большое утешение. Дух дышит везде, и не было ни одного дня, чтобы не вспомнили тебя. Господь всё видит и слышит. Да будет всё святое и сильное с тобой, мой дорогой отец. С христианской душой любящая тебя Лидия.»

На это дивное письмо моя душа отозвалась стихотворением:

«Посмотри на прекрасное небо!» —
Полетит в Соловки утешенье.
Как ответ на сердечную потребу —
Помощь ближнему в час искушенья.
Лида, Лидия, Божья рабица,
Крест недуга подъяла в смиренье...
Ты для мира — живая водица,
И для страждущих — приободренье.
Души светлые тянутся к свету...
И порою сердца золотые
Обращали к тебе за советом
Те, кто ныне явлен, как *святые*.

Постриг. Новое имя — Мария ...
Словно ангел, сочувственным словом
Облегчала ты скорби людские,
Пребывая под Божьим покровом.
Стала в подвиге веры примером.
Испытанья — душе на потребу.
По страданиям — святости мера...
Так вошла ты в прекрасное небо!

В храме Святителя Пантелеймона возрождающейся Пятогорской Богородицкой обители 3 декабря 2017 года совершилась первая Божественная литургия. Здесь вновь зазвучала молитва — главная живительная сила, сердцебиение

любого православного монастыря. Теперь с этой обителью для меня связаны имена двух женщин, судьбы которых – пример благочестия, мужества, милосердия, пример таланта человечности...

Вот так, удивительным образом, моё путешествие, начатое в феврале 2007 года в Воскресенском Новодевичьем монастыре и состоящее из вроде бы разрозненных событий, представлявших штрихи-наброски, превратилось в цельное полотно.

Духовный мир раскрывается постепенно. И если мы – внимательные земные путники, то он обогащает наши души небесным светом. И понимая, что в мире всё тесно взаимосвязано, наши сердца оказываются немножечко ближе к небу, и мы начинаем осознавать, что всё случающееся с нами, – ноты единой духовной мелодии...

Все времена выдвигают своих героев. Но есть люди, чьи судьбы несут в себе уроки мужества, благочестия, милосердия вне временных отрезков – в контексте Вечности. И реальные лица, наши соотечественницы, такие как инокиня Исидора, игуменья Феофания, писательница София Снеессорева, преподобномученица Мария Гатчинская являют собой прекрасные примеры для нас и наших детей сегодня.

Мы – счастливые люди, раз есть у нас эти добрые маяки. В свете их лучей сохраняешь целостной свою душу в пасмурной современности, угнетающей человека спешкой за призрачным успехом и земными благами. Судьбы же этих героинь – глоток кристально чистой воды, оживляющий обмирщенные наши сердца.

У БОГА ВСЁ ЖИВЫ

В 2020 году, при содействии Межрегиональной просветительской общественной организации «Объединение православных ученых», вышла моя книга «Ближе к небу» с

очерками о священниках, чей жизненный путь завершился не так давно. Мне посчастливилось знать этих подвижников веры и рассказать о них было долгом сердца.

О героях очерков сегодня с благодарностью вспоминают многие-многие люди. Книга повествует о протоиереях Владимире Залипском (Таллин), Александре Григорьеве (Санкт-Петербург), Александре Маслове (Красноярск), о духовнике Александро-Невской лавры архимандрите Елеазаре (Иванове), о старце Псково-Печорского монастыря, архимандрите Адриане (Кирсанове) и о старце Троице-Сергиевой Лавры, игумене Виссарион (Великом-Остапенко).

Книгу в силу объективных причин выпустили небольшим тиражом, но благодаря Интернету её можно найти на православном портале «Азбука веры». Об одной её презентации православным телеканалом «Союз» был снят репортаж. Основанная на её материале наша с коллегой Т. А. Берсеновой научная статья "«Ближе к небу»: биографический метод в раскрытии судеб современных православных священнослужителей" вошла в сборник научно-практической конференции, прошедшей в рамках X Международных Пюхтицких чтений «Духовное наследие – его роль и становление личности современника» в декабре 2021 года в Пюхтицком Успенском Ставропигиальном женском монастыре по Благословиению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

На адрес моей электронной почты приходят отзывы, свидетельствующие, как примеры судеб героев книги помогают укрепиться в вере, преодолевать трудности и становиться действительно «ближе к небу». Пишут мне и лично знавшие батюшек, и те, кто встретил неожиданную поддержку при мысленном обращении к героям очерков...

В повествовании об игумене Виссарионе я привела отрывок из воспоминаний Митрополита Вениамина (Федченкова), как одна игумения, духовная дочь святителя Филарета Московского по смерти того затруднялась молиться

о нём, как о покойном. Однажды он явился ей во сне и научил молиться так: «Помяни, Господи, раба Твоего, усопшего Митрополита Филарета, и его молитвами спаси меня, грешную». Позже его канонизировали.

Поминая героев книги подобным образом, и я порой дерзаю обращаться к ним за помощью. Случается, что она приходит очень скоро. У Бога все живы. Несомненно.

Протоиерей Александр Маслов

Эти истории поведала мне матушка Марина Маслова уже после выхода книги «Ближе к небу».

«Наташа, если батюшка за нас в земной жизни молился, то и в духовном мире не оставит. Недавно мне одна из его прихожанок случай рассказала. Её сестра летела в Турцию на отдых. Самолет всю дорогу неимоверно трясло. И та женщина весь отпуск так сильно переживала за обратный путь, что дошло до невроза. В ночь перед отлётом в Россию ей неожиданно приснился какой-то священник и сказал, что переживать не надо, мол, всё будет хорошо. И она как-то успокоилась, а полёт и в самом деле прошел спокойно. Сама она отца Александра не знала и никогда не видела. А вот её сестра, батюшкино чадо, всё время, пока та была в Турции, переживала за неё и молитвенно обращалась за помощью также и к батюшке Александру, уже давно почившему. После возвращения домой в Россию путешественница увидела у сестры фотографию отца Александра и сказала, что это и есть тот самый священник, который явился ей во сне и успокоил перед перелетом!»

Еще матушка Марина поделилась историей, как благодаря явному батюшкиному «вмешательству», неожиданно чудесным образом обрела работу...

Приведу воспоминание одной духовной дочери протоиерея Александра Маслова. Это событие произошло с ней ещё при жизни батюшки:

«Я как-то пожаловалась ему на одну женщину, которая меня не просто сильно обидела, но и напугала. До слёз я была расстроена. Рассказываю о ней эмоционально, а отец Александр смотрит на меня и улыбается. Я это заметила и замолчала, а батюшка перекрестился и говорит: «Прости её, Господи! Пресвятая Богородица, помоги ей!» И всё! Так он ненавязчиво преподавал мне духовный урок, что по-христиански надо было бы простить, пожалеть да помолиться о том несчастном человеке». Через неё и я получила этот «урок любви», и сложились строки:

Я плакалась священнику знакомому...
Эмоций – волны, «горя» – через край!
И гнев, подобно злему насекомому,
Кусает душу, просто – помирай!
«Она меня!.. Такая толстокожая»!
А батюшка с улыбкой мне в ответ:
«Спаси её Господь и Матерь Божия»!
Я осеклась.

Лишь стыд,
а гнева – нет...

И для меня самой воспоминания об отце Александре Маслове оказались опорой во время прихода на планету всех напугавшего ковида. Ведь судьба этого человека – достойный пример, укрепляющий испуганную душу.

В 17 лет он неизлечимо заболел. Врачи беспомощно разводили руками, предрекая неутешительный исход. Но будущий священник не отчаялся: «Не сдадимся! Будем жить!» Болезнь стала «точкой отсчета», изменившей его последующую судьбу.

Этот молодой человек, приговоренный не к какой-то там возможной, а уже к реально захватившей его организм болезни, сулящей скорую смерть, окончил медицинское училище, психолого-педагогический факультет Красноярского Госуниверситета, высшие богословско-пастырские курсы.

Во время «постперестроечного» разгула сект в Красноярске он активно участвовал в создании православного молодежного клуба имени святых Кирилла и Мефодия, где и встретил свою будущую супругу – Марину. В семье родилось двое детей.

Батюшка никогда не унывал и, преодолевая безжалостный недуг, сохранял доброе, трогательное отношение ко всем, даже к животным. По электронной почте к нему приходила масса писем из России и из-за рубежа. Он старался ответить всем. В основном делал это ночью, пренебрегая сном. На увещевания матушки побережь себя отвечал: «Люди ведь спрашивают, волнуются. Если человеку плохо, надо помочь».

При нашем общении также происходили необычные случаи. Однажды, когда из-за навалившихся неприятностей я была в довольно подавленном состоянии, из Красноярска неожиданно пришло СМС: «Большие белые пушистые снежинки сегодня весь день падают с неба. А мы завели котёнка. Грустить не надо, радуйся!» Как батюшка почувствовал, что мне необходима поддержка? Прочитав сообщение, я тут же ощутила на сердце тихую радость, словно внутренним взором увидела рассвет. Это благодатное состояние не оставляло меня несколько дней.

В то время как большинство из нас оказалось вусмерть перепугано одними лишь мыслями заразиться ковидом, болезнь батюшки всегда была с ним реально, безжалостно подтачивая жизненные силы. Но он переносил её мужественно даже тогда, когда она стала прогрессировать.

В декабре 2011 года сам, будучи в очень тяжёлом состоянии, отец Александр навещал прихожанку-инвалида. Вернулся домой и слёг. Его увезли на «скорой» в больницу. Через два дня, 30 декабря он окончил свой земной путь. Ему было сорок лет...

Буквально перед смертью батюшка отправил СМС своему знакомому, также находящемуся в больнице, правда, не со смертельно опасным диагнозом. В сообщении было всего два

слова: «Держись и надейся!» Вот так отец Александр до самого конца думал о других, поддерживал, заботился...

Матушка Марина вспоминала:

«Меня пустили к нему попрощаться. Пальцы его правой руки были сложены для крестного знамения. Он до последнего вздоха молился и остался верен Богу».

Протоиерей Александр Маслов самой своей жизнью проповедовал Евангелие. Он привлекал к себе добротой, милосердием, тонким юмором, интеллигентностью, искренней любовью. Недаром одна из прихожанок, узнав о его кончине, произнесла: «Он ушел домой». Вся жизнь батюшки, проникнутая Христовым учением и любовью к людям, в самом деле была дорогой домой — в Царствие Небесное, к Богу, Которого он так любил, и Которому прослужил у алтаря двадцать с лишним лет.

И мне кажется символичным, что книга с очерком о таком человеке, вышла именно весной 2020 года.

Пример его судьбы стал опорой в ситуации, когда из-за ковида весь мир погрузился в уныние и безнадёгу, насаждаемые свихнувшимися СМИ. По маловерию и малодушию люди стали унижать себя страхом, потонули в неизбывной тревоге, что уже само по себе губительно для здоровья. Вот и принялась я чаще рассказывать знакомым об отце Александре, о том, как он не сдавался, многие годы реально болея страшным недугом. При воспоминании о судьбе батюшки тут же приходило успокоение и рождалась мысль: «Если заразимся – будем выкарабкиваться, а так – надо жить, и на всё – Божия воля!»

Это и помогло, когда и нас не миновал ковид...

Протоиерей Александр Григорьев

После кончины отца Александра Григорьева в моей жизни произошло уже несколько событий, когда ощущалась явная

его помощь, приходящая как через людей, так и через сопутствующие обстоятельства.

Все мы порой обуреваемы жизненными штормами. Иногда кто-то внезапно наносит нам рану, повреждающую душу. В такие моменты, когда собственного смиренномудрия по слабости душевной у нас не находится, очень нужна добрая духовная помощь. О том, как однажды я получила её не иначе как по молитвам покойного отца Александра, поделилась в книге «Ближе к небу» в рассказе «У Бога все живы».

И вот ситуация со схожим смыслом, но под иным соусом повторилась. Не резон мне мстительно её описывать. Как говорится, кто старое помянет... Просто свидетельствую, как будучи в душевном раздрае и сетуя на то, что люди почему-то платят за добро чёрной неблагодарностью, я вдруг была чудесно утешена, став участницей счастливых событий, связанных с отцом Александром Григорьевым.

2021 год. Великопостные дни сменились Пасхальной радостью. Но именно тогда произошло событие, выбившее меня из колеи. В момент, когда я пыталась обрести эмоциональное равновесие, у меня произошла благодатная встреча с матушкой Лидией, супругой протоиерея Александра Григорьева.

Накануне она позвонила и рассказала, что видела репортаж православного телеканала «Союз» о презентации моей книги «Ближе к небу» в Гостилицах (Ленинградская область). Вскоре мы свиделись на литургии в Никольском храме на улице Лебедева, который как раз возрождал батюшка.

С этого момента и началось исцеление моей души.

В Евангелии того дня звучала беседа Христа с Самаряныней (Ин.4: 5-42), где Он открывает как Свое Мессианство (Помазанничество), так и Свою Божественную природу, обещая верующим в Него «Воду живую, текущую в жизнь вечную», то есть Святого Духа.

Слушая эти Слова Святого Благовествования, я вспомнила, что как раз в одноимённом журнале «Вода живая» в 2015 году был опубликован мой очерк «Сердце священника», посвященный годовщине памяти отца Александра Григорьева (его земной путь окончился в 2014 году).

Именно с того очерка и родилась задумка книги «Ближе к небу», которую после службы я и подарила матушке Лидии. Ответом она передала мне сборник произведений отца Александра «Путь к покаянию. Стихи. Истории. Проповеди».

Так осветила тот день радость нечаянная. Ощущение горечи из-за недавних неприятностей ослабло.

Вскоре 17 июня, когда исполнялось семь лет со дня кончины отца Александра, матушка Лидия вновь пригласила меня в Никольский храм.

Мне посчастливилось оказаться в кругу близких знакомых батюшки. После Литургии и Панихиды состоялась трапеза, во время которой звучали тёплые воспоминания. Проникновенно об отце Александре рассказывали отец Феодор Кузнецов – нынешний настоятель Никольского храма, Андрей – сын дорогого батюшки, прихожане... У всех было светлое настроение. Недаром протоиерей Александр был поистине радость дарящим пастырем. И я вдруг почувствовала, что освободилась даже от остатков обиды, ещё недавно так жестоко терзавшей меня.

Сердце укрепилось осознанием, что я – несказанная богачка, коли были и есть в моей жизни такие люди как отец Александр Григорьев – чистые сердцем, справедливые, мудрые. Вот и грешно мне нюни распускать, лучше почаще Бога за Милости Его благодарить. Попеняла на себя и за слабость душевную, что не умею быстро с лёгким сердцем прощать обидчиков. Так что есть в чём каяться, есть, как говорится, «куда расти».

После поминальной трапезы мы все отправились на Смоленское кладбище, где во время литии на надмогильный

крест внезапно спустился голубок. Он просидел неподвижно всю службу и лишь потом, взмахнув крыльями, улетел.

Много рассказов о батюшке звучало в тот день. Среди них были и шуточные:

Однажды поехал отец Александр с семьёй и знакомыми в отпуск на зарубежные берега. Будучи человеком общительным, разговорился он на пляже с семьёй ортодоксальных евреев. Они стали ежедневно встречаться и подолгу беседовать на духовные темы. После отъезда батюшки эта заграничная чета искала его, спрашивая у знакомых, которые на отдыхе ещё оставались, где же их мудрый спутник, этот русский священник? Настолько прониклись они беседами с православным петербургским пастырем...

Кстати, воспоминания о судьбе батюшки также стали поддержкой в ситуации с ковидом.

Перед кончиной отец Александр тяжело болел, но до последних дней был на службах в храме. А когда домой к Григорьевым являлись гости, то удивительным образом находил силы, чтобы побеседовать с ними, излучая бодрость, дружелюбие и даря ту самую радость, которая и сегодня рождается в душе даже при одном воспоминании о нём.

Чудеса с портретами

При создании книги «Ближе к небу» в жизни моей то и дело происходили необычные истории:

Размышляя над оформлением текста, подумалось, что хорошо бы читателю увидеть героев очерков, но не на фотографиях, а на портретах, выполненных в едином стиле. И лишь эта идея ко мне пришла, как тут же я неожиданно узнала, что мой коллега, замечательный петербургский поэт Андрей Иванович Краснобородько, лично художественно оформляет собственные книги стихов. Спросила, не возьмётся ли он

выполнить и для моих очерков портреты священников с уже подобранных фотографий?

Андрей Иванович заинтересовался, но сразу искренне предупредил, что портреты он прежде не рисовал, хотя сама работа ему по душе. Он пообещал дать точный ответ после того, как познакомится с текстом. Вскоре позвонил и подтвердил согласие попробовать. Я отправила на адрес его электронной почты фотографии героев книги... Ответно очень быстро пришло письмо с двумя первыми портретами... Каково же было моё удивление при виде их!

Дело в том, что художнику, никогда не встречавшемуся с этими людьми в жизни, удалось очень тонко передать их характеры... Получилось проникновеннее, чем на фотографиях! Я могу это подтвердить, ибо лично знала каждого. Андрей Иванович и сам был удивлен, что задача, за которую взялся, стала так благополучно разрешаться. Кроме того, он поведал, что во время работы явно ощущал, что священники, которых он рисовал, словно бы сами ему помогали!

Есть в этих портретах особенность: батюшки на них выглядят несколько моложе, нежели на соответствующих фотографиях. «Знаешь, я их пытался «состарить», а вот не получалось, и всё тут», – улыбался мой друг-художник. Я поделилась этим обстоятельством с матушкой Мариной – вдовой протоиерея Александра Маслова.

Она ответила, видимо, души батюшек, пребывая у Престола Горнего, молоды и светлы. Это и передалось с молитвой Андрею Ивановичу.

Вот какие удивительные дела, связанные с героями этой книги, происходили и до сих пор происходят...

Письма

Приведу «без купюр» строки из писем, приходящих на адрес моей электронной почты от читателей книги «Ближе к небу» и свидетельствующих о пользе «литературных встреч» с

героями очерков, со священниками, продолжающими помогать нам даже переступив порог Вечности.

«Спасибо за книгу! Красивый художественный язык так тонко раскрывает события, что испытываешь чувство сопричастности, волнуешься и радуешься вместе с автором! Я и не думала, что в наше время жили и живут такие священники! По-хорошему даже завидую Вам, Наталия Анатольевна! Мне тоже однажды удалось почувствовать любовь отеческую на исповеди у одного священника. Это было чувство радости, лёгкости! Это необъяснимо! Вот и узнав о батюшках – героях Вашей книги – хочется верить, что Россия тоже станет лучше, добрее и сильнее!»

«Наталия, здравствуйте! Хочется поделиться, что до знакомства с книгой, с жизнями этих священников у меня была одна проблема. И вот после прочтения, после того как я обратилась к героям очерков, она неожиданно решилась...»

«Я познакомилась с реальной жизнью уникальных людей. Хочется читать ещё и ещё. Рассказы обогатили мою душу».

«Поскольку мне посчастливилось 10 лет общаться с одним из священников – героев этой книги — конечно, я не могла не прочитать ее. Как прекрасно, что есть люди, которые не просто проживают события, происходящие в их жизни, но умеют, пропустив через душу, облечь их в слова и поделиться опытом или радостью! И Наталия Лодеева – одна из таких писательниц, пишущих без «духовной фальши». Радостно прикоснуться к опыту встреч автора с «горящими» верой, мудрыми священниками. Читала и узнавала себя: такие же споры о прочитанном, просмотренном, о сложных вопросах веры. После ухода отца Александра Маслова мне пока не встретился такой равнодушный священник, который стал бы братом, другом, духовным отцом, и я грущу об этом, а книга вернула мне кусочек веры в то, что есть еще такие же «светильники» на Земле».

«Получила огромное удовольствие от знакомства с Вашей книгой. Эти вроде бы незамысловатые рассказы наполнены

глубоким смыслом. За лёгкостью повествования незаметно погружаешься в мир, наполненный важными и весомыми событиями, изначально повлиявшие на Вашу жизнь, которые чудесным образом влияют и на жизнь читающих. Ваша энергетика чувствуется на страницах книги и за ее пределами, благодать Божия вне формата. Образы, нарисованные литературным языком, многогранны и незабываемы».

«Читается на одном дыхании. Книга словно продолжение темы «Несвятые святые». Остается впечатление личного знакомства с героями очерков».

Получая подобные подтверждения благодатного воздействия книги на души читателей, радуюсь несказанно, что являюсь свидетельницей продолжения пастырской помощи героев очерков и после окончания их жизни земной.

В заключение приведу слова архимандрита Елеазара (Иванова). Мне думается, что они могут стать камертоном, чтобы наши сердца интонировали «Божественной музыке»:

«Мелодия невозможна без того, чтобы нота была спета и не исчезла, а на её месте не появилась бы другая. В движении мира тоже есть мелодия и идея, о чем следует всякому знать, потому что каждый из нас – певец Божественной музыки».

БЕЗ СКОРБЕЙ НЕ БЫВАЕТ СПАСЕНИЯ

Этой историей поделилась Ирина Ивановна Косинова – дорогой моему сердцу человек. Её рассказ – ещё одно подтверждение, что ближними нам являются не только родные по происхождению люди, но и те, с кем пребываем в духе едином...

«Без скорбей не бывает спасения». Эти слова на стене Покровского храма Ирина Ивановна словно бы заметила впервые, стоя на отпевании постоянной его прихожанки – схимонахини Митрофании. В последнее время в храм матушку привозили на инвалидной колясочке.

Так получалось, что на службах Ирина Ивановна по обыкновению стояла неподалёку и когда подпевала на Литургии, то старенькая монахиня с доброй улыбкой поглядывала на неё своими синими-синими глазами. Они не были близко знакомы, но роднились единоверием.

В то воскресенье на Литургии Ирина Ивановна услышала, как схимонахиня непрерывно тихонечко стонет. У болящей давно уже был большой пролежень, доставляющий тяжкие страдания... У сопровождавших матушку прихожанок Ирина Ивановна обеспокоенно поинтересовалась, не требуется ли какая-то помощь, но получила ответ, что все необходимые лекарства имеются. Тогда она стала сердечно молиться о матушке, в судьбе которой был удивительно явлен Божий Промысел...

В прошлом матушка была человеком светским: достойная работа, хорошая семья, двое детей... Но неожиданно пришла беда. В 33 года у неё начал прогрессировать рассеянный склероз, и со временем она полностью потеряла подвижность.

Порой именно скорби влекут нас к небу, и подчас нет без них спасения человеческой душе...

В монашество и схиму с именем Митрофания её постриг архимандрит Илий (Ноздрин). Болезнь одолевала, и матушка постепенно превращалась в маленькую, хрупкую, согбенную старицу. После смерти супруга она стала проживать в семье сына. Постоянную поддержку оказывали ей и прихожане Покровского храма, а его настоятель, протоиерей Геннадий Заридзе, являющийся председателем объединения православных ученых, окормлял матушку духовно.

Каждое воскресенье и все церковные праздники схимонахиня Митрофания, несмотря на свой страшный недуг, была в храме и причащалась. Привозил её туда обычно прихожанин Сергей, на руках пересаживая в колясочку...

Вот и в последнее в своей жизни воскресенье матушка была на Литургии...

На следующий день схимонахини Митрофании не стало... Её земной путь завершился в 69 лет, из которых 36 она безропотно несла тяжелый крест болезни. Претерпевая собственные физические страдания, духовно она, наоборот, только укреплялась и молилась светлой молитвой за всех ближних, за болящих, за грешников, за весь мир...

Отпевали схимонахиню Митрофанию в среду... Именно тогда Ирина Ивановна и увидела ту самую надпись на стене храма. Накануне ей снилось, будто она оказалась в доме у матушки и по просьбе той искала свечу, чтобы её возжечь... Сон запомнился отчётливо. Из бесед с женщинами, обихаживающими схимонахиню, с удивлением узнала, что в комнатке матушки даже мебель расставлена именно так, как привиделось во сне.

При отпевании, проходившем на улице подле храма, был сильный ветер. Все свечи гасли. Ирине Ивановне неожиданно дали большую Иерусалимскую свечу от матушки. Она зашла с ней в притвор, дабы возжечь. Неожиданно засиял, заискрился сильный столб пламени. Так и была зажжена свеча по новопреставленной схимонахини Митрофании, как она и просила во сне.

В жизни всё промыслительно, когда мы находимся в духе едином с ближними нашими...

СОШЁЛ БЛАГОДАТНЫЙ ОГОНЬ!

Вновь сошёл Благодатный Огонь, и мне подумалось – какие мы, мои дорогие соотечественники, счастливые!

Сегодня в России можно свободно молиться, посещать храмы и монастыри, совершать паломничества, поклоняясь великим православным святыням.

Мои бабушки и дедушки силой безбожной власти при СССР были лишены этой Благодати, но в их домах всегда были иконы, теплились лампадки, а в сердцах горел тот самый

Благодатный огонь любви и милосердия. Горел, несмотря ни на что! Как важно нам сегодня перенять его у наших благочестивых предков! Зажечь сердца свои от их огня доброты, веры и чистоты, словно от свечи Патриарха, вынесенной из кувуклии под колокольный звон!

Мы – счастливые люди, и должны быть благодарны за это счастье тем, кто сохранил для нас Православие, кто прошёл сквозь годы очернения, гонения, подавления, уничтожения церкви Христовой и стал Победителем!

Достойны ли мы их? Если сегодня сошёл Благодатный Огонь – Господь ещё надеется на нас. Мира душе и радости сердцу каждому. В этом и заключается счастье. Не теряйте чувства благочестия, не разменивайте душу, стяжайте её целомудрие и чистоту!

II. ЭТО ВСЁ В СЕРДЦЕ ОСТАНЕТСЯ

Известный старец Русской Православной Церкви митрофорный протоиерей Николай Гурьянов по личному опыту юности всегда благословлял своих чад на паломничества к святыням:

«Это всё в сердце останется. В трудную минуту вспомнишь и утетишься» ...

ВРЕМЯ БЕСЕДЫ С ДУШОЙ

Осень – пора особая... Время беседы с душой. Отцветшее лето раздарило свои пёстрые впечатления, и сердце начинает наполняться уже иными мелодиями.

Однажды я почувствовала потребность души бывать в святых обителях. Паломничать со мной стали и мои друзья. Те первые наши поездки были удивительны, хоть мы подчас и походили на слепых котят, которые в поисках тепла наугад тыкаются мордочками туда-сюда. Поначалу ездили как-то «сами по себе». Редко брали на пути-дороги благословение, мало знали о посещаемых монастырях и храмах, многие из которых в ту пору только начинали возрождаться после советского безбожного времени. Но при этом всякий раз в таких духовных путешествиях чувствовалось, что ты находишься в длани Господней, что Он бережёт и направляет, даря массу чудесного. Возможно, такая милость Отчая нам, немощным современным жителям, была необходима, чтобы, приобщаясь к родной православной вере, мы оттаивали душами, встречая на пути добро и любовь Божию.

В 2007 году на Покров Пресвятой Богородицы нашей компанией была намечена поездка в Великий Новгород. В день отправления я предложила своим спутникам Надежде и Виктору переменить маршрут. Причиной послужил недавний рассказ моей мамы о необычной встрече, произошедшей с ней в Митрополичьем саду возле Петербургской Духовной Академии.

Мама направлялась к метро, когда её окликнул и догнал незнакомец, как выяснилось – монах. Они разговорились. Инок располагал к откровенности, вот мама слово за слово и посетовала ему на наши семейные беды и трудности. Неожиданно последовал совет: «В Печоры! Непременно – в Печоры, к старцу Адриану!»

Маму удивили слова монаха, так как после окончания медицинского института, согласно распределению, она

начинала свой трудовой путь именно в этом благословенном месте. Там познакомилась с моим отцом. Поженившись, родители стали жить в военном городе Острове, так как папа служил в расположенном там полку морской авиации. В Острове я и появилась на свет. Кстати, наша пятиэтажка находилась прямо напротив разрушенного на ту пору, а сегодня восстановленного Спасо-Казанского Симанского женского монастыря, который был основан ещё в 1897 году. Вскоре после моего рождения наша семья на двадцать лет переехала в Таллин, а после перестройки и развала СССР – в Санкт-Петербург. Но именно Печоры и сам Псковский край вызывали в маминой душе особое тепло.

Случай в Митрополичьем саду заинтересовал меня. Потому, поделившись этой историей с друзьями, я и предложила им встретить Покровский праздник именно в Псково-Печорском Свято-Успенском мужском монастыре. Идея была поддержана.

Похоже, добрый Господь Сам благословил нашу дорогу, так как сразу стали происходить добрые чудеса. Утро в день отъезда выдалось дождливым, и равнодушные синоптики ничего утешительного не пророчили. Но когда мы миновали село Рождественское, тучи внезапно рассеялись, и за окнами автомобиля улыбнулось солнышко. Эти чудесные погодные преобразования дополнили радостью осознание того, что мы выбрались из городской суеты и едем знакомиться с новым святым уголком России.

По дороге уже в Псковской области встретили указатель, сообщающий о расположенной неподалеку усадьбе Римского-Корсакова. Решили заехать, дабы соприкоснуться с культурной историей.

Парк, окружающий усадьбу, встретил нас облаченным в ризы золотой и пурпурной листвы, и мы насладились прогулкой по его аллеям. Внезапно у дверей самой усадьбы с удивлением обнаружили наметённый свеженький сугроб,

словно напоминавший, что завтра – Покров... Странное дело, но больше снега не было видно нигде.

Дальнейший путь в Печоры одолели благополучно. Даже суровые гаишники, остановившие нас «для порядка» уже на подъезде к Пскову, узнав о цели нашего путешествия, вдруг весело стали предлагать заглянуть также к ним в гости, приглашали в такую-то деревеньку, где сулили даже русскую баню. Видимо наше настроение передавалось всем, с кем мы встречались и общались.

В Печорах, недолго покружив по улицам, отыскивали гостиницу. Одного, правда, не учли: приехать на Покров в древнюю обитель и помимо нас была масса желающих! Разумеется, свободных мест в маленьком отельчике не оказалось. В моей голове уже было заметались идеи идти проситься на ночлег к местным бабушкам, как вдруг администратор гостиницы поинтересовалась, не захотим ли мы снять двухкомнатную квартиру, которую сдает её подруга по цене даже дешевле гостиничного номера?! Мы чуть не запрыгали от радости!

Хозяйкой квартиры оказалась молодая приветливая женщина. В доме чисто, уютно, есть возможность пищу приготовить... Мечта путешественника! Когда мы разместились, городок уже обняли густые сумерки. Открыта ли ещё обитель для посещения? Была не была, решили поехать.

Я и сегодня помню то чувство благоговения, с которыми впервые ступила за ворота Псково-Печерского монастыря...

Мы прошли под арку, спустились по дорожке. Позже узнали, что она называется «кровавой», так как по ней, согласно преданию, раскаявшийся Государь Иоанн Грозный на руках пронёс до самого Успенского храма тело преподобного игумена Корнилия, обезглавленного им в приступе гнева.

Вокруг ни души... Увидели освещенный колодец. Воду надо было накачивать ручным насосом. Справились. Пили с наслаждением, но постоянно озирались вокруг – не выгонят

ли?! Час поздний, а мы тут разгуливаем... Вдруг заметили двух монахов и совсем растерялись: «Сейчас точно побранят и погонят за самовольное брожение!»

К нашему удивлению, черноризцы, тихо беседуя, прошли мимо, не обратив на нас никакого внимания... Вздохнули с облегчением: «Наверное, не заметили» ...

Мне не давала покоя мысль о старце, о котором моей маме рассказал инок в Митрополичьем саду...

Вдруг мимо нас торопливой походкой проследовала пожилая женщина. Она направлялась к одному из монастырских зданий (как потом мы узнали – к братскому корпусу). Я поспешила за ней. Догнав, поздоровалась и рассказала, что мы из Санкт-Петербурга и очень хотим встретиться со старцем Андрианом».

– Андрианом, без буквы «н», – мягко поправила она. – Батюшка нынче болен. Почти не принимает. Мы вот, трудники, в монастыре месяцами живём и то попасть к нему не можем. А вы хотите наездом да нахрапом... Вряд ли. Хотя, если Бог даст... Завтра-то – Покров! Вот что, ребятки, посоветую: попробуйте после ранней литургии сразу же подойти сюда к братскому корпусу. Келья батюшки находится на втором этаже. Видите будочку у входа? Там всегда находится дежурный брат. Он может и не пустить, если узнает, что к батюшке собрались. Так вы, вот что, проходите смело без разговоров мимо него. Кто вас знает? Может, вы – трудники или ещё по какому-то делу. Просто проходите и поднимайтесь на второй этаж. Увидите людскую очередь перед одной из дверей – туда-то вам и надо. Ну, не ошибётесь.

Я поблагодарила собеседницу и вернулась к моим друзьям.

«Хорошо бы попасть к батюшке!» – почему-то я, дотоле лишь читавшая о старцах и их молитвенной помощи, тогда почувствовала, что нас здесь примут.

На следующий день, приехав в монастырь и узнав, где служит ранняя литургия, мы направились к храму,

расположенному над *Богомсданными* пещерами. Эта церковь оказалась именованной как раз в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Покровский день в Покровском храме... Ещё один небесный подарок...

Помню мои первые впечатления.

Народу – море. Мы вместе с людским потоком потихоньку поднялись по ступеням узкой каменной лестницы и оказались в древней церкви. Именно там я впервые вживую увидела монахов-схимников и украдкой с каким-то детским любопытством посматривала на них. Это был иной мир. Мир не от мира сего! Моя душа признала это и со смирением ощутила собственную малость и незначительность. А ещё появилось реальное ощущение, что я – дома...

На той службе казалось, что тебе внезапно позволено взглянуть на нечто действительно значимое в жизни, хоть ещё и не особо понимаемое. Вспомнился Таллинский скорбященский храм из далекого детства, который находился прямо напротив дома, где жила наша семья. Мой первый храм, где была крещена, где свечечки сияют, ладаном веет и иконочки на стенах золотые...

Служба окончилась. Мы вышли на улицу. Над монастырём – лазоревое сияние рассвета. Словно сказочная птица-златорица расправила в небе огненные крылья. Полюбовались и направились к братскому корпусу.

Мне было совестно пройти по накануне полученному совету «с невозмутимым лицом» мимо дежурного. И я, набравшись смелости, подошла напрямик к нему. Взгляд при этом скользнул по строгому объявлению на будке «пропускного пункта», сообщающему, что старец Адриан не принимает из-за болезни. Несмотря на это, я принялась скороговоркой объяснять дежурному брату, что в Печоры мы приехали из Петербурга по подсказке-совету одного монаха. Что он сказал моей маме... Что...

Краем глаза заметила, как, стоя неподалёку, мои спутники смущённо переминаются с ноги на ногу. Тогда прекратила свои эмоциональные «аргументы» и лишь тихо добавила:

– Нам бы к отцу Адриану... Хотя бы за благословением...

Сегодня-то я понимаю забавность своего поведения. Вот ведь, трещала-трещала, даже с праздником брата не поздравила. Но дежурный вдруг дружелюбно улыбнулся, вышел из будочки и кивнув, увлёк нас за собой внутрь братского корпуса.

Мы поднялись за ним по лестнице на второй этаж. Длинный коридор. Комнаты-кельи. Напротив одной стояло три человека.

– Ждите здесь. Сегодня – праздник. Даст Бог, примет батюшка, – промолвил наш проводник-благодетель и тут же удалился на свой пост.

Мы ждали. Количество чаявших встречи со старцем увеличивалось. Я видела выражения людских лиц, понимала, что все мы здесь собрались навряд ли любопытства ради. У каждого – своё... И сегодня вспоминается, как один седовласый мужчина с военной выправкой горестно прислонился головой к косяку дверей. Он поделился, что приехал из Сибири. Такой вот далёкий путь проделал. Было видно, что беда у человека...

Я старалась заранее продумать вопросы, которые задам, если отец Адриан нас примет. Мысли путались, разбегались. Неожиданно заветная дверь отворилась. Строгая келейница стала приглашать посетителей. Подошла и наша очередь. Мы вошли в маленькую «приёмную» комнатку и очутились перед другой дверью, ведущей в самую келью старца. Дождались. Наш черёд...

Что чувствовала тогда? О старцах прежде лишь слышала да читала, а тут предстояло лицом к лицу встретиться... И был у меня на тот момент душевный трепет, только не от страха, что обо мне что-то нехорошее прозорливый батюшка узнает, а от того, что подобная встреча происходила впервые.

А нехорошее? Ну, какая грешная есть, такая есть, что ж притворяться-то? В монастыри люди для покаяния и ездят... Вот и направилась я к отцу Адриану с доверием, неся в сердце своё сокровенное.

Войдя в келью, мы увидели сидевшего перед нами старенького священника. Меня поразил его взгляд, обнимающий мягкостью и любовью. Так лишь родители, или, нет, скорее дедушки-бабушки смотрят на своих обожаемых внучат... Все подготовленные заранее вопросы исчезли. Сердце утихомирилось.

Батюшка вначале обратился к моим спутникам, весьма удивив тем, как в нескольких предложениях точно описал суть их жизни. Дав Надежде и Виктору свои советы, он благословил нас троих, помазал маслицем и, отпустив моих друзей с миром, задержал меня.

Я присела перед ним на низкую скамеечку и расплакалась. Всё, что копилось и таилось на сердце, наконец выплеснулось. Я рассказывала о наблевшем, о своих ошибках, о тревогах и семейных бедах. Слушая, отец Адриан непрерывно молился, тяжело вздыхал и тихо со слезами повторял: «Да, трудно, очень трудно, очень тяжело...». Потом мы беседовали о многом.

Батюшка показывал мне иконы, объяснял, благословлял, ещё несколько раз помазывал меня маслицем.

Он рассказал также, что ему дорог подвиг рядового воина Евгения Родионова, погибшего в Первой чеченской войне, отказавшегося снять православный нательный крест и принять ислам даже перед лицом смерти. После стодневного плена Воин-мученик был убит в 1996 году в день своего рождения 23 мая. Убит зверски – живьем обезглавлен ножом. В тот день Евгению исполнялось 19 лет. Его мама потом бывала у отца Адриана...

Батюшка говорил, как важно уметь не поддаваться материальным соблазнам, что сейчас деньги, а не совесть,

правят миром, но надо идти за Христом: «Причастие приближает к Господу» ...

Потом он вдруг растопырил пальцы на руке и спросил:

– А знаешь, почему у людей иногда пальчики болят? Они этим сигналият, что в нашей жизни что-то неправильно.

Отец Адриан перечислил мне «компетенции» каждого пальца, но сегодня подробности я уже подзабыла. В памяти осталось что, если вдруг указательный перст у вас заболит, значит, в жизни слишком много указываете, командуете не по чину и чересчур. А безымянный палец отвечает за семью. Недаром на нем носят обручальное колечко. Болит, если берешь на себя не ту роль. То есть, если женщина стремится управлять в семье, а мужчина не чувствует своей ответственности...

Кстати, после поездки я буквально через неделю увидела подтверждение той беседы «о пальчиках», но это уже – другая история.

В конце встречи отец Адриан осведомился, были ли мы с друзьями в монастырских пещерах? Услышав отрицательный ответ, он благословил их непременно посетить.

Я не спрашивала, что вынесли из встречи с печорским старцем мои друзья. О сокровенном не любопытствуют. А вот в Богом зданные пещеры мы попали.

Следуя напутствию отца Адриана, от Братского корпуса тут же отправились к Покровскому храму, где были на литургии. Именно там находится вход в пещеры. Ложная оторопь, охватившая нас накануне вечером в монастыре, совершенно прошла. Её сменили восторг от красоты обители и благодатное ощущение, что мы здесь приняты. Чудеса продолжались.

Около Богом зданных пещер уже стояла группа «организованных» паломников в сопровождении монастырского послушника. Поспешили к нему, поздравили с праздником и сказали, что мы из Петербурга, и нас на посещение пещер только что благословил архимандрит

Адриан. Брат улыбнулся и, протянув нам свечи, пояснил, что в пещерах их надо возжечь. Мы обратили внимание, что у остальных паломников свечи в руках уже имелись.

Наш сопровождающий заметил, что при входе в пещеры покоятся святые мощи преподобных Марка, Ионы, Лазаря прозорливого и преподобной Вассы. Помолиться перед ними можно будет после экскурсии. Кстати, мне как-то неловко при рассказе о Богом зданных пещерах писать, что мы побывали на «экскурсии». Скорее нам было дозволено соприкоснуться с необъяснимым для человеческого разума явлением и совместно с единоверцами прочесть чьи-то удивительные жизненные страницы.

Мама рассказывала, что при учёбе в медицинском институте один старенький, верующий в Бога профессор советовал им, бесшабашным студентам: «Если вам нестерпимо тоскливо или безудержно весело, то отправляйтесь на кладбище. Там непременно обретёте душевное равновесие...». А Богом зданные пещеры как раз и являются монастырским кладбищем. Сколько там захоронений? Сколько людей, чьи останки покоятся под песчаными сводами, причислено Господом к своим угодникам?

Мы узнали, что от входа в пещеры начинаются семь подземных галерей-улиц. Пятая и шестая, где в стенах погребают иноков Псково-Печорского монастыря, называются братскими. В прочих галереях хоронили благочестивых мирян, благотворителей и защитников монастыря.

Пройдя вдоль всю центральную улицу, освещая дорогу свечами, мы увидели канун – подсвечник в виде небольшого столика. Около него традиционно служатся панихиды о прощении грехов и упокоении душ усопших. За кануном – деревянный крест, подле которого похоронен один из любимых моих духовных писателей, чьи книги не раз воодушевляли и дарили мудрые советы, – митрополит Вениамин (Федченков). Когда мы жили в Таллине, у моей мамы был духовник протоиерей Владимир Залипский,

который в молодости общался с Владыкой Вениамином. Возможность оказаться у места упокоения почитаемого мною архиерея-писателя была также подарком на Покров.

Увидели мы места захоронений и других известных людей...

В пещерах было довольно прохладно. По словам нашего сопровождающего, температура в них всегда ровная. – Около пяти градусов тепла. Эту новость я хорошо запомнила и во все последующие приезды в Печоры учитывала при посещении пещер, особенно в летнее время, когда на улице – жара. Всегда с собой прихватывались кофта или куртка.

Несмотря на массу захоронений, воздух в пещерах был свеж. Наш провожатый рассказал байку о приезде в 1995 году в монастырь президента Ельцина. Осматривать обитель его водил старенький казначей архимандрит Нафанаил. В Богом зданных пещерах Борис Николаевич поинтересовался, отчего не чувствуется запаха тления, ведь в нишах стен открыто стоит масса гробов. Отец Нафанаил попытался объяснить, что это – чудо Божие. Но Ельцин ответом не удовлетворился. На его переспрос батюшка кротко заметил:

– Так уж Господь устроил.

При выходе из пещер неуёмный президент снова прошептал старцу: «Батюшка, откройте секрет — чем вы их мажете?»

Тут уж отец Нафанаил не выдержал и в свою очередь поинтересовался, имеются ли в окружении главы государства дурно пахнущие сотрудники? Получив от оторопевшего Ельцина отрицательный ответ, он торжествующе произнес: «Почему же тогда Вы думаете, что кто-то посмеет дурно пахнуть в окружении Царя Небесного?» Помимо этого шуточного рассказа мы слышали и другие добрые байки, свидетельствующие о проявлении духовной дремучести людей.

При выходе из пещер послушник-сопроводитель неожиданно поинтересовался, сколько по нашим ощущениям

длилась экскурсия? Всем показалось, что прошло всего ничего, где-то минут пятнадцать-двадцать. На самом же деле выяснилось, что ходили мы по пещерным улицам порядка полутора часов! То есть даже время словно застывает в этом святом месте...

Я часто подмечаю, что день, когда бываешь на литургии, потом тянется долго-долго. После посещения Псково-Печерского монастыря мы отправились в Изборск, о котором много слышали от знакомых. Поворот на него расположен как раз на пути из Печор во Псков. Побродив по территории древней крепости, выдержавшей множество вражеских осад и являющейся памятником оборонного зодчества Древней Руси, мы спустились по осыпаемой золотой листвой дорожке к Словенским ключам. Такое название получили двенадцать источников, стекающие с горы и переплетенные в братских объятьях единым потоком устремляющиеся к Городищенскому озеру. Названы родники в честь Словена, легендарного основателя городка, который в свою очередь именован в честь его сына – Изборска.

Погода благоволила нам, и моя ободренная в печорской обители душа теперь наполнялась восхищением от созерцания картин русской осени. Я с детства отчаянно люблю лебедей. И вдруг на Городищенском озере мы увидели целую лебединую стаю!

После Изборска вспомнили, что, проезжая через Псков ещё на пути в Печоры, видели указатель на Крыпецкий монастырь, о котором ничего до той поры вообще не слышали. Находилась обитель неподалеку, и захотелось посетить и её. Позже окажется, что и это решение было промыслительным.

Именно тогда 14 октября в 2007 году мы познакомились с настоятелем Иоанно-Богословского Савво-Крыпецкого мужского монастыря архимандритом Дамаскиным, а немногим больше месяца – 29 ноября – его земной путь оборвался...

Отец Дамаскин (в миру Иван Евгеньевич Сахнюк) родился 10 сентября, то есть в день памяти преподобного Саввы,

Крыпецкого чудотворца – основателя Крыпецкой обители, где потом сам служил последние семнадцать лет своей жизни. Ему было суждено возродить из руин после советского лихолетья некогда цветущий на Псковщине монастырь, а затем и возглавить его. Таков был Промысел Господний... Ту единственную встречу с отцом Дамаскиным всегда вспоминаю с теплом.

Оказавшись в обители, расположенной в двадцати пяти километрах от Пскова, мы оставили машину у ворот и направились в храм.

Возрождающийся монастырь ещё не был обнесён той великолепной оградой, которую видят паломники в наши дни. Не было и нынешнего его благолепия, хотя уже тогда во всём чувствовалась заботливая и крепкая хозяйская рука.

В храме, куда мы перво-наперво вошли, то ли послушник, то ли монах немного рассказал нам о святых Савве и Корнилии. Сейчас уже не припомнить, почему он направил нас к настоятелю. Видимо, мы задали какой-то вопрос, на которой только тот и мог ответить.

– Вон, видите – домик с зеленой крышей? Отец Дамаскин – там!

Откуда тогда взялась смелость, не найдя звонка начать барабанить в дверь «домика» настоятеля? Она отворилась. На пороге перед нами возник замечательного добрейшего вида человек. Я помню улыбающиеся, внимательные глаза... И почему-то сразу обратили на себя внимание его большие валенки. Подумалось, что у батюшки, наверное, в домике холодно...

– Благословите! – подставили мы ладони.

Разговорились. Поздравив отца архимандрита с праздником Покрова, рассказали, что из Петербурга, что увидели в Пскове указатель на монастырь и вот явились.

– Из Питера?! Так, может быть, вы – спонсоры?! – спросил он, с улыбкой поглядывая на нас.

Узнав, что меценаты из нас никудышные, отец Дамаскин задал задачку на будущее, что если богатые благотворители вдруг попадут в наше поле зрения, то надо непременно им намекнуть про Крыпицы.

Потом он поинтересовался, были ли мы в храме и прикладывались ли к святым мощам Божьих подвижников Саввы и Корнилия? Получив утвердительный ответ, предложил остаться на всенощную и разделить после неё братскую трапезу, а при желании и переночевать в монастыре. Мы тогда не смогли принять его приглашение, так как необходимо было возвращаться в Петербург из-за работы... Но пообещали непременно вновь приехать. Я поинтересовалась у игумена Дамаскина, много ли монахов, послушников и трудников в обители.

– Да как вам сказать, дорогие мои? На трапезе-то всегда много! – пошутил он.

С его благословением мы отправились в сторону Петербурга, имея твёрдое желание однажды вернуться в Крыпицы. (Следующий мой приезд состоялся через год, когда я и узнала о гибели отца Дамаскина, а также подробности о его грандиозных трудах по возрождению монастыря... Но это – другой рассказ, а то наше октябрьское паломничество посещением Крыпецкой обители не завершилось).

По пути домой в Петербург в наших планах оставалось заглянуть в деревеньку Камно, посетить её храм и святыне источники. Существует предание, что неподалеку от Камно находились владения равноапостольной княгини Ольги.

Необычное название поселения происходит от слова «камень» из-за предположения, что в этих местах проходил большой Валдайский ледник. В результате образовалась река Каменка, у истоков которой и было выстроено древнее городище. Расположилось оно на высоком побережье. В те давние времена сегодняшняя мелководная речка была судоходной, а по её берегам рос густой лес.

Приехав в Камно, мы скоро отыскали стоящий рядом с кладбищем Георгиевский храм. Войдя, поздравили служительниц с Покровом. Те, в свою очередь проявив радушие, стали рассказывать о бывшем настоятеле протоиерее Валентине Мордасове и посоветовали побывать на его могилке, чтобы почтить память батюшки.

В своё время я читала некоторые его книги. Также знала, что большое влияние на отца Валентина оказал один из моих любимых святых – Серафим Вырицкий. По этим причинам мне и хотелось оказаться в Камновском храме.

Настоятельство над храмом Георгия Победоносца в Камно протоиерей Валентин Мордасов принял в феврале 1986 года. Тогда он уже имел богатый духовный опыт и был известен. Верующие стремились к нему отовсюду. Он почил 19 июля 1998 году, но по сей день светлая память о нём не угасает.

– Помолитесь за батюшку, поговорите с батюшкой. Он всех слышит, – наставляла нас одна из служительниц. – Вот, возьмите поминальную молитву, почитайте, – она дала нам небольшой листок бумаги с текстом, – А неподалёку увидите и могилку его сына Михаила. Он ушёл совсем молодым... Помолитесь и за его душу.

После посещения могилки мы спустились к источнику во имя Георгия Победоносца, который отец Валентин освящал по чину Иорданской купели сам. Мои спутники не решились окунуться из-за холодной октябрьской погоды, но я всё же отважилась. Правда, в купели почему-то было мелко. Видимо осенью вода ушла... Потом, чуть поднявшись по лестнице, мы обнаружили родничок и кружки около него, и уже втроем испили освященной воды.

Перед отъездом решили немного повременить, чтобы побродить по погосту у Георгиевского храма... Вдруг у одной могилы увидели группу людей. Среди них выделялся статный мужчина лет сорока. Лицо его было залито слезами, хотя такие мужчины редко позволяют себе плакать прилюдно. Мы невольно замерли.

Нас заметили и подозвали:

– Ребята, идите к нам. Возьмите вот пирожков, конфет. Мы сегодня сыночка поминаем, он на Покров погиб, – произнесла очень красивая женщина средних лет.

Мы подошли. С зеркально отшлифованной поверхности надмогильного памятника из тёмного гранита на нас смотрело открытое лицо молодого парня в десантном берете. Запомнилось его имя – Лев. Подсчитала возраст – 19 лет... Вопросов, почему эти люди пришли на погост не как принято – утром, а уже в преддверии заката, не возникло. У меня в глазах тоже стояли слезы... Человек, который привлек к себе наше внимание, тихо проговорил:

– Не уберег я его, не уберег. Такой славный парень, светлый! Я же, ребята, его командиром в Чечне был. Сам вернулся, а его вот не сохранил... Сегодня очередная годовщина его гибели, вот и пришли сюда с родными. Слезы льются, простите...

Внезапно ударил церковный колокол... Я вспомнила о русском солдате Евгении Родионове, о котором мне только недавно утром рассказывал отец Адриан, и подумала:

«На святой земле живём, если есть у нас в России такие ребята, которые за други своя, за Родину, за веру готовы жизни отдавать... Если есть такие командиры, для которых солдаты – не пешки, а родные сыновья, из-за гибели которых даже у этих крепких, бывалых вояк льются слезы... Если есть такие старцы, которые врачуют наши гордые, уставшие сердца своим молитвенным словом, такие священники русские, которые даже после своего ухода в вечность пекутся о своей пастве» ...

Мы возвращались в Петербург. За окном автомобиля вместе с нами летела осень, пора особая. Время беседы с душой...

В ОБЪЯТИЯХ РЯЗАНСКОГО НЕБА

В истории наших семейных путешествий по России есть особая страница – Рязанщина. Побывать на этой древней героической земле, где люди, по словам летописцев, «удивительны по дерзости и высоким речам», нас влекло желание почтить святую память Великого учителя Русской Православной Церкви святителя Феофана Затворника, в миру Георгия Васильевича Говорова. Также хотелось увидеть и Есенинское Константиново... Эти надежды сбылись, а Рязанская земля подарила и другие благодатные встречи...

В юности мама порою читала мне письма Святителя Феофана. У меня сохранилась та самая книжечка «Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться». В ней приводятся письма святителя к молодой девушке с ответами на её непростые вопросы. Благодаря исследованиям Издательского Совета РПЦ установлено имя адресата – Екатерина Александровна Арнольди. Вот и я в те далекие годы благодаря маме внимала поучениям Вышенского затворника словно бы вместе с его духовной дочерью... Не всё было понятно, но какая-то новая сильная правда открывалась для меня. Вот и захотелось начать постигать, «что же ты такое, матушка, душа наша»?

Путешествие на гостеприимную Рязанскую землю произошло довольно давно, но то, что оно бережно сохранилось в памяти, подтверждает благодатность обретенных впечатлений.

В Рязань мы приехали июльским вечером. Остаток дня посвятили ознакомительной прогулке по городу, который показался наполненным светом и очень чистым. Обратили мы внимание и на дружелюбие и открытость местных жителей.

Впечатлил летний кафедральный Успенский собор Рязанской епархии, расположенный в Кремле. Мы успели на окончание всенощной, которую служил тогдашний Митрополит Рязанский и Михайловский Павел (Пономарев).

Вот так неожиданно с Владычного благословения и началось наше пребывание в этом благодатном краю.

После службы мы погуляли по городу, встречая другие храмы, обозревая памятники, из которых особо запомнились Евпатию Коловрату и Сергею Есенину. По мемориальным доскам на домах узнавали, что вот здесь учился великий русский академик Иван Петрович Павлов, там – советский писатель Константин Михайлович Симонов, а тут вёл преподавательскую работу лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын. Прошли мимо школы, которую в 1930 году посетила большевичка Надежда Константиновна. Но Крупская не является для нас приятным лицом. Просто отметили с иронией, что в Рязани её помнят как «выдающегося деятеля народного образования», того постреволюционного образования уже без Закона Божия, без чудесных учебников, которые мы позже увидели в Константиново, по которым когда-то действительно именно образовывались сердца юных в России...

Утром следующего дня отправились на Родину безгранично любимого мною Сергея Есенина. Село Константиново... Четыре столетия стоит оно на высоком берегу Оки. Здесь 3 октября в 1895 году родился и вырос гениальный русский поэт.

С погодой повезло, а это всегда приятно дополняет палитру любого путешествия. После посещения усадьбы семьи Есениных, подле которой нашли тополь, посаженный поэтом саморучно в 1924 году, мы побывали в земской начальной школе, где учился Сергей. Именно там среди экспонатов я и увидела книги и учебники, особо привлекшие моё внимание: «Книга для духовно-нравственного чтения. Наставления в Законе Божьем», «Ручеёк. Для школ и народа», «Книга по русской истории для начальной школы» и ... «Родиноведение».

Вслушайтесь – «Родиноведение»!

Так назывался краткий географический курс Рязанской губернии. Есть ли сегодня в наших школах, постоянно потрясаемых реформами и инновациями, что-то подобное? А ведь как прекрасно ведать свою Родину!

На экспозиции представлялся также список книг, свидетельствующий, что читали русские дети в обычной земской четырехлетке. Произведения Майкова, Кольцова, Пушкина, Хомякова, А. Толстого, Языкова, Лермонтова...

Удивительны были и темы для первых детских сочинений: «Покров. Храмовый праздник», «Встреча Пасхи», «Наша семья», «Польза от растений», «Масленица», «Дело и забава», «Сенокос», «История кусочка хлеба», «Весна (лето, осень, зима) в деревне», «Трудовой год», «Путешествие воды», «Окрестности села Константиново», «Выдающийся день в селе», «Вскрытие реки Оки», «Летний вечер в деревне»...

Это – лишь часть списка. Всего-то часть, где сами темы свидетельствуют, что детей поощряли размышлять о жизни, замечать красоту родного края, видеть благодать труда, устремляться сердцем к небесному...

Есть сегодня в нашей образовательной программе подобное?..

После посещения школы мы отправились к храму во имя иконы Божией Матери «Казанская». Именно там, как сообщалось на мемориальной доске, настоятель Иоанн Смирнов «в 1895 году совершил таинство Крещения великого поэта Земли Русской Сергея Александровича Есенина». Нарекли мальчика в честь преподобного Сергия Радонежского. Недалеко от церкви – настоятельский домик с размещенной в нём экспозицией «Поэт и пастырь» и возможностью посмотреть одноименный документальный фильм. Автографы ранних стихотворений, первые журнальные публикации, поздравительная открытка, отправленная Сергеем Есениным в 1913 году из Москвы «дорогому батюшке», показывают, какой любовью пользовался священник у поэта.

Узнав о трагедии в Петербурге, отец Иоанн отслужил панихиду по погибшему поэту, категорически не поверив байке о самоубийстве, подлость которой сегодня очевидна любому здравомыслящему человеку. Кстати, на эту тему в 1992 году вышла пронзительная книга «Убийство Есенина», написанная другим замечательным поэтом Иваном Лысцовым, близким другом моих родителей.

В домике настоятеля сотрудница музея, узнав, что мы приехали из Петербурга также и с паломнической целью, посоветовала побывать в древнем Иоанно-Богословском мужском монастыре, расположенном в пятнадцати километрах от Константиново – в селе Пощупово. Об этой обители мы прежде не слышали и, хотя по намеченному плану после есенинских пенатов собирались сразу в Вышу, решили всё же последовать совету нашей собеседницы. Правда, после посещения музейных экспозиций и Казанской церкви, ещё немного позволили себе погулять по окрестностям над вольной Окой, любуясь природой. Я обнимала трогательные березы и тонула взглядом в бескрайнем рязанском небе, ощущая родство с этой на добро вдохновляющей душой землёй.

В семье мы особо чтим апостола Иоанна Богослова. В то время, о котором идет повествование, как раз зачастую посещали именованный в честь него храм в Санкт-Петербургской Духовной Академии, в детскую воскресную школу которой водили дочь, и где учился и затем сам преподавал мой супруг. Потому совет побывать в монастыре, соимённом дорогом для нас академическому храму, был отнесён к разряду «промыслительных» ...

Иоанно-Богословская обитель, где мы вскоре оказались, расположилась на правом берегу Оки. Историческое предание относит её возникновение к концу XII – началу XIII столетия, когда в эти края пришли монахи-миссионеры. Ими была принесена чудотворная икона апостола Иоанна Богослова, написанная в VI столетии византийским мальчиком-сиротой. Этот Образ и стал главной святыней Богословской обители, не

раз оберегая её. Так, при нападении Батые в декабре 1237 года грозный хан и его воины устрашились видением святого апостола. Батый не только отбросил замысел разорить обитель, но даже пожаловал чудотворной иконе свою золотую печать. В XVI-XVII веках монастырь вновь претерпевал набеги крымских татар, но возрождался.

После указа Екатерины II от 1764 года о секуляризации церковных земель Иоанно-Богословский монастырь пришёл в упадок. Его новый подъём начался со второй половины XIX века, чему весьма поспособствовал благотворитель, купец 1-й гильдии Давид Иванович Хлудов. Настоятелем обители в 1865 году был назначен иеромонах Виталий (Виноградов), ставший игуменом, а затем – архимандритом. Он управлял обителью в течение полувека и скончался в 1915 году в почти столетнем возрасте. Множество чудес было явлено через чудотворный образ Иоанна Богослова и на Святом источнике близ монастыря.

В советские годы обитель упразднили, а насельники претерпели жестокие гонения. Апостольский образ был утрачен. В лоно Русской Православной Церкви Иоанно-Богословский монастырь вернулся в 1988 году. Такова краткая история обители...

При подъезде сразу увидели 76-метровую звонницу, вошли в монастырские ворота и попали в утопающую в цветах обитель. От кого-то из паломников узнали, что неподалеку есть Святой источник. День был жарок, и мы поспешили окунуться. Вернувшись в обитель, разговорились с одним из священников, который ласково по-отечески нас приветил. Он-то и рассказал о монастыре, о его святынях, о имеющейся здесь паломнической гостинице. Мы сердечно поблагодарили его и взяли благословение на путь в Вышу. Священник попенял, что не останемся на всю ночь, но согласился, что, приехав в Рязань, нельзя не побывать у Святителя Феофана.

– Ехать-то туда далеко... Но ничего, Господь поможет. Поклонитесь Богослову нашему русскому...

Насыщенный открытиями день продолжался. Карта подсказывала, что до Выши предстояло преодолеть около 250 километров. По нашим расчетам мы вполне успевали на вечернее Богослужение. Но это – по расчётам, а на деле, как это часто бывает, вышло иначе...

Есть такое явление – ремонт дорог. Чаще всего оно возникает на пути, когда вы куда-то торопитесь. В общем-то, нам, жителям мегаполиса, к автомобильным пробкам и ремонтам не привыкать. Кроме того, ехали из монастыря да снова в монастырь, как же без искушений? Время поджимало, и мы даже стали подумывать, не повернуть ли обратно в Рязань? Но, положившись на Бога и памятуя, что путь наш благословлён, решили двигаться в Вышу.

Из-за дорожных работ, укравших у нас более двух часов, старались не расстраиваться. Эту неприятность сполна компенсировали виды по обочинам трассы: хороводы белоствольных берез, подсолнуховые поля... По пути я мысленно просила Святителя Феофана спутешествовать нам, хотя часы неумолимо докладывали, что идею побывать на всенощной придется оставить...

Всё когда-то завершается. Вот и наша машинка, проехав по мосту через реку Вышу, аккуратно лавируя между вышагивающими рядом местными коровами, наконец-то остановилась подле обители.

Мы отправились туда, где с 1866 года проживал и трудился знаменитый русский Богослов, чьи добрые наставления я постигала в своей советской юности благодаря маме. Земной путь Владыки окончился в день Богоявления в 1894 году. Последние 22 года его жизни были проведены в затворе.

Порою, слыша имя какого-то святого в храме или встречая в книге, мы не всегда знакомы с его судьбой. Вроде бы немного и знаем о подвижнике, возможно, даже читали что-то из его трудов, если таковые имеются... И всё. Каким же был жизненный путь Святителя Феофана?

Великий учитель Русской православной Церкви, в миру Георгий Васильевич Говоров родился 10 января в 1815 году в селе Чернава Елецкого уезда в семье священника. Набожная мягкая мать одарила его своим примером добросердечности, скромности и впечатлительности. Кстати, счастливое детство святителя напоминает подобный же период жизни вселенских учителей – Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова, чьи матери-христианки также полагали начало будущей славы своих детей в семейном воспитании.

Окончив Орловскую Духовную Семинарию и Киевскую Духовную Академию, Георгий Говоров в 1841 году принял монашество с именем Феофан. На долю Святителя выпало много ответственных трудов. Побывал он в составе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, посещал святые места, беседовал с афонскими старцами, исследовал писания отцов Церкви по древним рукописям, основательно изучил греческий и французский языки, ознакомился с еврейским и арабским. Преподавал в Санкт-Петербургской Духовной Академии. Был ректором Олонецкой Духовной Семинарии, настоятелем полевой церкви в Константинополе, а с 1857 года стал уже ректором в СПДА.

Сегодня, бывая в Духовной Академии Петербурга и осознавая, какие люди несли свои труды в её стенах, чувствуешь особое благоговение. Ты ходишь по тем же старинным коридорам, стоишь на службе, зришь на портреты иерархов, некоторые из которых ныне канонизированы... И вспоминаются слова знакомого петербургского протоиерея: «Православие, дорогие мои, это – данность, а святость – заданность».

С 1859 года Владыка Феофан, уже будучи епископом Тамбовским и Шацким, много потрудился для подъёма народного образования. С июля 1863 года пребывая на Владимирской кафедре, он вёл активную миссионерскую работу с раскольниками.

Несмотря на многочисленные церковные награды, Святитель был равнодушен к славе мирской. Он всё больше искал уединения, чтобы заняться трудами духовного писательства. В 1866 году он подал прошение об уходе на покой с правом пребывания в выбранной им Вышенской пустыни... В Выше вёл истинно подвижническую жизнь. В течение шести лет ходил с братией на все службы, а в воскресные и праздничные дни литургисал сам. О том времени он писал своему знакомому, действительному статскому советнику, духовному писателю, автору первого капитального труда о святом Серафиме Саровском Н.В. Елагину:

«Мне здесь крепко хорошо. Порядки здесь истинно монашеские. Из братии есть лютые подвижники... образчик – восьмидесятилетний старик, никогда не присядет в церкви и ворчит на других за это. Служб наберется 8–10 часов. Начинаются с 3 часов утра. Последняя бывает в 7 часов вечера. Пение саровское».

После Пасхи 1872 года святитель ушёл в затвор. Это случилось не вдруг. Поначалу он уединенно провел Святую Четыредесятницу, потом год, после чего уже и был решён вопрос о полном затворе. Уединение оказалось для него «слаще меда», а Вышу он считал «жилищем Божиим, где Божий небесный воздух». И это райское блаженство Святитель Феофан испытал уже на земле, в маленьком уголке необъятной России, о котором сам говаривал: «Вышу можно променять только на Царство Небесное».

В затворе Святителем был подъят дивный духовный подвиг. Он создал многие литературно-богословские труды, осуществил перевод творений древних отцов и учителей, а также вёл обширную переписку. Святитель отмечал: «Писать – это служба Церкви нужная. Лучшее употребление дара писать и говорить есть обращение его на вразумление грешников». И так мне хочется, чтобы об этом почаще размышляли и современные авторы.

Епископ Феофан оказал заметное влияние на духовное возрождение общества. Его труды роднятся с учением Святого Паисия Величковского в темах о старчестве и умной молитве. Именно молитва была главным занятием затворника. У себя в келлиях он устроил малую церковку во имя Крещения Господня, где служил Божественную литургию в воскресные и праздничные дни, а в последние 11 лет – ежедневно.

При знакомстве с духовными наставлениями Святителей Феофана (Говорова) и Игнатия (Брянчанинова) мне показались сходными их взгляды на молитву: оба порицали «художественный метод», подчеркивали важность духовной жизни, учили сосредоточению на внутреннем, считали молитву даром Божиим.

Святитель Игнатий также завершил свой земной путь в монастырском уединении, в Николо-Бабаевской обители. Но об этом – другой рассказ.

Правда, было в размышлениях Святителей расхождение, касающееся вопроса о природе ангелов и человеческих душ. – Интереснейшая страница в истории русского православного догматического богословия.

Помимо духовных и писательских трудов Владыка Феофан уделял время и другим занятиям. Он много читал, имея одну из самых крупных среди частных библиотек того времени. Также писал иконы, занимался музыкой, разнообразным рукоделием, выращиванием растений на балкончике, наблюдением за небесными светилами и даже сам шил для себя одежду. Что касается духовных произведений, созданных в затворе, то один лишь перечень их названий заполнит много страниц.

Святитель мирно почил 6 января 1894 года в праздник Крещения Господня. Его погребли в Казанском соборе Вышенской пустыни. В 1988 году был канонизирован.

Вот на поклон к какому святому устремились мы в тот июльский день в Вышу, вспоминая его слова:

«Нет ничего на свете краше Вышенской пустыни!», «Выша – преутешительная и преблаженная обитель... у нас, например, рай растворенный. Такой глубокий мир!», «Вы называете меня счастливым. Я и чувствую себя таковым, и Выши своей не променяю не только на Санкт-Петербургскую митрополию, но и на патриаршество, если бы его восстановили у нас и меня назначили на него».

Вот и мы приехали из Петербурга в это затаённое среди полей и лесов Рязанщины место, которое мудрейший Феофан не променял бы на блеск Имперской столицы...

Оставили машину у монастырских ворот и вошли в обитель. Летний день уже отцветал. На территории стояла та самая блаженная тишина, о которой вздыхаем в громяющих городах. Сразу направились к собору, как потом узнали – к Казанскому. На вратах оказался замок.

Мы не принялись безнадежно вздыхать, что опоздали и зря приехали, а стали тут же искать кого-нибудь из монахинь в надежде, что нам всё-таки откроют храм. Конечно же, мысленно обращались за помощью к Святителю Феофану. Поиски увенчались успехом. Нам встретилась женщина, приехавшая в монастырь потрудиться. Она объяснила, что нам необходима ключница, которая сейчас ужинает.

Принялись мы тогда «дежурить» у трапезной. Вскоре оттуда вышла пожилая монахиня. Наудачу обратились к ней... Небо было благосклонно к нам, так как матушка и оказалась как раз той самой ключницей! Строго посмотрев на нас и недовольно покачав головой, она спросила, как же получилось, что мы явились, когда уж и служба кончилась, и собор на замке? Супруг, как переговорщик-медиатор, мягко объяснил, что сами мы – из Петербурга, что ехали в Вышу с намерением успеть на всенощную, но дорожные ремонты перечеркнули планы. Видя, что лицо матушки смягчается, он добавил, что сам учился в семинарии, и что мы очень хотим поклониться мощам Святителя Феофана, которого почитаем, и чьи труды нам знакомы.

Направляясь с нами в сторону собора, монахиня преминула продолжить своё «воспитательное слово»:

– Вот, говорите, вы из Петербурга. А скажите-ка на милость, когда у вас там Лавра закрывается, то опоздавших паломников по их просьбе в храмы пускают?

На это супруг дипломатично ответил:

– Вот потому-то мы хоть и видели, что совершенно опаздываем, всё равно не развернулись обратно, а приехали сюда. Ведь Святитель Феофан писал, что в Выше всегда ворота отворены, и когда бы Господь ни благословил человека ваш монастырь посетить, тут всегда готовы принять и утешить. Поэтому мы и верили, что здесь заветы Святителя живы.

Ключница усмехнулась, отмыкая при этом замок на дверях собора.

– Ну, заходите, заходите. Вот там – мощи Святителя, а там – наша чудотворная икона Матери Божией Казанская Вышенская. Поклонитесь, помолитесь, но не очень задерживайтесь, мне ещё ехать в скит надо. Он тут неподалеку на Быковой горе находится. Сейчас машина должна подойти.

– Простите, а как Вас зовут, – теперь уже я решилась подать свой голос.

– Меня-то – сестра Евгения. А зачем это?

– Вы, матушка, нам навстречу пошли, будем Вас молитвенно поминать за доброту.

Монахиня растроганно улыбнулась. Видно, ей и самой уже поднадоело нас воспитывать и держать напускную строгость.

Понятно, что у восстанавливаемого монастыря много проблем. На момент нашего приезда на территории ещё оставались корпуса психиатрической больницы, шли реставрационные и строительные работы. В таких условиях со всякими людьми приходится сталкиваться насельникам. А тут мы все из себя такие внезапные приехали. Кто знает, чем дышим?

Поняв, что перед ней – не просто любопытные светские туристы, матушка разговорила с нами. Поведали ей в двух словах о себе, а мать Евгения кратенько рассказала про обитель. Мол, известно о ней давно. В летописях упоминаема с 1625 года. Раньше монастырь был мужским, служил форпостом для распространения православия среди местных язычников – мордвы. С XIX века Выша стала центром духовного просвещения во многом благодаря поселившемуся здесь Святителю Феофану. После революции монастырь был разграблен и ликвидирован. Богоборцы скинули с колоколен и продали колокола, сожгли богатейшую библиотеку. Страшно было узнать, что монастырское кладбище использовалось под огороды! Здания монастыря частично заняли «Детский городок имени III Интернационала» и дом инвалидов. Успенскую церковь приспособили под театр. Позже тут поочередно размещались детский сад, лесхоз, свиновхоз, а с 1938 – областная психиатрическая больница...

И только в 1990 году некоторые монастырские здания вернули церкви. Возрождаемую обитель решено было открыть как женскую. В 2000 году администрация больницы наконец-то передала монастырю корпус, где проживал Святитель Феофан. В нём с 2010 года открыт музей. Сами мощи святого были перенесены в монастырь 29 июня в 2002 году при участии Патриарха Алексия II. Восстанавливается Вышенская пустынь постепенно стараниями сестёр, насельников, трудников и всех сочувствующих этому благому делу людей.

Рассказав о монастыре, матушка Евгения заволновалась, куда бы нас определить на ночлег, предложив вместе с ней отправиться в скит, где для этого были условия. Мы успокоили ее, объяснив, что остановились в Рязани, куда теперь и намерены вернуться. Расстались тепло. Матушка подарила нам иконочку Святителя Феофана и перекрестила на дорогу.

В Рязань из Выши мы возвращались окрыленные, счастливые...

Этот долгий, длинный и щедрый на добро день потом будет глубже осознаваться и постигаться душой. Сегодня при разговорах о Рязани в воспоминаниях сразу воскресают светлые березовые рощи, поля подсолнухов и бескрайнее наше русское небо, отражающееся в Оке. Небо, обнимающее всё и всех своим милосердным покровом. Небо, под которым родился певец земли русской Сергей Есенин, и под которым в маленькой пустыньке с тёплым именем Выша творил свои Боговдохновенные труды Святитель Феофан. Он затворился от мира, чтобы подарить этому самому миру слова, которые укрепляют и облагораживают наши сердца и сегодня, настраивая их на духовный путь.

Лето, 2012

ОТДЫХАТЬ ЛУЧШЕ ДОМА

Стоял ласковый июльский день. Из окон Воскресенского собора, самого большого храма Ярославской области, красующегося на высоком берегу, открывался завораживающий вид на Волгу.

Сюда, в старинный городок Романов-Борисоглебск, переименованный после революции в Тутаев, мы заехали неслучайно. Давно уже хотелось увидеть местную чудотворную икону Всемиловитого Спаса и поклониться этому грандиозному трехметровому образу, около которого по традиции молятся наши космонавты перед предстоящими полетами.

По преданию, этот образ был написан преподобным Дионисием Глушицким ещё в XV веке. Вначале икона располагалась в куполе деревянной церкви в честь князей страстотерпцев Бориса и Глеба, потому и была так велика в размерах. С возведением каменного храма икону Спасителя перенесли в летнюю Воскресенскую церковь. По указу Святителя Арсения (Мацеевича) в 1749 году образ был

вывезен в Ростов Великий, чтобы святыня не была причиной усиления раскола, так как в те времена в городе проживало много старообрядцев, чтивших древние иконы и указывавших на двуперстное изображение благословляющей десницы Спасителя.

Целых сорок четыре года пребывала икона в Архиерейском доме, и лишь в 1793 году борисоглебцам позволили вернуть ее в свой собор. Люди с великим благоговением несли на руках эту святыню. По пути процессия останавливалась у реки Ковать. И там, где была поставлена икона, забил родничок, который теперь почитается святым. С тех пор по наше время первый день октября (по новому стилю) всегда отмечается в соборе, как особый праздник возвращения Всемилоственного Спаса.

У дивного образа издавна происходят чудеса и исцеления. В благодарность народ собрал средства, на которые для иконы были созданы серебряно-золоченый венец и риза. Эти ценности были изъяты большевиками в 1920 году. Сегодняшний венец – копия. По древней традиции под образом Спаса принято проползать на коленях через специально устроенный лаз.

Эту икону очень хотелось увидеть воочию. Кроме того, влекла нас в Тутаев и прочитанная накануне книга о жизни архимандрита Павла (Груздева), могила которого находится на городском Леонтьевском кладбище. Нам хотелось там побывать, чтобы почтить его память.

Перед своей поездкой в Тутаев мы совершенно не были знакомы с особенностью его расположения. Уже по приезде узнали, что его более «современная», административная Борисоглебская часть находится на правом берегу Волги, а Романовская, хранящая провинциальное спокойствие, смиренно поживает на левобережье. В чем особенность? Оказалось, что между этими городскими частями отсутствует мост!

В навигационное время горожан выручает паромная переправа и услуги «водных такси» – моторок. Зимой автомобилисты и пеший люд кочуют туда-сюда прямо по льду. Что касается межсезонья, то в это время – беда. Надо вам по делам в другую часть городка? – Пожалуйте вначале на автобусе в Рыбинск или в Ярославль, а оттуда уже другим рейсом отправляйтесь на противоположный берег Тутаева. Решили свои вопросы? Тогда вновь будьте готовы около двух часов потратить на обратный путь! Получается в точности, как говорит наш приятель, «изподвыподверта».

Хотя, возможно, такое обстоятельство и позволило развиваться каждой тутаевской части по-своему, формироваться индивидуально.

Не ведая о такой «топографической изюминке» городка, вначале мы оказались на его правобережье. Именно там, где располагается Воскресенский собор! – Ещё один живой пример, что всё происходящее с нами в жизни – промыслительно. Надо лишь довериться Богу и не мешать Ему. Перво-наперво, нам нужно было поклониться образу Господа. Так и получилось.

Войдя в собор, восхитились его красотой. Особо поразила стенопись, выполненная ярославскими изографами. Перед нами ожили воплощенные в живопись Евангельские, литургические сюжеты, композиция «Страшный суд», образы русских князей и воинов-мучеников...

Людей в храме было мало. Мы подошли к чудотворному Образу Христа. Появилось ощущение, что на тебя смотрит небо. Следом за другими молящимися у этой иконы мы тоже трижды пролезли под ней на коленях. Такой вот местный благочестивый обычай...

Выйдя из летнего храма в примыкающую к нему галерею, мы обратили внимание, что и здесь стены украшала уникальная роспись. Теперь она посвящалась в основном Ветхозаветным событиям, хотя были также и фрагменты, изображающие Крещение Руси, явление Тихвинской

Богородичной иконы... Налюбовавшись стенописью, мы подошли к открытому окну, из которого открывался вид на Волгу. Сидевший рядом священник вздохнул:

– Красота...

Мы попросили его благословения и разговорились. Батюшка рассказал о самом Воскресенском соборе, о других храмах Романова-Борисоглебска, а услышав довольно редкое имя моего мужа, поведал о его соименнике – новомученике и исповеднике епископе Романовском Вениамине (Воскресенском). От нашего нового знакомого мы также узнали историю Тутаева.

Оказывается, до 1822 года здесь, на берегах Волги были два разных поселения. На левом – Романов, основанный в XIII веке князем Романом Угличским, на правом – Борисоглебск, известный с XV-го века и нареченный в честь князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Указ Императора Александра I объединил эти поселения в один город Романов-Борисоглебск. Громыкнула революция, и подобно многим населенным пунктам бывшей имперской России славный старинный городок был переименован в Тутаев, в честь особо отличившегося большевика.

Что касается могилки архимандрита Павла (Груздева), то батюшка рассказал, что найдем мы её на противоположном левом берегу.

– Вы на своей машине приехали? Ну, так она вам на Романовской стороне не понадобится. Везде пешком дойдете. Оставляйте ваш автотранспорт тут, а сами спускайтесь к Волге. Парома ждать не обязательно, можно на моторке добраться. Обойдется поездка по цене билета на паром, зато гораздо быстрее и интереснее с ветерком прокатитесь!

Мы были рады случайному собеседнику, от которого исходило светлое спокойствие. Рядом с ним приятно было наконец-то «понеспешить». Какое-то время мы вместе смотрели на вид, открывающийся за окном, и молчали.

– Красота! – повторил батюшка. – Знаете, мои дорогие, вот я всё голову ломаю, зачем наши люди копят-копят деньги целый год, работают как очумелые. А после летят куда-нить за моря, то туркам, то ещё кому свои сбережения дарить. Глупые люди... Ан, нет бы, приезжали сюда – на Волгу! Да с палаткой! Милое ж дело! В России так хорошо! Отдыхать лучше дома... – священник вздохнул, но тут же отогнал с лица набежавшую грусть и ласково распрощался с нами, благословив на дорогу.

Мы спускались к Волге. Я шла и думала: «Конечно, с батюшкой нельзя не согласиться. Здесь – солнце, раздолье, родной язык. Возможно, где-то за кордоном – сервис, комфорт и, как говорят, прочие «фишки». Вот и стремимся туда мир посмотреть да что-то из себя показать. А какие «самопрезентации» порой устраивают за границей наши сограждане – ни для кого не секрет. Что же касается путешествий по России, да ещё с палаткой, то здесь и повыпендриваться не перед кем, разве что можно лишь похвастать перед комарами Раптором или продемонстрировать им Mosquitall... Вспомнились почему-то ненадёжные платья мамы дяди Федора из мультфильма про Простоквашино.

Наше знакомство с городком Романовым-Борисоглебском, закодированным фамилией красноармейца, участвовавшего в жестоком подавлении ярославского восстания, продолжалось. Когда мы подошли к пристани, паром, как говорится, «помахал нам ручкой». До следующего рейса был час, и мы волей-неволей стали искать иной способ переправки через Волгу. Вспомнили совет батюшки.

Неподалеку увидели небольшую группу таких же желающих оказаться на Романовской стороне. Катерки-моторки вмещали всего по пять человек, но они споро справлялись с задачей транспортировки. Минут через десять мы уже неслись по волнам к новым встречам и открытиям, которые не заставили себя долго ждать.

От причала на высокий Романовский берег нас подняла Первая Овражная улица. Мы решили прибегнуть к помощи местного населения, чтобы узнать, как попасть на Леонтьевское кладбище.

И то ли «рыбак рыбака видит издалека», то ли благословение батюшки сработало, но мы сразу столкнулись с молодой женщиной в длинной юбке, которая катила рядом с собой огромный велосипед, словно вела за уздечку коня.

Окликнули её, разговорились. Узнав о цели нашего пребывания на этой стороне городка, она обрадовалась, словно встретила добрых друзей. При знакомстве выяснилось, что женщину зовут Зоей, и что трудится она при Покровском храме.

– Непременно зайдите к нам на службу! Покажу нашу чудотворную икону Богородицы «Прибавление ума». У нас и батюшка очень хороший. До всенощной ещё долго, так что вы как раз успеете и у отца Павла побывать, и на службу попасть.

Благодаря Зое мы узнали, где расположен Леонтьевский храм, в котором молился, читал и пел на клиросе Павел (Груздев), когда жил здесь с родителями. Также она обратила наше внимание на необычность Крестовоздвиженской церкви, расположенной относительно своей звонницы несколько ниже по берегу. Благодаря такому архитектурному решению создаётся впечатление, что храм как бы «ступает» по направлению к Волге.

Проводив нас до Леонтьевского кладбища, Зоя объяснила, что заблудиться не получится, так как «народная тропа» сама доведёт до могилки отца Павла.

– Жаль, что вы к воскресенью не подгадали. Здесь в этот день всегда панихиды служатся... Ну, главное, приехали. Помолитесь у батюшки.

Мы поблагодарили посланную нам Богом помощницу и двинулись дальше. Всё случилось, как подсказала Зоя. Ясно различимая дорожка – труд ног усердных паломников – привела нас к могиле того, чья судьба потрясла нас благодаря

прочитанной книге. Мы были одни. С мраморного надгробья внимательно вглядывался в нас мудрый, добрый человек, которого не сломили жестокие лагерные испытания. Наоборот, личные невзгоды лишь взрастили в его сердце великое сострадание к ближнему.

Мне вспомнился эпизод из книги об архимандрите Павле, повествующий, как в начале 1960-х годов ярославский архиепископ хотел перевести батюшку из села Верхне-Никульского в тот самый величественный Воскресенский собор Тутаева, где мы недавно побывали. А в те времена для всего требовалось согласие уполномоченного по делам религии. На перевод отца Павла в собор был наложен строгий запрет. Уполномоченный в ответ архиерею кричал: «Ты что, там же – Спаситель чудотворный! А если туда ещё и твоего Груздева-чудотворца! Они же оба дров наломают!»

Порой я задумываюсь, почему же сегодня в школах не рассказывать о таких людях, как архимандрит Павел? Не они ли – «герои нашего времени»? Узнавая об их нелёгких судьбах, становится стыдно за свои собственные истерики по поводу жизненных неурядиц, за чёрствость, самолюбие. Что же тянет нас к Божиим угодникам, память которых мы приходим почтить на кладбищах? Может быть, дело в том, что в подобных местах в наших душах случается так необходимая им инвентаризация, выветривание наносной греховной дури?

Кто-то усмехнется, что глупая рефлексия не полезна в наше время, что нелепо себя «грузить». Вот и ходят многие незагруженные, гордые и свободные от собственной совести. Но счастливы ли они?

С Леонтьевского кладбища мы возвращались по милым взору Романовским улочкам, любуясь старыми, уютными домами. Даже хотели узнать, не сдаётся ли тут что-то на лето. Так понравилась нам эта сказочная часть Тутаева.

В древний Покровский храм вошли под распев стройной шатровой звонницы, украшенной муравлеными изразцами. Зоя приветливо встретила нас, познакомила с настоятелем отцом

Георгием. Потом подвела нас к иконе «Прибавление ума», являющейся двухсторонней (на обороте изображен образ Спасителя) и тихонько рассказала такую историю:

Однажды один благочестивый иконописец заболел душевным недугом. Когда сознание возвращалось к нему, он усиленно молился Пресвятой Богородице, чтобы Та исцелила его, вернув разум. По молитвам ему было видение, в котором Богородица заповедала больному написать Её образ в том виде, в котором Она ему явилась.

Иконописец послушался. Когда икона была готова, он поправился. Потому этот удивительный образ и назвали «Прибавление ума».

После службы мы оставили Зое записку с именами наших близких для молитвенного поминовения. Сами также забрали ответный списочек, записав родных Зои и имя батюшки-настоятеля. Молиться друг за друга – дело доброе. И теперь греет мысль, что в храме, где Пресвятая Богородица мудро взирает на прихожан со своего чудесного образа, о тебе тоже помнят и молятся. И пусть это – тайна тайная, но верится, что порой нужное решение приходит не случайно. – Кто-то вздохнул о тебе, поддержал перед дивной иконой. Вот ума-то внезапно и прибавилось!

Назад вновь возвращались на катерке. Вечернее солнце, ветер, треплющий волосы... Ощущение свободы и любви подарил моему сердцу город, который, я надеюсь, когда-нибудь будет вновь нарекаться Романовым-Борисоглебском. Там остались случайные, но ставшие дорогими наши новые знакомые: два священника, хрупкая Зоя, её сынишка Алешка и мама Людмила...

Верю, что отец Павел (Груздев) обрёл у Господа благодать и теперь тоже молится обо всех нас. Сердце чувствует ответное тепло. Обмануться оно не может. Такова она – духовная жизнь. Для неё всегда есть место даже в современном мире. Надо лишь открыть свою душу и услышать вечерний звон колоколов Покровской звонницы, пройти по

кладбищенской тропинке к могилке старца, благоговейно застыть в соборе перед величественным Образом Спасителя...

Устало ваше сердце? Тогда верный совет – отдыхать ему надо дома, в России!

После нашего путешествия в Романов-Борисоглебск я узнала, что небольшой список с чудотворного образа Всемилоственного Спаса, выполненный в иконописной мастерской Рыбинска, в 2015 году побывал в космосе. Его брал с собой на Международную космическую станцию космонавт Антон Шкаплеров, чья работа на МКС длилась 200 дней. При этом икона побывала даже в открытом космосе. Вернувшись из экспедиции, космонавт привез её в Воскресенский собор Романова-Борисоглебска, где она теперь и находится.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Всех интересует тема чудес. Так что же такое – чудо?

Пожалуй, это – событие, необъяснимое для земного ума. В такие моменты жизни мы становимся похожими на детей, перед которыми вдруг открылась дверь в заветную сказку. Душа наполняется особой радостью – светлой, окрыляющей... Ей довелось увидеть, почувствовать, узнать нечто такое, о чём она даже не помышляла!

Чудо – в ответе Бога на нашу молитвенную просьбу. Внимательный человек умеет подметить также то, что подчас происходящее с ним словно бы заплетается в кружево промыслительных событий чьей-то невидимой заботливой рукой... Матушка Варвара, игуменья Николаевского Клобукова монастыря в Кашине однажды во время нашей с ней беседы произнесла: «Для нас, православных, чудо – дело привычное». Действительно, верующие всегда уповают на небесную помощь и не пытаются объяснить происходящее

своим умом, тяготеющим к горизонтальной плоскости. Мы просто принимаем эти дары и благодарим за них Бога.

Для меня чудо присутствует в каждом мгновении жизни, в том, что пробудилась ото сна, могу видеть солнце, слышать родные голоса. Потому к каким-то особым чудесам сама не стремлюсь, хотя в жизни постоянно происходит нечто удивительное.

Наш знакомый журналист и фотохудожник из Воронежа Сергей Сергеевич Лаврентьев настоятельно советовал побывать в скальном Костомаровском монастыре, расположенном в Воронежской области. В восхищение приводили его фотографии этой обители, присылаемые на адрес моей электронной почты. Кроме того, было у нас давнее желание приложиться также к мощам Святителя Митрофана, первого воронежского епископа, чей чудесный образ-мощевик – семейная реликвия мужа.

Летом 2012 года мы наконец-то смогли включить в маршрут предстоящего отпуска посещение благословенной Воронежской земли.

По дороге просили Святителя Митрофана спутешествовать нам в хлебодарный южнорусский край, а также вспоминали его житие. Нас, петербуржцев, по понятным причинам особо интересовали взаимоотношения Божьего угодника с Государем Петром I, который после кончины Святителя собственноручно помогал нести гроб своего «святого старца», как сам того называл. На Воронежской кафедре Святитель Митрофан пробыл двадцать лет до самой своей кончины. Он преставился в 1703 году в глубокой старости и был погребен в Благовещенском соборе. В 1832 году епископа Митрофана за подвижническую жизнь и чудеса, происходившие у его гробницы, канонизировали.

Наконец, и мы с мужем оказались в славном граде Воронеже! Войдя в кафедральный Благовещенский собор, сразу направились к раке с мощами Святителя Митрофана для поклонения. В это же время к ней подошли три священника и

начали служить молебн. Такие совпадения в наших паломнических поездках бывают часто. Они словно подтверждают Евангельскую истину, что у Бога все живы. Мы стремились к святому угоднику, молились ему, беседовали о нём. И словно в ответ он уже сам гостеприимно встречает нас в своём соборе.

Сегодня с теплом вспоминаю тот молебен у раки Святителя. Предстоящих сразу обняла и породнила духовная радость. Правда, мы – священнослужители и пёстрая кучка мирян – никак не могли поначалу состроить ладное пение. То ли у всех стала прогрессировать «медвежья болезнь», то ли ещё что, но наше громкое «Господи, помилуй!» звучало весьма нестройно. Но все мы пели от души!

Во время молебна старший по виду седовласый священник неожиданно признал в одном из мирян своего знакомого. «Вы же из Сибири!» – радостно обратился он к нему, но поняв, что ошибся, продолжал изливать на всех своё дружелюбие. Он посматривал на наш нестройный хор не с укоризной, что вполне было бы оправдано, а любяще, по-отцовски. И под этим ободряющим взглядом мы ещё больше «старались». Потом все приложились к мощам, нас помазали маслицем, и на душе совершенно прояснилось!

После молебна мы узнали о ещё одном святом – священномученике Петре (Звереве), архиепископе Воронежском, чьи мощи также пребывают в Благовещенском соборе. Владыка окончил свой земной путь на Анзерской Голгофе на Соловках. Кроме того, я смогла приложиться к ковчегу с частицей мощей моей соименницы – святой мученицы Наталии Никомидийской.

В церковной лавке собора мы уточнили как добраться до Костомаровской обители. После встречи со Святителем Митрофаном настала пора осуществить и давнюю идею, подсказанную воронежским другом Сергеем Сергеевичем.

Погода благоприятствовала. За окнами автомобиля расстилались золотые шали подсолнуховых полей.

В Петербурге во время подготовки к отпуску Интернет меня «напугал» плохими дорогами в Воронежской области. Но мы или не заметили их, или они оказались подлатанными к нашему приезду. Из трудностей случались лишь небольшие недоумения вроде промашки, когда мы вместо объезда города Лиски, повернули напрямик к его центру. Все же неспроста даются названия населенным пунктам. Вот это и оправдало свою хитрую сущность. Закружил городок, запутал.

Почему-то «лисья тема» продолжала нас преследовать. По дороге в село Костомарово мы увидели на обочине дороги сбитую лису. Я пошутила, что хвост великолепен, а муж, насторожившись, запротестовал, что такие трофеи нам не нужны. Для его спокойствия я согласилась, хотя в душе нечто «этакое» взгрустнуло. Может, кто-то из предков охотником был?

Но оставлю дорожные байки и возобновлю повествование о Костомарове. Дивиться «диву дивному» мы начали уже издалека при подъезде к обители – меловые горы, вид монастыря. Остановились, вышли из машины и... Бывает, что ты влюбляешься в какое-то место раз и навсегда, сразу принимая и чувствуя его душой. Так случилось и при нашем первом знакомстве со Спасским женским монастырём Россошанской и Острогужской епархии Воронежской митрополии.

Аромат воздуха словесно передать невозможно. Нотки чабреца и душицы, особо выделяющиеся в симфонии разнотравья, кружили голову.

Мы сразу направились на всеобщую в храм, построенный в конце XX века и именованный во имя иконы Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших». Наш приезд выпал на 16 июля, преддверие дня поминовения царственных страстотерпцев. Служба шла размеренно, благоговейно. Монахини читали по очереди. Я стояла подле прострелянной богоборцами Валаамской иконы Божией Матери и смотрела на неё...

Перед поездкой в Костомарово мне хотелось непременно побывать в дивных скальных храмах этой обители, в её пещере Покаяния, где, по словам мамы, согласно народному преданию, отмаливаются грехи целого рода. Но на службе все эти мысли отступили на второй план.

Внезапно в храм с шумом ворвался молодой человек неадекватного вида. Мой муж напрягся. Я видела, что он готов был помочь, если придётся утихомиривать паренька. Но тот оказался не пьяным хулиганом, а несчастным, рыдающим человеком. Он сразу опустился на пол возле стены и беспомощно уронил голову на скрещенные на коленях руки. Было видно, что его мучает горе. Через минуту в храм вошли ещё два парня, на лицах которых читалась отчаянная тревога за друга. К рыдающему бедняге тут же бесшумно подошла одна из монахинь и тихо заговорила с ним. При этом служба не прерывалась, а спокойно шла дальше.

Участливая монахиня, оставив страдальца, о чем-то переговорила с его спутниками. Вскоре они все вместе с ней покинули храм. Мне почему-то подумалось, что у паренька кто-то умер, и друзья привезли его сюда залечивать рану. Или ещё что-то подобное, горькое приключилось. Но главным в тот момент было, что молодой человек в таком душевном раздразе не в кабаке кинулся горе водкой заливать, а приехал в обитель за Божией помощью.

Священник совершал елеопомазание. Я тихонько молилась царским страсотерпцам, цесаревичу Алексею... Вдруг ко мне подошла одна из монахинь и поинтересовалась, были ли мы с мужем в пещерных храмах? Узнав, что мы только-только перед всенощной приехали, а путь держим аж из Петербурга, она тут же ласково предложила нам посетить эти храмы в сопровождении одной из послушниц.

Душа моя возликовала! Вот как Бог Сам всё устроил, зная о моём желании! Древние храмы и Пещера Покаяния навсегда оставили таинственный след в сердце. И сегодня мне снова

хочется туда, в гостеприимную обитель, но «на подольше» и «на внимательнее».

Я начала рассказ с размышлений о чудесах. Вся наша поездка в Воронежский край была наполнена ими до краев. Но ещё одно невероятное событие, связанное с Костомарово, ожидало меня уже после возвращения в Санкт-Петербург.

Я отправила по электронной почте письмо Сергею Лаврентьеву с рассказом о нашем путешествии, благодаря за то, что именно он надоумил нас побывать в Костомарово. Упомянула и о том дружеском молебне в Воронеже у мощей Святителя Митрофана, о радушии местных батюшек. В ответном послании он писал:

– Наташа, а ты случайно не заходила в церковную лавку Благовещенского собора? Там должен был быть журнал, называющийся «Главная тема». Выпуск июльский, как раз про Костомарово. Не видела?

Получив от меня отрицательный ответ, Сергей Сергеевич заинтриговал новым сообщением:

– Тогда я тебе его бандеролькой на домашний адрес пришлю. Обрати внимание на фотографию пещеры Покаяния!

И вот через несколько дней я уже держала в руках июльский номер глянцевого журнала «Главная тема». Посвящен он оказался Святой Матроне Московской, которую мы также очень почитаем в семье, и Спасской обители в Костомарово. Замечательные фотографии, украшающие его страницы, сделаны нашим воронежским другом. На изображении пещеры Покаяния внезапно увидела строки собственного стихотворения о монастырях...

... Стекаемся к стопам монастырей. –

Сыскать стремимся Отчую обитель,

Где примет сыновей и дочерей

С любовью Всепрощающий Спаситель...

Глазам не верила! – Июльский номер журнала, и мы посетили Костомарово в июле... В этой обители особенно хотелось побывать в Пещере Покаяния. И на изображении того

самого благословенного места, где мысли сосредотачиваются на главном, голова склоняется перед Господом, а сердце орошается слезами раскаяния, именно на фотографии Пещеры Покаяния чудесным образом были напечатаны строки, давно рождённые в моей душе...

ТИХВИНСКАЯ

В жизни порою происходят исключительные встречи, не только с людьми, но и со святыми иконами. Встречи, оставляющие особые впечатления...

Для меня подобным оказалось знакомство с Владимирской Богородичной иконой, с Федоровской... Ощутила я себя однажды и частичкой ликующей России, приветствовавшей возвратившийся к нам из Америки Тихвинский образ Пресвятой Богородицы. Но встречи эти происходили не вдруг, а ожидаемо. Пусть путь к ним порою и был долог, но в вышеперечисленных случаях у меня всегда была определённая, понятная цель.

Поведать же хочу о нечаянной для меня радости, произошедшей в нашей Ленинградской области.

Мы с мужем – заядлые грибники. На эту «тихую охоту» любим выбираться в места, довольно отдаленные от Петербурга, встречающие гостей щедрыми природными дарами и позволяющие побыть в объятиях лесной сказки. В то памятное лето отправились мы в Лодейнопольский район. Поездка оказалась удачной. Только-только пошёл слой белых грибов, да и прочей «добычи» – лисичек, маслят, подосиновиков – оказалось в наших корзинах предостаточно. Пора было возвращаться, ибо путь до Петербурга не близок – более двухсот километров.

Вдруг на обратной дороге мы увидели указатель, прежде не замечаемый. Он подсказывал что неподалеку расположен Никольский скит Введено-Оятского монастыря.

В этой обители, где почивают святые мощи преподобных Сергия и Варвары – родителей молитвенника и чудотворца Александра Свирского – мы уже бывали неоднократно. Славится монастырь, кстати, и своим целебным святым источником. А вот про скит на ту пору нам слышать не приходилось. Оказавшись поблизости, решили его посетить.

Углубившись с трассы в лес, выехали вскоре по крепкой грунтовке к ограде скита, за которой красовался деревянный храм. Ворота были приоткрыты. Мы вошли и осмотрелись. Рядом с храмом сразу обратил на себя внимание небольшой домик со стенами, обложенными камнем. Это строение по стилю напомнило Эстонию, где прошли мои детство и юность...

На дверях храма висел замок, но покидать скит мы не торопились. Что-то подсказывало, что сюда приехали не зря. Надежды оправдались. Вскоре из чудесного домика вышла приятная женщина, должно быть, приметившая нас в окно. Она доброжелательно поздоровалась и спросила, какими мы тут судьбами оказались. Надо заметить, что одеты-то мы были соответственно главной цели своей поездки, эдакие лесники, довольно-таки вымотанные по лесам-косогорам за часы грибной охоты. Правда, косынка на моей голове присутствовала, потому «дресс-код» частично был соблюден. Мы рассказали, что в нашем появлении виновен случай, вернее указатель, встреченный на трассе. Также поделились, что любим паломничать и во Введено-Оятском монастыре бываем, как только выпадает возможность. Вот поэтому со скитом обители тоже захотелось познакомиться. Ведь случайности-то они – не случайны. Наша собеседница с улыбкой сказала, что сейчас откроет храм.

Так мы были вознаграждены за свою дорожную инициативу... Смотрительница-управляющая скитом, проведя нас в Никольский храм, кратко рассказала его историю. Построен он недавно на месте стоявшей здесь ранее соименной церкви, бывшей приходской и кладбищенской для

деревни Яровщина и других окрестных поселений левобережья реки Оять. Старая церковь была возведена в 1905 году на участке, подаренном крестьянскому обществу дочерью штабс-капитана Елизаветой Даниловой. Исторически земли эти относились к древнему Имоченскому погосту, знаменитому с XIV века явлением Тихвинской иконы Божией Матери (той самой, вернувшейся в Россию из Америки и находящейся ныне в Тихвинском Богородичном Успенском мужском монастыре).

В советское время богоборцы разместили в церкви клуб, а в доме священника устроили больницу. К 80-м годам XX века оба здания обветшали и были окончательно разобраны местными жителями для своих хозяйственных нужд.

И вот в начале нашего XXI века на бывшем церковном фундаменте началось строительство нового Никольского храма, повторяющего формы своего исторического предшественника. Вскоре в 2007 году по благословению тогдашнего митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира (Котлярова) здесь образовался скит Введено-Оятского женского монастыря. Особо чтимые иконы – образ Святителя Николая и Тихвинская Богородичная. Управляющая скитом монахиня предложила нам поклониться этим святыням, помолиться перед ними Господу, раз Святитель Николай сюда привел.

В тот момент и произошла моя встреча с той самой иконой... С Тихвинской...

Сентиментальна я в меру, и вовсе не сантиментами назову то необычное, пережитое мною тогда, ощущение. Бывает, что встреча с некоторыми святынями вдруг неведомой, неподвластной рациональному объяснению силой влечёт твою душу особенно. Не сентиментальность это, не чувствительность, а благоговение от ощущения света, чистоты, любви и ласкового принятия...

Богородица со скитской Тихвинской иконы смотрела на меня с нежностью и потаённой печалью во взоре. Под этим

взглядом, при этих, не высказанных вслух, но донесённых до моего сердца одним лишь выражением Её лица словах, ответно из моих глаз полились слезы. Остановить их не могла, да и не хотела. Каких-то особых грустей-неприятностей в тот момент жизни у меня не было, а тут стою и прямо-таки рыдаю... А сама оторвать взгляд от иконы не в силах.

Потом я поинтересовалась у монахини, нет ли в скиту репродукций этой иконы, каких-то списочков, фотографий и получив отрицательный ответ попросила позволения сделать снимок. Из-за света, отражаемого стеклом киота, на фотографии остались блики. Но это было не важно. Главное – у меня оказался кадр с изображением неожиданно ставшего близким образа Богородицы...

Матушка рассказала нам историю этой иконы. Схожа она со многими подобными о спасении святынь верующими в советский период... Уезжала я из Никольского скита с трепетным чувством. Не шумно-восторженным, а тихим, мирным... Позже на подворье Введено-Оятского монастыря в петербургском храме Анны Кашинской мы встретили настоятельницу обители, матушку Иоанну и рассказали ей о впечатлении от чудесной скитской Богородичной иконы, посетовав, что нет с неё никаких репродукций, списочков, фото...

Спустя время моя мамочка, побывав в паломничестве по монастырям Лудейнопольского района, неожиданно привезла нам с мужем подарок – бумажную иконку из Никольского скита. Тот самый Тихвинский Богородичный образ...

СОКРОВЕННЫЕ СЕРДЦУ МЕСТА. ВЫРИЦА

У каждого имеются заветные места, становящиеся почему-то дорогими сердцу не в силу проживания в них, а из-за ощущения духовного родства...

Помните детскую игру, когда, набрав во дворе цветочных бутонов, бусинок, золотинок от шоколадок, мы зарывали их в землю, предварительно прикрыв каким-нибудь кусочком стекла?

Воображая себя сказочными пиратами или искателями приключений, мы потом наведывались к тайнику, чтобы раскопать «клад» и полюбоваться «драгоценностями». До сих пор живо в памяти ощущение, когда при таких раскопках пальцы вдруг упираются в гладкую стеклянную поверхность, и ты радуешься сохранности своего «сокровища», любишься им, поблескивающим под солнцем...

Счастливики, кого не миновала сия забава!

Во взрослой жизни появляются иные заветные «секретики». К ним можно отнести также города-поселки-деревеньки, где мы переживали нечто столь особенное, что потом непременно стремились вернуться в край, где жизнь озарялась незабвенным светом нечаянной радости. Поделюсь и я одним из моих «секретов»:

Название посёлка – словно трель

Порхающей на лёгких крыльях птицы.

Выводит имя «Вы-ри-ца!» капель

На ксилофоне в мартовской светлице...

Эта история о чудесном месте, где я впервые очутилась в июне 1989 года, будучи на ту пору ленинградской студенткой. Приятельница предложила нам с подругой побывать у неё в гостях в пионерлагере, расположенном в посёлке Вырица Ленинградской области, где она работала вожатой. Съездили на выходных и замечательно провели время в компании ребят из педагогического отряда. Спеша в понедельник на первую электричку, дабы пораньше вернуться в город, мы неожиданно очутились в царстве утренней сказки! Эта картина и сегодня свежа в памяти.

Всё вокруг было окутано туманом, сверкающим розовыми искрами в лучах рассветной зари. К небу устремлялось ликующее пение птиц... В то утро всякое дыхание

действительно славилу Господа! Такой Вырица для меня и осталась – рассветной, нежной, радостной.

Сегодня я часто бываю здесь, чтобы посетить деревянную Казанскую церковь и расположенную близ неё часовню Преподобного Серафима. Но путь сюда, промыслительно начатый ещё в 1989 году, оказался для меня не совсем обычным.

В перестройку из-за политических тревожений наша семья переехала из Таллина в Петербург. В один из дней лета 1996 года православные знакомые моей мамы пригласили её в паломническую поездку, дабы посетить уникальный деревянный храм в поселке с распевным названием Вырица. Мне сразу вспомнилось это славное место. Мама вернулась с добрыми впечатлениями. Слушая её рассказ, я подумала, что хорошо бы снова побывать там, где остался «секретик» моей студенческой юности – благодатный утренний рассвет.

Жизнь привела меня туда удивительным образом. Однажды в мае 1999 года знакомая принесла мне книгу «Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа», которую ей тоже кто-то дал всего на недельку. Условились, что постараюсь прочесть поскорей. Открыв страницы, я и без данного обещания не могла от них оторваться. Забегая вперед, отмечу, что эта книга петербургского писателя-агиографа Валерия Павловича Филимонова, с которым мы много лет спустя познакомимся и подружимся, была впоследствии переиздана 14 раз. Прочитав её на одном дыхании, я вдруг осознала неслучайность силы впечатления, полученного в первый приезд в Вырицу. Видимо, душа почувствовала святость места, наполненного молитвой старца Серафима (в ту пору ещё не канонизированного).

Далее начались настоящие чудеса. На следующий день после прочтения книги, будучи на работе, я всё думала, как бы поскорее оказаться в Вырице и побывать на могилке отца Серафима. Неожиданно в мой кабинет заглянул коллега и предложил по причине своего грядущего дня рождения вместе

с другими нашими приятелями провести выходные на его даче... Дача находилась в Вырице!

Я несказанно удивилась. Всё складывалось так, словно кто-то начал оказывать чудесную помощь в осуществлении моих намерений. Через день на подоспевших выходных я очутилась в Вырице. В посёлок мы с друзьями приехали рано. По дороге я рассказала спутникам о книге, о старце Серафиме, о своём желании побывать в Вырице и столь молниеносном его осуществлении. Всех это весьма заинтересовало, потому сразу по приезде под предводительством нашего именинника мы и отправились в Казанский храм.

Идти по солнечной дорожке, охраняемой сосновым бором, было в радость. Казанская церковь мне очень понравилась. Зашли, поставили свечи. Спросили о могилке отца Серафима у свечницы, которая доброжелательно объяснила, что расположена та всего в нескольких шагах от храма, а рядом мы найдем также и могилку супруги старца – схимонахини Серафимы (в миру – Ольги Ивановны Муравьевой).

Так произошла моя новая встреча с отцом Серафимом после уже состоявшейся, благодаря книге Валерия Павловича. Подле места упокоения четы Муравьевых сердце приобняла и по-матерински приласкала тихая радость. Сегодня с улыбкой вспоминаю, как мы написали какие-то важные для нас на тот момент желания-прошения на листочках бумаги, которые многократно свернули и спрятали в песочек на могилке батюшки. И была я совершенно уверена, что он, и не будучи ещё канонизированным, непременно поможет нам в этих бесхитростных чаяниях. Ведь привёл же отец Серафим меня к себе в Вырицу, значит, взял под крыло. Так наивно, но очень твёрдо думалось и верилось тогда...

С того времени мои вырицкие поездки продолжились. Коллеге, пригласившему меня на день рождения, нравилось собирать на даче добрые дружеские компании, в число которых теперь частенько входила и я. Приезжая в Вырицу, в первую очередь, спешила к отцу Серафиму. Молилась,

беседовала с ним, как с родным человеком... Иногда брала песочек с могилки и привозила знакомым. Одна из приятельниц, в ту пору тяжело хворавшая, отмечала, что ей становилось легче после того, как приложит эту «вырицкую святыньку» к больному месту.

Скоро произошло радостное событие. В 2000 году на юбилейном архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в Москве среди канонизированных соотечественников был прославлен в лике преподобных и Серафим Вырицкий, в миру – Василий Николаевич Муравьев, в иночестве – Варнава, в схиме – Серафим. В Вырице над их с супругой могилками устроили деревянную часовню. Память святого отмечается 3 апреля. Наверняка имя преподобного Серафима Вырицкого в наше время известно многим, но, ежели это не так, то узнать о дивном русском старце, чье служение ещё при жизни изобиловало дарами прозорливости, целительства и другими чудотворениями, стоит непременно.

Для меня, выросшей в Таллине, ценным оказалось известие, что отец Серафим поддерживал любимое детище святого праведного Иоанна Кронштадтского — Пюхтицкий Успенский женский монастырь. Насельницы этой обители, расположенной на эстонской земле, очень почитали Вырицкого старца. Кстати, некоторые из них приняли монашество именно по его благословению. Батюшку приглашали в Пюхтицы на жительство и даже приготовили для него славный домик.

Узнать про это для меня было даже утешительно, так как вынужденный «перестроечный» переезд из родного Таллина долго угнетал, и любые весточки-ниточки, связывающие с Эстонией, ободряли сердце. Потому и встречу с отцом Серафимом я тоже дерзаю в какой-то мере рассматривать как помощь Божию от уныния. Словно старец, который поддерживал обитель на эстонской земле, сам отыскал меня, бывшую жительницу Эстонии и одарил утешениями в сложные для нашей семьи времена. Свидетельствую, что

проблемы, с которыми я приезжала к нему в Вырицу, вскоре находили наилучшее разрешение.

Спустя время, в 2002 году я встретила с моим нынешним духовным отцом. Его жизнь и служение также связаны с Вырицей и Преподобным Серафимом. Дело в том, что на священство и монашество его благословил крестный и впоследствии духовник – протоиерей Иоанн Миронов, который, в свою очередь, был духовным чадом Преподобного Серафима. Такие вот связующие нити...

И осмеливаюсь думать, что встретиться с моим духовным отцом тоже помог добрый батюшка Серафим, из мира горнего провидя чаяния моей души.

Сегодня «вырицкая мелодия» непременно звучит в жизни нашей семьи. Наши знакомые – организаторы Фонда православной детской миссии имени преподобного Серафима Вырицкого – однажды рассказали о проводимом ими расследовании фашистского преступления, совершенного в годы Великой Отечественной войны, а именно – об организованном немцами под Вырицей детском концлагере, значившемся по документам как «детский дом». Со мною произошёл случай, послуживший причиной рождения стихотворения «Вырицкий реквием», обличающего то злодеяние.

Как-то зимой, во время очередного приезда в Вырицу, после встречи с нашим духовным отцом, решили мы с супругом побывать на месте, где предположительно находился детский концлагерь. Путь к нему пролегал по вполне сносным дорогам, но машина внезапно застряла в снегу. Завязла так, что пришлось на ночь глядя вызывать эвакуатор, с трудом по телефону разъясняя диспетчеру место нашего нахождения. В ожидании техпомощи бродила я по тёмной заснеженной дороге, окруженной соснами, и душа внезапно услышала их плач. Стонущий плач деревьев, разносимый тревожным ветром.

Ответно и родилось стихотворение, которое зазвучит в память о детях-узниках, клеймя ещё одно нацистское преступление. И думается, если бы наша машина не завязла в снегу и не услышала бы я эти скорбные вздохи соснового бора, то не откликнулось бы сердце, не появилось бы стихотворение, оканчивающиеся строками:

...Живем сейчас под небом тишины.

Но вдруг сосновый лес вздохнёт тревожно. —

Тот вздох без скорби слышать невозможно:

«Мы родом не из детства — из войны»...

На вырицкой окраине теперь

Есть каменная стела — знак трагичный.

Чужая боль от горя и потерь

Здесь стала навсегда моею личной...

На месте детского концлагеря планируется создать мемориальные часовню и музей, а также основать неподалеку мужской монастырь. Ведь сам преподобный Серафим предсказывал появление в Вырице двух обителей. А Свято-Успенский Серафимо-Вырицкий женский монастырь уже строится...

В настоящее время наш духовный отец покинул Вырицу и теперь несёт труды ректора Московской духовной Академии. Но, безусловно, Владыка Кирилл (Зинковский) и сегодня молитвенно и деятельно соучаствует во всём и Детской православной Миссии, и рождающемуся вырицкому монастырю, и сердце его полнится любовью к Вырице. Так промыслительно действует Воля Божия...

Все наши встречи даримы Господом. Вот и мне посчастливилось познакомиться с автором той самой книги о преподобном Серафиме Вырицком, с писателем-агиографом Валерием Павловичем Филимоновым. Мы встретились 27 октября в 2018 году на научной конференции «Жизнь как подвиг. Священномученик Философ Орнатский и его эпоха», организованной Константино-Еленинским монастырём.

Иногда задумываюсь, почему люди так странно устроены? Почему порой мы испытываем неловкость подойти пусть к незнакомому, но принесшему нам добро человеку, дабы его поблагодарить? Ведь перефразируя слова Мигеля де Сервантеса о вежливости, справедливо было бы отметить: «Ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как благодарность».

Вот и я также поначалу мялась и стеснялась, но в перерыве конференции всё же подошла к Валерию Павловичу и искренне поведала, какое судьбоносное влияние оказала на меня его книга. Мы разговорились...

Сегодня его земной путь уже окончен. И я дорожу, что успела сказать писателю добрые слова, успела поблагодарить... Потом до самой кончины Валерия Павловича (30.11. 2020) мы вели дружескую Интернет-переписку.

Осень 2022 года... Мы с супругом снова в Вырице, в заветном для сердца месте, где по-прежнему, словно в Берендеевом царстве, встречают гостей сказочные сосны, и течет, напевая что-то своё, речка Оредеж.

Подле Казанского храма в часовенке преподобного Серафима мерцает лампадка. Припадаю к раке святого, благодарю за небесные молитвы. И точно так же, как в том далёком мае 1999 года, совершенно уверена, что батюшка Серафим, предстоя пред Престолом Горним, непременно поможет в наших нехитрых земных чаяниях...

ДАРЫ ЯРОСЛАВЛЯ

Мне давно хотелось побывать в Ярославле, в городе, о котором с детства много слышала от мамы, учившейся там в медицинском институте. Её рассказы были наполнены светом воспоминаний о счастливой студенческой молодости, и «мамин Ярославль» я полюбила заведомо.

Оказаться там в советские годы не получилось. Возможность выдалась уже в довольно зрелом возрасте, когда мы с мужем решили посвятить очередной отпуск знакомству с волжскими городами, их храмами и обителями.

У каждого верующего человека есть особо близкие ему святые. Один из таких для меня – Святитель Игнатий (Брянчанинов). В 1993 году в Петербурге началось возрождение Свято-Троицкой Сергиевой Приморской мужской пустыни, настоятелем которой в своё время и был этот известный богослов и духовный писатель XIX века.

Однажды в сентябрьский день мои мама и дочь поехали в Пустынь, чтобы помочь в уборке урожая яблок. Дочка тогда ещё маленькой была. По возвращению из монастыря она с восторгом рассказывала, как один монах доказал ей, что пчёлки совсем не злые. Он их даже гладил, а потом играл для Юли на фортепиано... Мои родные привезли в тот день из обители много ароматных медовых плодов.

Также мне дороги были рассказы мамы о Святителе Игнатии, о его творениях, с которыми я и сама постепенно стала знакомиться. Мудрость и поэтичность писательского слова Святителя сразу привлекли. Конечно же, мне очень хотелось побывать и помолиться у раки со святыми мощами этого дивного подвижника, отвергшего сулёную ему блестящую светскую карьеру ради тернистого монашеского пути. Свои земные дни епископ Игнатий окончил в Николо-Бабаевском монастыре, который в ту пору принадлежал Костромской епархии. (С 1998 года эта обитель, разорённая после октябрьской революции, была передана Ярославской епархии).

Тело Святителя погребли в больничной монастырской церкви святого Иоанна Златоуста и преподобного Сергия Радонежского, в склепе за левым клиросом. В наши дни его святые мощи перенесены в Свято-Введенский Толгский монастырь Ярославля, где мы и намеревались побывать.

Случаются такие поездки, когда с первого мгновения всё складывается «по пути да в лад»: и погода, и ваш настрой, и сопутствующие обстоятельства. Именно таким оказалось наше первое путешествие в Ярославль, выпавшее на последние дни Апостольского поста.

Разместившись в гостинице, мы сразу направились в Толгский монастырь, расположенный на левом берегу Волги при впадении в неё речки Толгболки или Толги, откуда и пошло такое название. Обитель, утопающая в зелени и цветах, поразила своей благоустроенностью и ухоженностью.

Утренняя служба окончилась, но, несмотря на будний день, паломников было много. Порадовало, что и в наше время посещение монастырей и храмов остаётся желанным для верующих. Оно подпитывает человека тем особым духовным воздухом, без которого недостаточна полнота жизни. Святые обители всегда представляются мне некими прообразами ступеней «лестницы духовной», увлекающей от мирского к горнему.

Толгу по праву считают одной из ярославских жемчужин. Основана она была в 1314 году на месте явления чудотворной иконы Божией Матери, так и именуемой Толгской. С историей самого монастыря, его храмов и святынь мы познакомились позже. А сначала просто ходили и дивились. Спросили у одной из монахинь о месте нахождения мощей Святителя Игнатия. Она и указала на Введенский собор. Направились к нему, и тут начали происходить события, смысл которых разгадан был только к концу дня.

В Введенский собор попасть не удалось. Путь преградила лаконичная и не приемлющая возражений надпись «Закрото на уборку».

Мы немного оторопели и решили, что, пережидая эту самую «уборку», стоит познакомиться поближе с другими храмами обители. Зашли в рядом стоящий Крестовоздвиженский. В западной его части имеется пристройка, которую называют «Одностолпная палата». Там

мы впервые увидели Толгскую Богородичную икону, как оказалось – главную святыню обители.

Чудеса от этого образа начались с первого дня его необыкновенного явления на Толге в далёком 1314 году. Называют эту икону также «незаменимой покровительницей Ярославля». Она для него столь же дорога, как Иверская – для Москвы, Боголюбская – для Владимира, а для Костромы – Феодоровская. И вот что оказалось необычным: в этом храме тоже шла уборка, но в него впускали, и к иконе мы смогли подойти совершенно безо всяких препятствий. На тот момент мы не знали об этом чудотворном Богородичном образе. Да и о самой Толгской обители у нас было мало представлений. Знакомились с нею непосредственно на месте. И получалось, словно сам Святитель Игнатий, не приняв нас сразу, этим самым надоумил о необходимости в первую очередь поклониться в Толге Богородице перед Её святым образом...

После встречи с главной монастырской святыней мы ходили по территории, побывали в дивном кедровнике, с которым связано интересное предание. Согласно ему Ермак Тимофеевич привез из Сибири в дар Иоанну Грозному две кедровые шишки, которые Государь вместе с деньгами на строительство каменного Введенского собора пожаловал Толгской обители в благодарность за чудесное исцеление от болезни ног, произошедшее с ним у Толгской иконы Божией Матери в 1553 году.

Благодаря этому необычному дару монахи посадили близ обители около сотни кедров, что также было приурочено к памяти о чудесном обретении Толгской Богородичной иконы после случившегося в монастыре пожара.

Для орошения деревьев были выкопаны специальные пруды. По аллеям кедровника подчас прогуливались цари, князья, именитые гости Толги.

В 1879 году кедровник сильно пострадал от смерча. В восстановленной после бури роще иноки устроили оранжереи, где выращивали цветы и даже виноград. К деревьям в те

времена относились как к своеобразной святыне, а кедровые шишки продавали у стен монастыря в качестве благословенных реликвий. В богоборческие времена их брали на память верующие, приезжавшие в Толгу, так как воспринимали рощу за островок святости в упрямой обители. В советские годы дренажная система монастыря пришла в негодность, и кедры начали гибнуть. Попытки восстановить пруды были безуспешны. В 1970-х годах в роще высадили сто пятьдесят саженцев кедра, из которых прижилось только двадцать четыре...

На момент возвращения монастыря Православной Церкви в кедровнике сохранилось 27 двухсотлетних деревьев. Благодаря посадке новых кедров, произошедшей уже с благословением и молитвами, теперь у святых стен растут 193 дерева.

Побывав в кедровнике, мы заглянули в трапезную, где монастырская пища, приготовленная с молитвой, оказалась отменно вкусной. За обедом разговорились с сотрапезниками, одним из которых был священник. На наши слова восхищения об обители он с улыбкой сказал: «Так тут всё благодаря матушке Варваре – игумении. Ей в самую пору эскадрилью командовать! Замечательная матушка». Также мы узнали, что Святитель Игнатий, к мощам которого мы пока не смогли попасть, на самом деле упокоился в другом монастыре, неподалеку от Ярославля. В Николо-Бабаевском. «Там – рай настоящий! Съездите, если есть возможность. Всего где-то километров пятьдесят отсюда».

За долгое время наших паломнических странствий мы уже подучились подмечать промыслительные подсказки. Очередная случилась как раз в Толге...

Путь к раке святителя преградили для нас вполне себе объективные обстоятельства, благодаря которым произошла встреча с главной Святыней обители – Толгской иконой Богородицы. В трапезной за одним столом оказался священник, посоветовавший побывать в месте упокоения

русского святого Богослова... Возможно, именно так нам и следовало поступить изначально – посетить место последнего земного пристанища Игнатия (Брянчанинова), а уже потом ехать в Толгу...

После трапезы мы, предугадывая результат, но со всё ещё вялой надеждой на всякий случай осведомились, не снята ли та категорическая табличка «Закррито на уборку»? Конечно же, как и предполагали, она по-прежнему воспрещала проход во Введенский собор. И мы даже не удивились этому обстоятельству... Значит, надо в Бабайки, как любовно называл эту обитель сам Святитель.

Из величественной Толги мы довольно скоро добрались до поселка Некрасовское (в старину – посад Большие Соли), около которого и расположен Николо-Бабаевский монастырь, который тогда только-только возрождался. Войдя на территорию, осмотрелись, чтобы найти кого-нибудь из насельников. Неожиданно нас окликнул проходивший мимо молодой мужчина в рабочей одежде. Узнав, что мы из Санкт-Петербурга, он обрадовался.

Чудеса продолжались. Первый встреченный нами в Бабайках человек оказался нашим земляком, приехавшим в обитель потрудиться на лето! Он поведал, что в Петербурге нёс послушание в хлебной лавке Александро-Невской лавры, куда мы частенько наведывались за вкуснейшим монастырским хлебом.

Наш новый знакомый тут же отыскал одного из монахов, который сообщил, что настоятель недавно уехал по делам, но он сам готов провести для нас экскурсию по монастырю.

На момент нашего приезда в обители была лишь небольшая одноглавая деревянная церковь с колоколенкой в честь Святителя Николая Чудотворца. Возвели её недавно на месте одноимённого, прежде находившегося здесь и разобранного богоборцами под корень, пятиглавого каменного храма, заложенного в 1817 году. Кстати, судя по старинным

фотографиям, этот храм архитектурно напоминал наш петербургский Спасо-Преображенский собор.

В августе 2006 года состоялось освящение престола нового деревянного храма, который после закрытия монастыря советской властью использовался для установки памятника Ленину.

Когда узнаешь о постреволюционном варварстве соотечественников по отношению к православным храмам и монастырям, сложно подобрать слова, чтоб выразить ощущения, сжимающие сердце... Конечно, можно винить во всех церковных бедах большевиков-богоборцев. Но кто же тогда взрывал соборы, кто растаскивал по домам кирпичи от порушенных храмов, кто устраивал футбольные поля и танцплощадки на местах церковных погостов?

Больно... В Николо-Бабаевском монастыре очень чувствовалась эта боль.

Тем временем подошли мы к единственному, сохранившемуся после закрытия монастыря храму в честь святителя Иоанна Златоуста и преподобного Сергия Радонежского. Именно в нём у левого клироса был погребен Святитель Игнатий (Брянчанинов), на ту пору – преосвященный епископ Кавказский и Черноморский. Его кончина произошла 30 апреля (по ст. стилю) в 1867 году, совпав с Неделей жен-мироносиц. Вошедший келейник не сразу понял, что владыка уже отошел ко Господу, а подумал, что тот размышляет о чём-то духовном, ибо в руках епископа был молитвослов. Так тихо, в мирном духе скончался величайший русский Богослов.

Нам показали старинные фотографии со Святителем и место, где было захоронено его тело ...

В Бабайках Владыка вёл уединённую молитвенную жизнь на исходе Богом отпущенных ему лет. Здесь он создал многие известные сочинения, продолжал переписку с духовными чадами и знакомыми, искавшими его мудрого совета. На сегодняшний день известно порядка восьмисот писем

святителя, где раскрывается его духовная рассудительность, благодность, глубокое понимание жизни... Его имя было известно во всех слоях общества. О епископе Игнатии с большим уважением отзывался Гоголь, а адмирал Нахимов с благоговением принял от него икону святителя Митрофана Воронежского...

У нас дома есть собрание сочинений Игнатия (Брянчанинова). Как-то мне сразу стали близки его слова, наполненные мудростью и высокой духовной поэтичностью. Кстати, с любовью писал святитель и о самих Бабайках. Только нет теперь той замечательной рощи вековых дубов и описываемых им роскошных пейзажей...

Нас с мужем заинтересовало необычное название обители, и наш гид растолковал, что оно получено от «бабаек» – больших вёсел, употреблявшихся вместо руля при сплаве леса вниз по Волге из рек Шексны и Мологи. Когда лесопромышленники вводили лес из Волги в Солоницу, эти самые бабайки становились ненужными и складывались на берегу при устье Солоницы близ нынешнего положения монастыря. В XIV веке там произошло чудесное явление иконы Николая Чудотворца, приплывшей согласно преданию на большом весле бабайке. Основателем обители считается ученик преподобного Сергия Радонежского – инок Иоанн...

Почтив место упокоения Святителя Игнатия, мы побывали потом и в деревянном Никольском храме и, простившись с гостеприимным монахом, отправились в сопровождении нашего земляка побродить по окрестностям.

– Я именно сюда, а не в какой-то другой большой монастырь специально приезжаю. Тут – тишина, особый дух благодатный. Душа наполняется силой. Молишься да трудишься. А красота-то какая...

Мы были согласны с нашим спутником. Бабайки – уникальное место. Буквально пара часов, проведённых там, подарили особое светлое чувство, несмотря на горькие мысли о разорении святынь наших в недавние времена...

По возвращении в Ярославль вновь отправились в Толгу. Успели на окончание всенощной в том самом Введенском соборе, куда накануне не могли попасть. После службы наконец-то приложились к мощам Святителя Игнатия, помолились у его раки...

Было ощущение, что таким вот необычным путём провёл двух питерских паломников сам добрый владыка. Поначалу направил почтить Матерь Божию перед Её Толгской иконой, затем незримо спутешествовал в чудесные Бабайки и уже после этого принял подле своих святых мощей...

Тот напоённый светом и щедрый на духовные дары день хотелось удержать, не отпускать его вослед за отцветающим над волжской землей солнцем. Таким он и живёт в моём сердце. А Ярославль теперь уже очно знаком, и влюблена я в этот город несказанно, хотя по-прежнему продолжаю называть его «маминым Ярославлем».

НА ЗЕМЛЕ КОЗЕЛЬСКОЙ

Мне очень хотелось побывать в знаменитой Оптиной пустыни, неспроста называемой «осколком рая на земле». С детства от бабушки слышала присловье преподобного старца Амвросия: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного». Именно старчеством славился до революции 1917 года этот монастырь.

Во многих книгах православного толка, которые стали доступны в перестройку и начали встречаться мне, авторами с любовью упоминалась Оптина пустынь. С благоговением отзывались о ней Николай Гоголь, Иван Ильин, Святитель Игнатий (Брянчанинов), святой праведный Иоанн Кронштадтский, духовный писатель Сергей Нилус, священник Павел Флоренский, митрополит Вениамин (Федченков)... Бывали в Оптиной пустыни знаменитые и именитые, простецы и родовитые, духовные и светские, единомысленцы и

иностранцы... И сердце каждого обогащалось особыми духовными впечатлениями.

Помню, как в 1993 году нашу страну облетело известие о зверском убийстве в пасхальную ночь трёх насельников возрождающегося Оптинского монастыря...

Всем знакомы строки стихир Пасхи: «Пасха красная, Пасха, Господня Пасха! Пасха всечестная нам возсия!», где слово «красная» означает радость, красоту Святого Дня. После трагедии в Оптиной оно приобрело и иной, трагичный смысл. Через одиннадцать лет вышла одноименная книга замечательной писательницы и драматурга Нины Александровны Павловой, повествующая об этих событиях. «Пасха Красная» – не просто художественное произведение, стилизованное под агиографический жанр. Прочитав эту книгу, вряд ли кто-то останется равнодушным, будь он хоть верующий, хоть атеист...

В одной не так давно встретившейся мне в Интернете рецензии утверждалось, будто бы «Пасха Красная» рассчитана была на неофитов, потянувшихся к вере после празднования 1000-летия Крещения Руси и падения богоборческого советского режима. Как-то неудобно стало за критика... Впрочем, книга вышла уже в 2004 году, и прежние «неофиты» всё же успели хоть немного да «возрасти духовно», а сама Нина Александровна – не тот человек, который бы «просчитывая аудиторию» стремился, как сегодня выражаются, «оказаться в тренде». Она трудилась над книгой по благословению, долго не дерзала взяться за эту работу, а когда решилась, то писала каждую строчку самой своей душой, зная героев повествования лично...

Будь оно иначе, не смогла бы книга «Пасха Красная» обладать таким «сердце соучастливым» эффектом.

Заявляя, что Нина Павлова, опытно не ведая духовной монашеской жизни, якобы безосновательно наделила свой рассказ чудесами, уводя читателя в мир собственных иллюзий, всё тот же критик на мой не совсем «неофитский» взгляд

возвёл странные границы между мирянами и монахами, отвергая возможность первых размышлять и тем паче рассуждать о духовных вещах. К слову, книга-то Нины Александровны – не высокое богословие, а просто – пересказ произошедших событий. И вспоминается мне предание, как цветку пустыни – Антонию Великому – было открыто Господом, что он не вошёл еще в меру некоего сапожника, живущего в Александрии. Очень советую найти эту историю и перечитать об удивительной встрече, когда простой ремесленник поразил святого Антония мыслями о спасении, явно рождёнными от Духа Святого. А ведь был он человеком обычным, смиренным тружеником, мирянином. Существует также масса примеров, когда писатели и поэты, трудившиеся в «православном русле», порою были озарены светом небесного вдохновения. Вспомнить хотя бы Евгения Поселянина, которого Западная православная церковь причислила к лику святых новомучеников.

Кроме того, Нина Павлова ни в коем разе самочинно не причисляла убиенных монахов к лику святых новомучеников, как ей это приписывается. Безусловно, в Православной Церкви существуют строгие критерии и основания для канонизации. Но автор «Пасхи Красной» их не нарушает.

В одной из книг любимого и почитаемого мною Митрополита Вениамина (Федченкова) приводится случай, о котором критик, обвиняющий Нину Павлову, может и не ведать. В своих мемуарах Владыка рассказывал, как одна игумения – духовная дочь святителя Филарета Московского (Дроздова), по смерти того, затруднялась молиться о нём, как о покойном. И вот Святитель явился ей во сне и научил молиться так: «Помяни, Господи, раба Твоего, усопшего Митрополита Филарета, и его молитвами спаси меня, грешную». Впоследствии владыку канонизировали...

Почему же мы не вправе просить молитв тех, кто поддерживал нас при жизни, но теперь отошел в мир иной, тех, кого мы всей душою любим и помним? У Господа все

живы. Поминая родителей и близких мне людей, уже окончивших земной путь, моё сердце кроме прошений к Господу об упокоении их душ невольно обращается и к ним самим за поддержкой.

Нина Александровна, с любовью рассказывая о трёх убиенных иноках, вовсе не констатирует их святость, как подмечено в той «обличительной» статье.

На претензию, мол, якобы в книге не показано, что основным критерием мученической, святой кончины является свобода выбора, можно ответить так: это – не единственный критерий. А был ли выбор у царственных страстотерпцев, для которых Голгофой стал Ипатьевский дом? Был ли выбор у священномученика Исидора Юрьевского, которого вместе с паствой утопили воинственные латиняне? И так далее... Поэтому, встречая подобные критические статьи, сочинители которых скорее ищут не Правды Божией, а внимания к самим себе, я или вовсе их игнорирую или же пытаюсь расслышать сквозь их обличения голос критикуемого писателя, поделившегося со мной своим ценным. Поделившегося искренне, чистосердечно, мирно и смиренно.

Книгу «Пасха Красная» я прочитала где-то в 2011 году, а вот побывать в Оптиной пустыни всё не получалось. Но у нас в Петербурге на набережной Лейтенанта Шмидта есть возрождённый после безбожного периода храм Успения Пресвятой Богородицы, который исторически принадлежал разным монастырским подворьям. В советские годы этот храм после разграбления превратили в склад, а в 1961 году там открылся первый ленинградский каток с искусственным льдом, что оказало на здание разрушительное действие... Сегодня это – Оптинокое подворье. Поэтому соприкосновение с Оптиной пустыней в жизни моей происходило и происходит постоянно и через книги, и через молитвы (наверное, многие прибегают к молитве оптинских старцев, укрепляясь ею на день грядущий), и через рассказы знакомых...

У каждого человека своя история встречи со святынями (храмами, иконами, монастырями). Одни места нас притягивают особо, а где-то сердце менее восприимчиво. Не мудрствуя лукаво о причинах таких обстоятельств, просто поделюсь и моею «оптинской историей». Вернее, несколькими историями, произошедшими на Козельской земле.

В начале лета в 2018 году, неожиданно «загремев» в больницу, дала обещание, если с Божьей помощью выберусь, то побываю в Оптине. Выбралась... Ранним утром ласкового июльского дня мы с мужем отправились в путь.

В путешествиях мы предпочитаем размещаться не в гостиницах, а в съёмных квартирах, чтобы можно было самостоятельно готовить пищу. Изначально порешили остановиться в Калуге. Найдя в Интернете массу предложений о сдаче жилья и сделав несколько звонков, предварительно сговорились с одним хозяином и условились ещё раз созвониться часа в два следующего дня, когда предположительно будем уже в пути.

Мой супруг «Пасху Красную» не читал, хотя про Оптину знал куда больше меня. Дорога предстояла долгая, потому в пути и решили послушать аудиоверсию этой книги. К счастью, ттец оказался замечательным. И мы, увлекаемые им, погрузились в те далекие события...

Лето. Отпуск. Солнечная трасса. Чудесная книга, грустная, но и вместе с тем пробуждающая душу. Особенный день... Мы с мужем люди не очень-то сентиментальные, но история «Пасхи Красной» вызывала ответные слезы. И для меня, уже читавшей эту книгу, она вновь звучала пронзительно, словно при первом знакомстве.

Днём, вспомнив про обещание позвонить хозяину калужской квартиры, сделали это, в силу обстоятельств, буквально на десять-пятнадцать минут позже назначенного времени. Неожиданно в ответ слышали, что квартира уже обещана другим путешественникам! На наши недоуменные вопросы калужанин лишь усмехнулся в ответ. Мол, мы же

ровно в четырнадцать ему не позвонили, а теперь нашлись новые желающие, которые также едут в Калугу на машине. Мало того, нам было предложено на всякий случай перезвонить уже при въезде в сам город. – Вдруг новые претенденты от квартиры откажутся, ну, или мы будем более резвыми и первее их окажемся у цели!

Мы были, мягко сказать, ошарашены. Во-первых, удивило само отношение хозяина квартиры к потенциальным съемщикам. Во-вторых, обескуражило, что за считанные минуты нарисовались неожиданные «конкуренцы». Дело в том, что предлагаемых под сдачу квартир в Калуге масса, и это при том, что город сложно назвать супер-туристическим центром. И вот ведь кто-то посягнул именно на наш вроде как уже бронированный трофей! В-третьих, накануне мы объяснили, что твёрдо намерены быть к вечеру последующего дня в Калуге, только не можем пока в силу объективных причин назвать точное время своего появления. Не на поезде же по расписанию прибываем, а на машине направляемся. Не угадаешь, как пойдет дело на трассе. Кстати, и поезда способны опаздывать. У хозяина квартиры к тому же имелся номер телефона моего мужа, и, получив новый запрос насчет аренды, он мог хотя бы приличия ради сам нам перезвонить или отправить сообщение. Что же касается предложенной им игры «в дальнейшие созвоны», то получался уже просто какой-то детский сад: «кто быстрее, того и тапки!» Вернее, квартирка.

Стоит заметить, никогда мы в Калужской области не были и мест тех не знали. Неожиданно подумали, отчего это наш выбор при планировании поездки сразу пал на самую Калугу, а не на Козельск, от которого до Оптиной рукой подать? Ну да, есть у нас одно обстоятельство: мы путешествуем с собакой, потому нам необходим большой выбор вариантов для съема квартиры, ибо не все хозяева пустят на порог с питомцем, даже с идеально вежливым и чистоплотным, как наша спаниелька. Козельск – город маленький, поэтому сразу и ориентировались

на Калугу. Но почему же на всякий-то случай почву с жильём в Козельске всё же не прозондировали? Наваждение какое-то!

«Подкормив» на заправке бензином своего авто-коня и подкрепившись бутербродами сами, продолжили размышлять. Ситуация и впрямь была странноватая. А мы всю дорогу слушаем про убиенных оптинских иноков, а также просим святых старцев обители нам спутешествовать. А вдруг это – такой ответ? Словно кто-то удерживает нас от остановки в Калуге...

С помощью планшета осведомились о вариантах сдачи жилья в Козельске, которых, к нашему удивлению, также оказалось довольно много. Звонить сразу не стали, решили действовать по прибытию на место. «Колыбель отечественной космонавтики» миновали часов в семь вечера и до Козельска добирались в уже сгущающихся сумерках. Приехав, стали созваниваться с владельцами квартир из Интернет-объявлений.

С первой же попытки переговоров о сдаче жилья при уточнении, что мы не туристы-активисты, не «сладкая парочка» в поисках гнездышка на уикенд, а вполне себе солидные петербургские паломники, мы были тут же приняты чудесной хозяйкой. Она нас и с «питомцем» пустила, пояснив, что у самой в доме собаки живут, и она их очень любит.

Квартира оказалась уютной, расположенной в новом доме. Её владелица гостеприимно приветила нас. В общих словах она рассказала о местонахождении монастыря, посоветовала побывать на источнике Пафнутия Боровского, в Шамордино и Клыково, пообещав поутру заглянуть, чтобы занести гостинцев и подробнее поведать об Оптине. Вот так начались наши козельские чудеса.

Уже было достаточно поздно, и мы вызвались подвезти хозяйку снятой нами квартиры до её частного дома, где она проживала со своей семьёй. Как выяснилось, он находился рядом с Козельском в селе Нижние Прыски и стоял недалеко от храма Преображения Господня, который рассмотреть в темноте не удалось.

– У нас тут такой батюшка был замечательный, отец Леонтий Никифоров. Только вот почил в этом году 3 февраля, как раз в день иконы Богородицы «Отрада и утешение». Вам потом в храме нашем надо обязательно побывать. О батюшке узнаете. Святой жизни был человек...

Ранним утром наша хозяйюшка принесла парного молока, овощей и яиц из собственной усадьбы. Мы пытались расплатиться, но она категорически отвергла деньги, сказав, что это – подарок для петербуржцев-единоверцев. Вот так сказочно принял нас Козельск, куда мы вынужденно приехали из-за происшествия с квартирой в Калуге. Мы дивились тому, как всё замечательно образовалось для нас. Ведь сложись иначе, пришлось бы ездить из Калуги в Оптину, теряя только на дорогу туда-обратно более трёх часов. Не иначе, как сами святые оптинские старцы взяли над нами шефство или иноки из книги Нины Павловой, которую мы слушали в дороге, помогли...

По пути в монастырь, расположенный в километрах пяти от Козельска, увидели идущую по обочине женщину, которую по внешнему виду сразу определили как «свою», православную. Путница обрадовалась предложению её подвезти. Оказалось, она часто приезжает в этот благодатный край потрудиться во Славу Божию. Вот и получилось, что наше посещение монастыря невольно началось с дела доброго.

Верующим мирянам, даже тем, кто часто бывает в обителях в качестве паломников или трудников, конечно, не всё понятно в жизни монастырской. Мы же не даём обетов монашеских, не выстраиваем опытно свою жизнь в строгой духовной вертикали. Но душа любого человека стремится ближе к небу, которое в монастырях как раз более ощущается сердцем, более открывается для него. Что же получает человек в этих «осколках рая на земле»?

Введенская Оптина пустынь – ставропигиальный мужской монастырь Русской православной церкви, знаменитый и прославленный соцветием святых старцев. Мы наконец-то

оказались в нём. Исполнился не только мой «больничный обет», но и осуществилось желание, зревшее долгие годы. С трепетом вошла в ворота обители... Сбывалось...

Мы посетили храмы, поклонились мощам преподобных старцев, присоединились к другим верующим во время службы молебна с акафистом Святому преподобному Амвросию, душевно побеседовали с братом в церковной лавке, а потом на дворе монастыря разговорились ещё с двумя монахами и, конечно же, побывали в часовне на месте погребения убиенных ночью 1993 года в Пасху Красную иеромонаха Василия и иноков Трофима и Ферапонта.

Сбылось всё, о чем читалось и слышалось многие годы. Я не ожидала чего-то сверхъестественного от встречи с Оптиной, не выискивала особых ощущений в душе, не подлавливала присутствие чуда. Мне здесь позволил побывать Господь? Вот и славно. А Он ведь везде – в любом селе, городе, храме, Он – в нашем сердце и всегда всё Тот же, что и раньше. В Его святых обителях, свидетельствующих о духовных подвигах подвижников-аскетов, мы укрепляемся сердцем, получаем молитвенную поддержку. В тот июльский день позабылись все тревобления Петербурга и мои больничные злключения. Вокруг было только оно – Лето Господне...

Далее мы отправились в Шамордино, в основанную в 1884 году преподобным Амвросием Оптинским Казанскую Амвросиевскую ставропигиальную женскую пустынь. До революции там спасалось порядка 800 насельниц. В настоящее время подвизается около 120 сестёр. К началу XX века монастырь представлял собой крупный духовный и культурный центр Империи. В советские времена его разорили и в 1923 году закрыли. Возрождение обители началось после её передачи в лоно Русской Православной Церкви в 1990 году.

Всё, что я прежде лишь читала о Шамордино, теперь оживало въяве. Мы побывали в главном храме обители – величественном Казанском 15-главом соборе, выполненном в русском стиле – с декоративными кокошниками,

полуколоннами, подзорами... Он был построен по благословию преподобного старца Амвросия, а освящен 24 октября в 1902 году Калужским Преосвященным Вениамином (кстати, тёзкой моего мужа).

Потом отправились на святые источники, окунулись в ледяной купели, а также побывали в трапезной, отведав там не хитрой, но вкуснейшей монастырской пищи.

С этой самой трапезной произошел забавный случай. Мы заглянули туда сразу, как приехали в Шамордино, так как она оказалась прямо на пути. Борщ и каша выглядели аппетитно, а мы были довольно голодны. Но, послушавшись голоса совести, отвергли соблазнительные мысли о пище земной и отправились в первую очередь за духовной. Муж, правда, периодически смиренно вздыхал именно о борще, который очень любит. Возвращаясь, снова зашли в трапезную, где улыбчивая сестра радостно сообщила, что мы как раз успеем отведать и супчика, которого хватает ровнёхонько на две порции. Паломники, явившиеся сразу за нами, вынуждены были довольствоваться только оставшейся кашей.

И вот вроде не спешили мы никуда, а так много событий случилось и вместились всего-то в полдня. После Шамордино отправились в село Клыково, где находится мужской монастырь Спаса Нерукотворного Пустынь. Проехать предстояло около тридцати километров. Я ранее читала и смотрела документальные фильмы о схимонахине Сепфоре, старице, молитвенно помогавшей возрождению Оптиной и Клыковской пустыней. Её земной путь на 102 году жизни окончился 13 мая в 1997 году именно в Клыково. Побывать там советовала и наша козельская хозяйюшка, рассказывая про уникальный храм-сад.

На подъезде к монастырю встретили, как сегодня говорят, большой «билборд», сообщающий, что ранее в этих местах нёс духовный подвиг инок Киево-Печерской Лавры священномученик Кукша – русский просветитель, называемый апостолом вятичей. Он проповедовал христианскую веру

язычникам и принял мученическую смерть в начале XII века. Мощи святого в настоящее время почивают в пещерах Киево-Печерской Лавры.

Епископ Владимиро-Суздальский Симон (1214-1226), один из авторов Патерика Киевского Печерского монастыря писал о Кукше: «Как можно умолчать об этом блаженном черноризце, о котором всем известно, как он бесов прогнал, и вятичей крестил, и дождь с неба свёл, и озеро иссушил, и много других чудес сотворил, и после многих мучений убит был с учеником своим».

Вот в таком исторически значимом для нашей церкви месте в окружении великолепной природы стоит Спаса Нерукотворного Пустынь. В 1924 году часть братии из разоренной Оптины переселилась в Клыково, и среди моря богоборчества местный храм в честь Спаса Нерукотворного стал для иноков и мирян духовным оплотом. В 1937 году его тоже закрыли. Ко времени возвращения храма православной церкви в 1991 году здание сильно пострадало. И не мудрено, ведь в советское время в нём размещали зернохранилище, ремонтные мастерские и склад азотных удобрений. Поначалу в январе 1993 года при этом храме образовалось Архиерейское подворье, а потом возникла монашеская община, которую составило несколько оптинских иноков. Сам же монастырь Спаса Нерукотворного Пустынь был учреждён 17 июля в 2001 году. Его появление предсказала схимонахиня Сепфора, проведшая в Клыково последний год своей многолетней жизни. Её могилка, где сегодня случаются чудеса, находится около ныне восстановленного Спасского храма. Свидетельства о нынешней молитвенной помощи матушки сохраняются в специальной книге обители.

Безусловно, верующим людям к чудесам следует относиться спокойно. Чудо? Ну и хорошо, что чудо. Значит, так Господь помогает. Как-то не задумываемся, что главный дар Божий – возможность спасения души, а главное волшебство небесное – дарованная нам жизнь.

Вот вернулись очередным вечером после многотрудного дня домой, здоровы, сыты, живы. Всё обычно? А ведь это «обычное» благополучие тоже от Господа, или по молитвам родных, близких, а, может, и кого-то из небесного святого братства...

Молитвою жив наш мир. Потому так важно не высматривать чудеса, а благодарить Господа за Его ежеминутные милости, за все обстоятельства жизни. Наверное, так...

Приехав в обитель, мы в первую очередь побывали в храмах: в восстановленном в 1999 году в честь образа Спаса Нерукотворного и в новом, посвященном святому Кукше Печерскому. Последний являет собой часть архитектурного ансамбля, выполненного в виде креста, объединяющего церковь, трапезную и братский корпус с домовым храмом в честь Архангела Михаила. Именно храм святого Кукши и имела в виду наша хозяйка, рассказывая про клыкские «райские кущи». Благодаря прозрачной кровле в трапезной и огромным окнам свет здесь насыщает пространство по-особому. На галерее устроен зимний сад. Создаётся ощущение лёгкости, радости.

Из храма мы направились к домику матушки Сепфоры. Каким же человеком была эта подвижница, к могилке и келии которой и после её кончины стекается много народа?

Родилась матушка (в миру – Дария Николаевна) в 1896 году в селе Глухово Тамбовской губернии в благочестивой крестьянской семье Сенякиных, в роду которых были иноки. Первые наставления в молитве получила в детстве от монахинь, проживавших в сельском Покровском храме и учивших её шитью и ткачеству.

После кончины отца в 1916 году Дария по воле матери вышла замуж за односельчанина из зажиточной семьи – Дмитрия Шнякина. У них родилось четыре дочери. К началу 30-ых годов свёкор справил их семье отдельный дом. В те беспокойные постреволюционные времена Дария

неоднократно пешком ходила на богомолье. Бывала она в Сарове, в Киево-Печерской лавре...

Во время раскулачивания в 1933 году родителей мужа сослали на Соловки, хозяйство разграбили, разнесли по бревнышку и новый дом Шнякиных, выгнав Дарию с детьми буквально на улицу. Дмитрий, по счастью, накануне уехал в Болохово под Тулу на строительство шахты. Это и спасло его от расправы уполномоченных, которые насмерть прямо у церкви забили камнями брата Дарии. Её саму с дочерьми приютила бедная вдова Агафья. Жили скудно. Порой варили на обед траву, а печь топили подсолнухами или навозом, так как заготавливать дрова «врагам народа» не позволяли. Через три года Дария перебралась к мужу, с которым они тоже претерпевали нищету и неустройство, довольствуясь комнаткой в коммуналке. В Великую Отечественную войну, при эвакуации, были вновь пережиты голод и холод. Дария всегда усердно молилась, и Николай вернулся с фронта. После его кончины в 1955 году она с дочками переехала в Киреевск под Тулу. В соседнем селе Панино был храм, который никогда не закрывался, и Дарья Николаевна стала его посещать.

Выросшие дочери теперь сами заботились о ней. Матушку Дарию, как называли её окружающие, хорошо знали священники и прихожане панинского храма. Верующие шли к ней за советом и утешением. Сама она посещала в Туле схимонахиню Михаилу, всё более проникаясь любовью к монашеству. Дома с дочерьми читала акафисты, а уединенно – своё молитвенное правило.

Старшая дочь Александра вскоре перебралась жить в Сергиев Посад. Ей удалось купить часть домика в Овражном переулке у стен Троице-Сергиевой Лавры. Теперь и Дарья Николаевна могла подолгу бывать в Посаде.

Однажды в Киреевске при уединенной молитве ей представились Ангелы, совершающие её постриг. Приехав в Троице Сергиеву Лавру, она поведала это старцу Науму,

получив его благословение на иночество, и в 1967 году её постригли в мантию с именем Досифея.

В конце восьмидесятых годов матушка с келейницей четырежды побывала в Киево-Печерской Лавре, добираясь туда на самолете и вспоминая, как в молодости ходила в эту обитель пешком. В 1988 году после прославления преподобного Амвросия она посетила и Оптину Пустынь, находящуюся еще в руинах. К ней в Киреевск за духовным окормлением всё чаще ехали и миряне, и монашествующие. Она обладала дарами любви, молитвы, прозорливости и рассуждения. Помянник матушки хранил десятки имён. Помогая другим, сама жила очень скромно. В комнате были кровать, стол, стул да божница с иконами. О домашних иконостасах она говорила: «Вот висят десять икон, – читай десять тропарей обязательно, утром или вечером, ночью, но этим иконочкам помолись. Это не выставка».

В 1989 году Тульский владыка Серапион постриг девяностотрехлетнюю матушку в схиму с именем Сепфора. Её беспокоило, что ей, схимнице, придется умереть в миру. Но однажды матушке во сне явилась Пресвятая Богородица и произнесла: «Ты не умрешь в миру. Ты умрешь в Клыкове, в монастыре». На вопрос старицы: «А где ж оно такое есть?», Пречистая ответила: «Не надо тебе знать. Придет время – священники сами к тебе приедут».

В августе 1995 года матушку посетил будущий наместник клыковского монастыря игумен Михаил, в ту пору – иеродьякон Феодосий. Узнав, что он из Клыково, матушка обрадовалась: «Вот и славно что ты приехал, я ждала! Дом строишь? Строй быстрее, я приеду к вам жить». К Рождеству 1996 года она поселилась в монастыре в новом деревянном домике, о котором говорила, что это Господь вернул ей её «деревяшечку», которую когда-то большевики разобрали на брёвна... Почила схимонахиня Сепфора 13 мая 1997 года.

И вот мы тоже побывали и в домике, и на могилке матушки.

Гостеприимный Козельск покидали на следующее утро. Заехали в Нижние Прыски, отдали ключи хозяйке квартиры и вместе с ней зашли в Преображенский храм почтить память протоиерея Леонтия Никифорова, о котором она говорила. Оказалось, батюшка настоятельствова там более 50 лет. Он обладал даром безусловной любви, обогревая ею каждого, обращавшегося к нему. С интересом слушали мы воспоминания об этом пастыре. Вот одно из них:

Приходит как-то к отцу Леонтию прихожанка и с тревогой говорит о последних временах. Мол, антихрист уже здесь, и надо бежать спасаться в леса и горы. А батюшка её и спрашивает:

- Знаешь, какие у ангелов глаза?
- Причем тут ангелы, враг на пороге!
- А какие у ангелов крылышки?
- Я Вам об антихристе, а Вы...

Отец Леонтий её легонько стукнул пальцами по лбу и улыбаясь продолжил:

– А я об ангелах, да! Пока ты об антихристе думаешь, он с тобой и есть. А ты об ангелах лучше думай. Они и будут с тобой.

Вот как чудесно мог мудрый священник перевести человека в верное духовное расположение. Получше любого психотерапевта.

Нынешний настоятель Преображенского храма отец Тихон, кстати, внук батюшки Леонтия благословил нас на дальнейший путь и подарил буклет, в котором с фотографии смотрел на нас улыбающийся отец Леонтий, завещавший: «Живите с Богом, любите Боженьку...»

Таким славным стало окончание нашего визита на благодатную козельскую землю. Мы покидали её с легким сердцем, наполненные духовной радостью. А перед моим мысленным взором стояла Оптинская часовня, где покоятся ныне герои книги Нины Павловой: иеромонах Василий и иноки Трофим и Ферапонт.

На душе была Пасха Красная, Пасха, Господня Пасха! Пасха всечестная, которая всем нам воссияла! И так захотелось обнять весь мир и поделиться этой новой обретенной радостью с ближними моими!

ВСЁ-ВСЁ ИСПОЛНЯЕТСЯ

Иногда дружеский совет способен стать предисловием для вашей новой удивительной истории, словно подтверждая, что в жизни всё происходит промыслительно.

Летом 2021 года в благодатную августовскую пору довелось нам гостить в Костроме у моего брата. Наш приезд в этот древний волжский город совпал с Праздником Преображения Господня. На службу отправились в Богоявленско-Анастасиин женский монастырь, основанный в 1426 году преподобным Никитой Костромским, учеником Сергия Радонежского, и считающийся жемчужиной архитектурного ансамбля Костромы. Поклонившись в Богоявленском соборе чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери, отправились в ещё один давно желанный для посещения монастырь – Ипатьевский.

Удивило, что накануне и «яндексные», и «гугловские» синоптики единогласно обрекали день грядущий на испытания грозным ненастьем. На деле же – лишь утренний легконогий дождик пробежался по улицам Костромы, и в небе похозяйски засияло солнце. После посещения Ипатьевского монастыря у нас в запасе оставалась добрая половина дня.

Внезапно вспомнился данный накануне братом совет, что стоит побывать в Плесе.

Об этом месте я знала лишь, что городок входит в маршрут Золотого кольца, и что там одно время проживал и писал пейзажи Левитан, слышала также, что в Плесе находится дача одного известного чиновника.

Навигатор подсказал, что преодолеть придётся порядка 70 километров, но это обстоятельство нас, жителей мегаполиса, совсем не пугало. Без долгих раздумий отправились в путь. По дороге встретили городок Приволжск, на подъезде к которому обратила на себя внимание виднеющаяся издалека чудная шатровая колокольня. Оказалось, звонница принадлежит Свято-Никольскому женскому монастырю, мимо которого при следовании по городу провёл нас навигатор. Решили обязательно заглянуть в эту обитель на обратном пути. Миновав Приволжск, я вдруг осознала, что где-то уже видела и эту колокольню, и этот монастырь! Память помогла с ответом, который, с одной стороны, принёс радость, а с другой, огорчил моей же несообразительностью.

Дело в том, что несколько лет назад у меня в Санкт-Петербурге случилась чудесная встреча. Знакомая как-то позвала меня в храм подворья Зеленецкого монастыря, близ которого расположена могилка почитаемой православной старицы Матронушки Босоножки. Там собиралась группа, занятая подготовкой документов о Матроне Петровне Мыльниковой для представления их в Комиссию по канонизации. Я была к этому делу тоже несколько причастна, потому и приглашена.

В тот день мне посчастливилось познакомиться с игуменьей монастыря, расположенного в Ивановской области, матушкой Анатолией (Баршай) и сопровождавшей её монахиней Евдокией. Потом мы общались с матушкой через социальную сеть «В Контакте». У неё-то на странице и были представлены фотографии звонницы и монастырского Никольского собора! Я помнила, что её обитель, при которой, кстати, есть своя общеобразовательная школа для девочек, находится в Ивановской области. Матушка меня туда приглашала неоднократно. Но вот имя города «Приволжск» совсем выпало из головы. Конечно же, по этому поводу я досадовала на себя, но вместе с тем и радовалась, что

нежданно-негаданно на нашем пути оказалась обитель, где настоятельница – дорогой моему сердцу человек!

В 2019 году вышла чудесная книга воспоминаний игумении Анатолии о её духовном отце, насельнике Троице-Сергиевой Лавры, архимандрите Науме (Байбородине). Я с большим интересом читала её. А в нашей с мужем поездке у меня имелся с собой сборник собственных стихов, вышедший в 2020 году. Как раз можно подарить матушке...

С супругом рассудили, что раз день праздничный – Преображение, то у игумении наверняка предостаточно хлопот. Возможно, гости какие-то важные в обители. А ведь хотелось не просто мельком увидеться, но и поговорить с этой мудрой, светлой женщиной.

Поэтому, коль сразу я не сообразила, что к чему, решили не заворачиваться и ехать в Плёс, а уже на обратном пути непременно у матушки Анатолии побывать. У меня душа пела из-за таких совершенно непредугаданных обстоятельств. Вот она – праздничная нечаянная радость!

Плёс оказался милым городком. Автодвижение в нём ограничено. Поэтому мы, как прочие туристы, оставили машину на просторной и чистой автостоянке, к тому же охраняемой и совершенно бесплатной. Поинтересовались у доброжелательных охранников, куда нам путь лучше держать, и, вооружившись их разъяснениями, двинули навстречу приключениям.

Городок уютно расположился на живописных холмах над Волгой. Мы весьма порадовались, что были в кроссовках, так как постоянно приходилось то подниматься, то спускаться по каменистым дорожкам. К этой поездке специально не готовились, не читали ничего о предполагаемом месте посещения, нагрянули в Плёс спонтанно. Потому адаптироваться пришлось прямо на местности. Правда, все пешеходные трудности со спусками-подъемами были сглажены завораживающими картинами природы, видом

прямо-таки пряничных плёсовских домиков, уютной набережной, Волгой, в которой мы не преминули искупаться...

Запомнился местный умелец, продающий игрушки-свистульки или, как их называют на Верхней Волге – чувильки, самозабвенно играющий на них скорее ради удовольствия, чем привлечения покупателей-туристов. Трели этих свиристелок весьма гармонично дополняли счастливую картину мира.

На одном из холмов увидели деревянный храм, где захотелось побывать. Подъем от набережной по крутой протяженной лестнице оказался непростым испытанием, но вознаграждены мы были несказанно. Ранее гору, что мы одолели, называли Петропавловской в честь стоящего на ней когда-то одноименного старинного храма. Однажды именно он и привлёк внимание Исаака Левитана, путешествующего по Волге. Позже художник изобразил его на двух своих знаменитых полотнах: «Над вечным покоем» и «Церковь в Плесе».

С 1972 года Петропавловская гора была переименована в гору Левитана. Что касается чудного деревянного храма, увековеченного пейзажистом, то на его месте в силу исторических обстоятельств сейчас находится похожая по архитектуре Воскресенская церковь, привезенная в Плес из села Билуково Ивановской области. Построенная в 1699 году, она является памятником древнерусского деревянного зодчества. Полномасштабное её восстановление и реконструкция прилегающей территории начались в 2014 году по инициативе Дмитрия Анатольевича и Светланы Владимировны Медведевых. И вот 16 июля в 2017 году митрополит Иваново-Вознесенский и Вичугский Иосиф совершил чин великого освящения восстановленного храма, отслужив там первую Божественную литургию. Сегодня здесь расположено подворье обители Приволжска, куда мы и планировали заехать на обратном пути!

Узнали всё это мы позже в самом Свято-Никольском женском монастыре, а тогда, поднявшись на гору и оказавшись на старинном русском погосте, внезапно ощутили себя перенесенными в далёкое прошлое. Подивились. Поклонились большому поклонному кресту. Вошли в храм. Резной деревянный иконостас, деревянные иконы, паникадила с песком. Тишина. В тот момент мы не знали, действующий ли это храм или имеет отношение к каким-то музеям, как это часто, к сожалению, бывает.

Хотели что-то сфотографировать, но неожиданно женщина-смотрительница строго сказала, что съёмка только по благословению. Если бы она произнесла, что съёмка «платная», и у нас была бы возможность сделать кадры, то это не так бы обрадовало, как произнесенная ею резкая фраза. Ведь раз «по благословению», то храм – действующий, живой! А так как священника мы в нём не обнаружили, то вполне себе обошлись и без фотографий.

Выйдя из храма, какое-то время ещё полюбовались открывающимися с горы Левитана видами и двинулись к стоянке, где оставили машину. По дороге обсуждали полученные впечатления и решили, что, если Бог даст, в Плёс непременно стоит вернуться.

На обратном пути остановились в Приволжске. Прочитала я название улицы, на которой стоит монастырь. – «2-й Овражный переулок». И тут неожиданно подумалось, что не просто так Матушка Анатолия стала игуменьей именно здесь. Я уже отмечала, что её духовным отцом был архимандрит Наум (Байбородин), известный старец Троице-Сергиевой лавры. Неподалеку от этого знаменитого монастыря в Сергиевом Посаде тоже есть «Овражный переулок», о котором я упоминала в своём очерке о матушке Сепфоре из Клыкова. Дочка знаменитой старицы именно там купила часть маленького домика, что позволяло матушке Сепфоре подолгу бывать в Посаде и молиться в Лавре.

И родилась «духовная ассоциация»:

Неподалёку от знаменитой Лавры – «Овражный переулочек», и приволжская Свято-Никольская обитель тоже расположилась на соимённом, только «2-ом Овражном»... Словно некая ниточка протянулась между монастырями, где нёс подвижнический труд отец Наум, и ныне торит путь к Богу его духовная дочь Матушка Анатолия, ведя за собой насельниц обители.

Что обозначает слово «овраг»? Согласно словарям, это глубокая длинная впадина на поверхности земли, образованная под воздействием дождей или талых вод. По его руслу между крутыми склонами может струиться поток, устремляясь к крупному водоему. И если теперь представить наше земное шествие как стезю по руслу православному, над которым нависают холмы страстного мира, то, держась этого верного направления, преодолевая тернистые препятствия, можно выйти к морю-океану, над которым все мы однажды встретим расцветающее солнце новой, вечной жизни.

При нашем знакомстве в Санкт-Петербурге игуменья Анатолия рассказала, что её монастырь основан не так давно, в 1998 году, что находится обитель посреди города, но за стенами любой гость обретёт покой и умиротворение. Знала я, что у матушки есть гимназия для девочек. И сложилось, что мы с мужем смогли всё это увидеть не «онлайн», а очно. Про колокольню, потрясшую нас архитектурным роскошеством, уже упоминала. Под стать звоннице оказался и сам Никольский собор, в который мы сразу и направились.

В храме никого, кроме свечницы, не оказалось. Приложившись к иконе Праздника, мы подошли к ней и, поздравив с Преображением, поинтересовались как нам увидеть матушку Анатолию. В ответ услышали, что игуменья сейчас в отъезде. Я, было дело, подумала оставить свою книжку стихов для матушки прямо в лавке, но супруг, продолжив разговор, спросил:

– А кто сейчас за матушку в монастыре?

– За матушку-то? Так вот она – сестра Евдокия, – свечница кивнула на неожиданно появившуюся в соборе монахиню.

Моей радости не было предела! Вошедшая оказалась уже знакомой мне по Петербургу спутницей матушки Анатолии! Она тоже меня признала. Я рассказала, как по дороге в Плѣс мы неожиданно встретили Приволжскую обитель, и захотели повидаться с матушкой Анатолией.

– Ой, матушка наша только недавно уехала в Сергиев Посад! Вы чуть-чуть её не застали. Но давайте ей позвоним!

Сестра Евдокия достала мобильный телефон, включила громкую связь и уже через мгновение мы услышали голос матушки. Поняв, что за гости прибыли в её обитель, она посетовала, что не увиделись лично, и поручила сестре Евдокии, чтобы та показала нам храм, школу и ещё непременно нас покормила! К счастью, мне тоже удалось немного поговорить с дорогой матушкой. Я поздравила её с праздником и сказала, что оставлю для неё книжечку своих стихов. В ответ матушка Анатолия поинтересовалась, не хотим ли мы тоже поехать в Сергиеву Лавру? Безусловно, мы очень любим этот великий монастырь, но на тот момент были ограничены во времени, так как у мужа заканчивался отпуск, и необходимо было срочно возвращаться в Санкт-Петербург. Потому, скрепя сердце, пришлось отказаться от столь чудесной возможности повидаться с матушкой прямо в гостях у Преподобного Сергия. Конечно, я очень жалела об этом.

После сестра Евдокия сделала ещё пару звонков, дав какие-то распоряжения насчет нас, а потом повела по собору, рассказывая о нём и его святынях.

Оказалось, что история Свято-Никольского храма тянется с XIV века. Главный его придел был освящен в честь святителя Николая Чудотворца, а боковые – в честь Пресвятой Троицы и Покрова Пресвятой Богородицы. Среди святынь – Богородичные иконы: «Тихвинская», «Нечаянная радость», «Многоименитая», а также – частицы мощей преподобного Макария Унженского и Желтоводского, Святителя Иоанна,

епископа Суздальского, преподобного Леонтия Михайловского...

Меня особо привлекла икона «Нечаянная радость». Застыла перед ней с благоговением.

– Да, удивительный образ! – тихо произнесла подошедшая сестра Евдокия. У нас в школе есть одна девочка, так она говорит, что всё, что ни попросит у Богородицы перед этой иконой, всё-всё исполняется...

И вот я подобно той школьнице тоже от всего сердца поведала Богородице два своих давних чаяния, обращаясь к Пречистой с верой детской, открытой. Впоследствии, через какое-то время после возвращения в Петербург, те мои заветные надежды исполнились. Так что теперь и мне можно радостно свидетельствовать: «Что ни попрошу, всё-всё исполняется!»

Но вернусь к повествованию.

Вскоре в собор пришла женщина, которой сестра Евдокия поручила начать для нас экскурсию по школе. Мы послушали её рассказ, посмотрели выставку, устроенную в одном из холлов, представляющую декорированные сценки на тему Евангельских притч. Очень понравились детские поделки и рукотворные сувениры – Пасхальные и Рождественские.

Продолжили знакомство с гимназией мы уже под крылом дорогой сестры Евдокии. Перед нами раскрывались двери в чистые, светлые, современно оборудованные, оснащенные компьютерами классы. Порадовались высокому качеству образования. Кстати, помимо английского языка девочки изучают китайский. Образование в гимназии соответствует всем требованиям современных школьных стандартов и осуществляется по государственной лицензии.

Помимо постижения основной общеобразовательной программы, большое внимание уделяется духовно-нравственному воспитанию. Девчата часто бывают в интересных поездках. В монастыре проводятся детские

праздники. Конечно, у матушки Анатолии масса забот, связанных со школой, но Господь не оставляет и даёт сил.

При переписке с матушкой я видела множество фотографий, повествующих о школьной жизни. На снимках – счастливые детские лица. Радость светлая, искренняя. Девочки живут в любви и заботе. Побольше бы таких школ в России...

После экскурсии нас пригласили на трапезу. Шёл Успенский пост, но кушанья были столь вкусны, что для нас это монастырское угощение оказалось настоящим преображенным пиршеством!

На дороге сестра Евдокия неожиданно одарила нас большими пакетами с вкуснейшим монастырским хлебом, пирожками, восхитительным сыром и освященными яблоками... А ещё, на радость моего мужа, нам дали в дорогу квас в большой пластиковой бутылке. Давно мы не пробовали чего-то вкуснее этих монастырских даров!

– Перед отъездом обязательно побывайте у нас на Святом роднике, Тихвинском источнике. Матушка так благословила! Многие там исцеляются, чудеса происходят, – светло улыбаясь при прощании сказала сестра Евдокия.

Мы поблагодарили её за ласку и поистине материнское радушие, оказанное нам обителью. Я передала для Матушки Анатолии свою книжку, и мы отправились исполнять её игуменский наказ-благословение.

Источник находится недалеко от монастыря. Территория прекрасно ухожена. Для мужчин и женщин сооружены отдельные купели-домики. Я боюсь холода, но за многолетний паломнический опыт попривыкла окунаться в святых источниках и, памятуя какое блаженство наступает после выхода из их целительных вод, гоню свою робость прочь.

После омовения в Тихвинской купели, мы совершенно счастливыми вернулись в Кострому, а спозаранку отправились домой в Петербург. С нами было благословение матушки Анатолии и драгоценные впечатления, подаренные в

Преображение монастырями древней Костромы, волшебством Плёса и теплой заботой Свято-Никольской приволжской обители. И чувствовали мы себя действительно преобразенными, вдохновленными радостью, упоёнными красотой земли нашей русской.

ПРОМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

В молодости мне в руки неожиданно попала книга Митрополита Антония Сурожского «О встрече». Пришла она очень своевременно. В ней нашлись ответы на вопросы, в тот момент меня волнующие.

С тех самых пор стараюсь относиться внимательно ко встречам не только с людьми, но и с книгами, через которые происходят знакомства с авторами, собеседующими с нами посредством своих произведений.

В 2012 году в нашей семье произошла цепь интересных событий, когда одна неожиданная встреча стала началом долгой доброй истории.

Летом мы решили съездить в Кашин. Супруг в то время алтарничал в петербургской церкви Анны Кашинской (кстати, на тот момент в единственном храме России, наречённом в честь этой княгини, канонизированной дважды). Вот мы и захотели поклониться её честным мощам.

Взяли благословение у духовного отца и поздно вечером выехали «в свой долгожданный отпуск» из Северной столицы прямёхонько по Московской трассе М10. Долго ли, коротко ли добрались до Вышнего Волочка. Возникла дилемма – куда дальше двигать – напрямик через Тверь или в объезд, как говорится, «прочими дорогами»? В то время вместо навигатора нас выручала карта.

Неожиданно вспомнилось, что в Казанском монастыре Вышнего Волочка похоронена Любушка Сусанинская, пока в лике святых не прославленная, но народно почитаемая. Вот я

невольно и обратилась к ней: «Любушка, ты нам подскажи, как к Анне Кашинской добраться!» В тот же момент перед глазами мелькнул указатель на поворот в сторону Кашина. Так мы и распрощались с Федеральной трассой М10.

Дороги в Тверской области на тот момент были «песней особой»! По сравнению с ними ралли-рейд «Париж – Дакар», как сегодня выражаются, «отдыхает». На нашем приземистом автомобильчике приходилось ехать крайне осторожно. Но это не омрачало настроения. Под утро свернули к опушке леса и позволили себе вздремнуть. Меня разбудил луч солнца, заглядывающий в приоткрытое автомобильное окно, и бабочка, устроившая посиделки прямо на щеке. Таким было пробуждение в лесной сказке!

Наскоро перекусив, продолжили путь к «городу русского сердца». Такое присловье Кашину подарила протекающая в этих местах речка Кашинка, образующая своими излучинами-петлями вокруг города «сердечный силуэт». Мы сами удостоверились в этом, поднявшись на колокольню Воскресенского собора, в котором в то время велись реставрационные работы. До сих пор воспоминания приносят ощущение свежескошенного сена, которым были щедро устланы ещё не отремонтированные полы в возрождающемся храме.

Местный, очень доброжелательный священник поведал нам о дореволюционном Кашине, о многочисленных церквях и монастырях городка. Батюшка-то и предложил подняться на соборную звонницу, чтобы взглянуть с высоты на город, сердечно обнимаемый Кашинкой. Также он рассказал, что мощам княгини Анны Кашинской можно поклониться в Вознесенском соборе, а ещё посоветовал посетить и Николаевский Клубоков женский монастырь.

Мы послушались. Как говорится: священник сказал, паломник исполнил. От Воскресенского собора, подле которого воздвигнут памятник Анне Кашинской, мы и направились в Вознесенский храм.

Если вы бывали в паломнических поездках, то, вероятно, ощущали, что святые, к которым вы устремляетесь на поклон, порой словно «встречают» вас. Именно так произошло и с нами в тот день.

Мы с мужем понятия не имели ни о времени работы собора, ни о расписании богослужений. Но, лишь войдя в храм, сразу попали к началу молебна у мощей святой. Священнику подпевали две женщины-прихожанки. Ну, и мы, горе-певуны, присоединились к ним. И так вдруг стало радостно! Будто тебя, колючего и нервного мегаполисного жителя, вдруг как родного приласкали и приняли.

Годы спустя, это ощущение внезапно вернулось во время Крестного хода, совершаемого пятнадцатого октября вокруг петербургского храма Анны Кашинской в честь дня её поминовения. Солнце и дождь, золото листвы, пение хора, рождение новых стихов... Где родничок вдохновения? – В городе, сердечно обнятом Кашинкой! Но всё это будет позже. А то наше летнее путешествие, наполненное православными удивительностями, только начиналось.

Николаевский Клобуков женский монастырь отыскивали быстро. Старинная обитель, с которой связан подвижнический путь святого Макария Калязинского, расположилась на высоком холме над рекой. Побывав в храме и посмотрев на воссозданную келью подвижника, решили немного побродить по монастырю. В это время и произошла та самая встреча, послужившая началом удивительной истории. Гуляя по территории обители, мы познакомились с игуменьей Варварой (Ивановой), которая не только пригласила нас в трапезную на обед (словно прочитав мысли моего проголодавшегося мужа), но также тепло побеседовала с нами.

Узнав, что я пишу стихи в «православном русле», она поинтересовалась, известен ли нам духовный поэт – игумен Виссарион (Остапенко), старец, подвижающийся в Троице-Сергиевой Лавре? Получив отрицательный ответ, Матушка Варвара тут же подарила сборник стихов отца Виссариона

«Лавра святая, родная...» и посоветовала непременно побывать у него и взять благословение, если окажемся в Сергиевом Посаде. Обласканные добротой настоятельницы, мы покинули её гостеприимную обитель.

Побывать в Троице-Сергиевой Лавре муж желал давно. Для него это случилось бы впервые. Мне тоже хотелось вновь там оказаться, так как после былых посещений остались сильные впечатления. Кроме того, мы были благословлены на поездку игуменией Николаевского Клобукова монастыря, а проникновенные стихи отца Виссариона, которые я сразу принялась читать в дороге, вызвали непреодолимое желание лично познакомиться с автором.

Навестив по пути Калязин и Ярославль, подивившись сказочной красе городов волжских, мы поехали в Сергиев Посад. У каждого паломника – своя история знакомства со святыми местами. О глубине впечатлений, которые наполняют сердце при посещении Троице-Сергиевой Лавры, можно судить, например, по произведениям одного из любимейших моих писателей – Ивана Сергеевича Шмелева. Его повесть «На Богомолье» настолько озарена светом радости, что сразу хочется последовать вослед за автором туда, к «розовым колокольням».

Впервые я побывала в обители Преподобного Сергия ещё в 1989 году, когда родители в честь окончания мною первого курса института подарили мне путевку на светскую экскурсию по Золотому кольцу (официально паломнических поездок в ту пору не было). Тогда я дивилась благолепию Лавры и массе встречаемых в монастыре батюшек!

Позже в 2004 году мы уже с подругой заезжали в Троице-Сергиеву Лавру в составе большой паломнической группы. Тогда к нам прибились мальчишки – дети наших «согруппников». Вот с ними-то мы, взрослые сударыни, самоотверженно «гонялись» за священниками, подставляя им для благословения сложенные ладошки. Так хотелось набрать «побольше благодати»! Сегодня забавно вспоминать свои

давние православные «некомпетентности», а о том, что могли подумать о наших «благочестивых проделках» окружающие «продвинутые» паломники, даже представить страшно...

Но, возможно, похожую нечаянную радость испытывал и Псалмопевец Давид, который от ликования сердца пред Богом плясал во время перенесения Ковчега Завета в Иерусалим. Он-то и не думал, как выгладит в глазах окружающих. Помните, его осудила даже собственная жена – царица Мелхора? Но не хватила ли я лишку, приводя сей пример? Царь Давид – святой человек, а мы – песчинки малые. Но разве духовная радость, наполняющая взрослые сердца детской искренностью, не роднит нас всех?

Помню ощущение трепета перед ракой Преподобного Сергия: перед нами были мощи игумена русской земли, чья рука когда-то благословила Дмитрия Донского на победную битву за Русь! Сокровенное мгновение...

Именно в то посещение Лавры, в её церковной лавке, я приобрела первые тома только что вышедших «Слов» Паисия Святогорца. Сегодня уже все из них прочитаны и пребывают в нашей домашней библиотеке, но знакомство с этим дивным старцем, которого я полюбила так, что даже мама моя называла его «моим лучшим другом», началось в Сергиевом Посаде в 2004 году...

Когда мы с мужем, наконец, приехали в Лавру, мне, конечно же, не терпелось познакомиться с игуменом Виссарионом, чьи стихи тронули сердце. Поклонившись мощам Преподобного Сергия, мы направились к братскому корпусу и поинтересовались у дежурного о возможности связаться с батюшкой. Оказалось, что тот не здоров, но ему можно оставить записку. У меня были с собой две книжки собственных стихов. Решила их также передать батюшке Виссариону вместе с небольшим письмом, где благодарила за встречу с его творчеством и просила молитв о нашей семье.

Тогда-то и возникло у меня явное чувство, что история эта, начавшаяся со встречи с игуменией Варварой, непременно продолжится.

В то лето нам посчастливилось много путешествовать. Прихватив с собой ноутбук, я периодически проверяла электронную почту, вела переписку с родными. Дней через десять на мой адрес неожиданно пришло письмо от незнакомого отправителя. Читаю и глазам не верю! – Отклик из Лавры! В послании сообщалось, что мои книжки и письмо отец Виссарион получил и прочитал. Стихи пришлись ему по сердцу, и батюшка благословил меня писать дальше. Это была одна из самых дорогих оценок моего творчества.

Не секрет, что наша литературная братия страдает грехом тщеславия. Хотим признания, известности. А когда монах, Лаврский молитвенник, из-под чьего пера рождаются одухотворенные поэтические строки, вдруг видит и в твоих «стишатах» смысл и духовный толк, то оценки светских критиков и премии, раздаваемые чаще всего «по кумовству» и благу, теряют всякое значение.

То первое письмо из Лавры духовной ниточкой связало нашу семью с необыкновенным человеком. Год продолжалась переписка по Интернету через одну из духовных дочерей отца Виссариона. И в каждом письме нас с мужем звали в гости!

Внезапно в один из зимних дней, когда я умудрилась нешуточно захворать, к нам из Сергиева Посада приехал духовный сын игумена Виссариона – Андрей. С собой он привез массу гостинцев и подарков, среди которых был диск белорусского детского ансамбля «Тимпан», в чей репертуар входили песни на стихи батюшки. За трапезой мы проговорили с Андреем до позднего вечера, а после его ухода я почувствовала, что совершенно здорова. Андрей также передал приглашение в Посад лично от отца Виссариона.

История, начавшаяся в Кашине, продолжалась.

На следующее лето мы побывали в Свято-Успенской Святогорской Лавре, где познакомились с иеромонахом

Модестом, сопроводившим нас по пещерным храмам. Когда мы поделились с ним, что намерены теперь отправиться в Сергиев Посад, так как туда пригласил нас игумен Виссарион (Остапенко), отец Модест очень обрадовался. Оказалось, что он знаком с духовной поэзией старца, да и родом-то тот как раз с Полтавщины.

Вернувшись в Россию и переночевав в Курске, на рассвете отправились в заветную сторону Сергиева Посада. По пути навестили Задонский край, чтобы почтить память моего папы Анатолия и бабушки Марфы с дедушкой Ефимом. Папа всегда хотел окончить земной путь именно на Родине. Так и случилось в 1995 году. Жили мы на ту пору уже в Санкт-Петербурге, переехав в Россию из Таллина из-за треволнений перестройки. В то далекое лето отец находился в родительском доме, который служил нам дачей, и на Преображение скончался от инфаркта. Вот в какой день призвал его Господь...

Уже после смерти отца, бывшего офицером советской армии и, ясное дело, коммунистом, я узнала, что он ещё в начале восьмидесятых ратовал за восстановление в его родном селе Задонского района Бутырках разграбленной церкви. А ведь в то время можно было серьезно поплатиться за такие «идеи». Но отец смело обращался в местные газеты и организации... Кстати, при произнесении названия села у многих может родиться вполне стойкая ассоциация с названием печально известной московской тюрьмы. На самом же деле «бутырки» это — небольшое селение, стоящее на отшибе и отделённое от большого населенного пункта полем или лесом. Такой топоним нередок в России...

Сегодня белокаменный храм во имя Архангела Михаила встречает вас у трассы, стоя в центре села, а папу в нём поминают на службах. И, может, неспроста у бабушки Марфы, родившей тринадцать детей, в красном углу горницы всегда стояли иконы? Всегда. Несмотря на богоборческое советское время...

В Бутырках мы хотели заказать панихиду у могил моих родственников, но встретиться с настоятелем Михайловского храма игуменом Вадимом не удалось. Пустились на его поиски в Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, насельником которого тот являлся. Да и как не поклониться мощам Святителя Тихона Задонского, будучи рядом?

Отец Вадим оказался в отъезде, но нам посчастливилось познакомиться с игуменом Герасимом, которому и оставили записки для панихиды. И чудеса продолжились.

Услышав, что мы направляемся в Посад к отцу Виссариону, отец Герасим удивился совпадению. Оказалось, всего день назад он сам вернулся из Троице-Сергиевой Лавры, где встречался именно со старцем, останавливаясь у его духовного чада – священника Александра. Ответно изумились уже мы, ведь именно в гости к отцу Александру и ехали, познакомившись с ним также благодаря переписке с посадовцами! Складывалось ощущение, что сам игумен Виссарион, посылая друзей и помощников, духовно сопровождает нас в Лавру.

Если вы никогда не пробовали выехать из Москвы в летний вечер пятницы по МКАДу, то не испытали настоящего экстрима. Альпинизм, спелеология, спуски с аквалангом и фридайвинг – цветочки, по сравнению с этим «аттракционом»! А нас на нашем автомобильчике как раз и угораздило оказаться «в это самое время в том самом месте» по дороге в Сергиев Посад.

Питерцам к пробкам не привыкать. Но на Московской кольцевой автодороге при съезде на Ярославское шоссе в пятницу вечером творилось невообразимое. Вместо положенных рядов потоки машин образовали несколько дополнительных. Транспорт, нарушая все правила, шёл «впритирку». Мимо умудрялись проныривать «камикадзе» на мотоциклах. Москвичи спешили на волю из пут мегаполиса, а мы стремились на поклон к Сергию Радонежскому и на встречу с отцом Виссарионом.

По МКАДу «ползли» довольно долго. На Ярославском шоссе это безобразие продолжалось ещё некоторое время. Но вдруг внезапно авто-шеренги поредели, и наш автомобиль вырвался из плена! Он-то вырвался, а наши силы оказались на исходе. Пришлось остановиться у ближайшей заправки и не только заправить машину, но и поддержать себя двойным эспрессо.

Мимо в направлении дач-особняков-турбаз неслись лихие москвичи. Наконец и мы, передохнув, двинулись дальше. Являться в Посад ночью было неловко. Потому решили поначалу поехать в уже знакомый Ярославль, чтобы заодно повидать и этот полюбившийся нам город. Позже мы узнали, что друзья из Сергиева Посада готовы были принять нас в любое время.

К четырем часам ночи до Ярославля, с Божьей помощью, докатили, разместились в гостинице и рухнули спать. Этот долгий, почти суточный дорожный перегон от Курска до Ярославля с заездом в Задонский край был самым сложным за всю нашу историю путешествий. И верится, что благополучно преодолеть его помогли именно молитвы наших друзей и близких.

В Сергиев-Посад по предварительной договоренности по телефону отправились в воскресенье. В доме священника Александра нас уже ждали. Отец Виссарион также был там.

Я вспоминаю эти события, когда батюшки уже нет с нами. В тот августовский день мы с мужем получили духовный подарок – возможность лично пообщаться с мудрым старцем-монахом, много претерпевшим в жизни и от фашистов, и от советской власти, перенёвшим массу искушений. Кстати, игумен Виссарион (Великий-Остапенко) – духовное чадо архимандрита Кирилла (Павлова). Также он был дружен и с архимандритом Наумом (Байбородиныным). Подобно им батюшка являлся ревнителем чистоты православия.

Встреча с новым человеком для меня подобна посещению доселе неизведанной планеты. В батюшке меня сразу привлёк

проникновенный ласковый взгляд, которым он одарил наше появление. Священник словно рассматривал души двух путешественников, наконец-то материализовавшихся после годовой Интернет-переписки. Один взгляд, и ты приголублен, принят.

Удивительно осознавать, что перед тобою – лаврский молитвенник, поэт, каждая строчка стихов которого лично духовно-опытно пережита. И встреча с ним вот сейчас подарена тебе, тоже слагающему стихи человеку.

За трапезой в тот день собрались гостеприимные отец Александр с матушкой Риммой, отец Виссарион и его келейница Ольга, Андрей, уже знакомый нам по приезду в Петербург, и мы с мужем. Непринужденно текла добрая беседа. Было ощущение, что находишься среди родных.

Отец Александр рассказывал о своём пути во священство из врачей, о переезде в Сергиев Посад из Петербурга, о дивной помощи Божией, происходящей по молитвам духовника – игумена Виссариона.

По предложению сотрапезников, я что-то почитала из своих стихов. Их приняли очень тепло.

Отец Виссарион в то время уже перешагнул рубеж девяностолетия и, заботясь о его самочувствии, все периодически спрашивали, не устал ли он, не хочет ли «домой» в Лавру. Но батюшка, заговорщицки поглядывая на меня, отвечал, что здесь-то он как раз и дома. Так мы и общались более четырех часов...

Батюшка Виссарион с любовью и почтением рассказывал о своей маме, которая в конце жизни также приняла постриг, а его духовный сын – отец Александр, близко знающий судьбу батюшки, поведал нам о явном Божием Промысле в ней.

Василий (мирское имя отца Виссариона) в 16 лет фашистами был угнан с родной Полтавщины на работы в Германию. Жить «восточным рабочим» приходилось в сырых бараках. Питались скудно. Другим иностранцам разрешалось

получать из дома пайки, а советским пленникам можно было надеяться лишь на Бога. Он и помогал...

Иногда их отдавали «напрокат» местным фермерам для выполнения сельхозработ. Однажды Василий попал к престарелому немцу. Тот, приведя к себе трёх выбранных им рабочих, неожиданно посадил их за стол и сытно угостил. Поначалу те решили, что их подкармливают, чтобы они потом лучше работали. Но после обеда хозяин распорядился: «Теперь отдыхайте». Как выяснилось, этот немец был военнопленным в России при Первой мировой войне. Оттуда и русский язык знал. Он всегда помнил хорошее отношение к себе и считал, что русские – самый добрый христианский народ. Потому и он подарил этот добрый день советским пленникам.

В конце войны Василий попал на металлообрабатывающий завод города Золинген, который при освобождении страшно бомбили американцы. Юноша чудом остался жив. Он не последовал предложению уехать в США, хоть слышал пересуды, что пленные по прибытии в СССР подвергнутся репрессиям. Василий стремился домой, хотя и попал туда не сразу. Поначалу на год его отправили на восстановление Сталинграда в отряд, действительно сформированный из бывших пленных. Только после этого он вернулся к порогу отчего дома. По милости Божьей все его родные были живы.

Злоключения юности подорвали не только физическое здоровье Василия. Ощущался и душевный надлом. Не стремясь приладиться к обычной мирской жизни, он выбрал монашеский путь. Узнав, что Троице-Сергиева Лавра вновь открыта, Василий с благословения матери поехал туда, чтобы остаться в монастырских стенах.

В Бога отец Виссарион верил всегда. Вера помогла пережить немецкий плен и прочие невзгоды.

Был случай, когда его в лютую стужу спас от смерти случайный попутчик, отдав свой тулуп. Батюшка полагал, что

это был Иоанн Богослов, так как имел небесное откровение, объясняющее это предположение.

10 апреля в 1957 году в Трапезном храме Свято-Троице-Сергиевой Лавры Василий Евстафьевич (Великий-Остапенко) принял монашеский постриг с наречением имени в честь преподобного Виссариона Великого, чудотворца Египетского. Ему неловко было иметь такую звучную фамилию, потому он стал просто Остапенко.

Отец Александр рассказал нам и то, как они с матушкой Риммой чудом купили жильё и перебрались из Петербурга в Сергиев Посад. Всё случилось в точности по предсказанию духовника. Также хозяин дома поведал, что батюшка Виссарион не терпел праздности, всегда старался быть занятым, работал даже в поездках, привлекая к труду всех находящихся рядом. То вызывался огород кому-то перекопать, то что-то строить помогал... При его рассказе, отец Виссарион улыбался и согласно покачивал головой.

Незадолго до нашей встречи я прочитала книгу «Русь уходящая», составленную по рассказам митрополита Питирима (Нечаева). Книга произвела сильное впечатление, потому я и спросила отца Виссариона, знал ли он владыку. Оказалось, они были хорошо знакомы, к тому же митрополит Питирим даже за духовным советом к батюшке не раз приезжал. Отец Виссарион говорил о нём с большой любовью...

Для меня важно было побеседовать о поэтическом творчестве батюшки. Его стихотворные строки проникали в сердце, подспудно направляя мысли к небесному. Когда стихи пишет монах-молитвенник, то смыслы строк, сплетаемых рифмой, полезны и целительны. У игумена Виссариона есть циклы стихов о России, «Призыв к покаянию» и «Духовным чадам».

Оказалось, что стихи батюшка зачастую слагал экспромтом. Они словно бы рождались силой любви к ближнему. Стихотворение сразу читалось тому, кто нуждался

именно в этом слове утешения и вразумления. Порою сердечное соучастие батюшки в судьбе определенного человека рождало поэтические строки в некой обобщенности, звучащей в народных песнях и балладах...

Для меня его стихи подобны добрым семенам, которые дают благие всходы в душах постепенно. Именно так было, когда я впервые раскрыла его книгу. И теперь, когда речь заходит о Сергиевом Посаде, сразу вспоминается:

«Лавра святая, родная,
Как ты нам всем дорога» ...

Духовные чада батюшки, переписывая его стихи, брали благословение передать их знакомым и близким. Так постепенно сложился первый сборник...

Батюшку печалило, что в наше время поэзия не популярна, так как для её восприятия нужны время, тишина и уединение. А сегодня всё это – дефицит. Ему предлагали вступить в члены Союза писателей России, в другие писательские объединения. Кто-то даже активно вознамеривался заняться редакцией его стихов. Но как можно мирянину «редактировать» слова молитвенника? Все книги игумена Виссариона вышли благодаря духовным чадам, и я счастлива, что у меня есть эти сборники.

Главная особенность поэзии батюшки заключается в том, что каждая строчка пережита и опытно духовно прочувствована им лично.

Довелось батюшке послужить и на Афоне. После революции 1917 года общение с русским Пантелеимоновым монастырём на Святой Горе по понятным причинам прервалось. Но в конце 50-ых годов, при некотором ослаблении гонений на церковь в СССР и при потеплении отношений с Грецией, вновь появилась возможность там послужить. Несколько молодых монахов, в том числе и отец Виссарион, написали прошение на Афон. Но ход делу был дан лишь через 10 лет. На тот момент по разным причинам из всех,

прежде желающих отправиться на Афон, туда поехали лишь два инока, одним из которых и оказался батюшка.

Пантелеимонов монастырь был в заброшенном состоянии. В обители проживало лишь несколько стареньких монахов, поселившихся там ещё до революции 1917 года. Пришлось молодым инокам помимо длительных афонских богослужений взвалить на свои плечи все трудные работы. Кроме того, к «советским» приезжим старички-«аборигены» относились весьма скептически.

Для батюшки это был труднейший период. Он управлялся и с трактором, и с грузовиком, нёс послушание на кухне, при этом неукоснительно посещал богослужения и исполнял монашеское правило. Но тяжелее всего оказалась тоска по родине.

На Афоне он пробыл три года. Не справляясь с физическими нагрузками из-за, ещё в юные годы подорванного здоровья, он попросился обратно в Россию. Но началась волокита с документами, так как на Афоне советским монахам пришлось сменить своё гражданство на греческое. Ответственные органы СССР не торопились помочь. Да и случай с отцом Виссарионом должен был стать назидательным для других советских священнослужителей, думающих об Афоне.

Не дожидаясь разрешения конфликта, батюшка самовольно невероятным чудом вернулся в Сергиев Посад. За это его наказали – не приняли обратно в Лавру. Ясно дело, что решение шло не от священноначалия, а от светских властей. Государство не прощало «отступников», а человеческая судьба чиновников не волновала. Даже наместник был бессилен помочь, так как за церковь вёлся бдительный надзор. Несколько лет монаху Виссариону пришлось скитаться по разным людям, кое-как находить приют. Одно время он трудился на послушаниях и в Псково-Печорском мужском монастыре.

Но Господь хранил батюшку от уныния. Помогала ему и горячая молитва к Преподобному Сергию. Снося унижения и терпя горести при проживании в Загорске (Сергиевом Посаде), он не пропускал служб в родной Лавре. И по милости Божией его вернули в обитель.

Позднее в жизни батюшки произошло повторное «изгнание» из монастыря. Тёмные силы продолжали восставать против молитвенника. Вновь скитаться отцу Виссариону пришлось уже из-за катехизаторской деятельности, так как в советские времена за распространение слова Божия грозили серьёзные репрессии.

Однажды батюшка нёс послушание на раздаче святой воды в часовне. Общаясь с людьми, он отвечал на их вопросы о вере. В те годы невозможно было свободно купить Библию, Евангелие, другую духовную литературу. Вот священник и делился знаниями. Страх наказания его не останавливал. Сказано: «Научите все народы». Он и учил.

Власти про то прознали и велели священноначалию изгнать отца Виссариона из числа братии за его «религиозную пропаганду». Пришлось около пяти лет вновь мыкаться по чужим домам да как-то перебиваться.

В то время на него произошло разбойничье нападение. Пробив священнику голову, грабители так и оставили его лежать без сознания. Но он претерпевал все злоключения с твёрдой верой, что Господь поможет. И вот при новом наместнике Лавры Алексии (Кутепове) игумена Виссариона опять приняли в обитель. Последующие годы его жизни шли мирно в окружении любящих духовных чад. Сыграло роль и прекращение гонений на церковь.

Для отца Виссариона главным в жизни было уберечь людей от духовной пропасти и пороков. Он исполнял это своими молитвами, стихами, проповедями, поступками, стараясь осветить светом Евангельской Истины узкую тропинку, ведущую меж греховных скал. Батюшка старался помочь людям уверовать, что Бог всегда рядом:

Держитесь Церкви Православной,
Как было в древние века,
Где к цели истинной и главной
Ведёт Всевышнего Рука.

Даже в весьма преклонных летах отец Виссарион находил силы общаться с духовными чадами. Их у него было множество и в России, и за рубежом.

Самоукорение лежало в основании всех его духовных деланий: борьбы со страстями и стяжания добродетелей. Самоукорение и молитва были универсальным оружием, которое он применял в этой брани.

В опыте современных афонских подвижников просматривается преемственность святоотеческой традиции, которая в Греции сохранилась в большей мере, чем в пережившей в XX веке гонения на церковь России. Афоняты, ученики преподобного Иосифа Исихаста, наставляли, что самая сильная, нерассеянная молитва бывает при сокрушении сердечном. Они называли её «исповедательной». А такой настрой даёт именно самоукорение.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) также упоминал об исповедательной молитве как самой сильной, проистекающей из всего существа человека: «При обильном действии молитвы Иисусовой все силы души, самое тело, принимают участие в ней. Умиление сердца делается тогда настолько сильным, что оно названо исповеданием».

Преемником этой святоотеческой традиции, делателем самоукорения и плача и явился игумен Виссарион (Остапенко). В монастырской жизни он отличался духовной твёрдостью, рассудительностью, крайней неприхотливостью в быту, терпением и нестяжательством. Живя в небольшой келье, всё даримое и приносимое он раздавал бедствующим и неимущим, говоря про себя «многогрешный раб Божий».

В своих наставлениях батюшка предстаёт опытным подвижником в духе древних преподобных отцов, добрым и милостивым пастырем, полагающим «душу свою за овцы

своя». Основа этой святоотеческой аскетики – Божественная Любовь, чаемый дар Христа каждому спасающемуся. Путь к ней – путь покаяния, слёз, самоукорения, непрестанной молитвы, самозабвения в служении любви.

Несмотря на жизненные передраги, отец Виссарион до глубокой старости сохранил оптимизм и чувство юмора, чему мы сами были свидетелями.

Время нашей встречи пролетело незаметно. В конце трапезы Батюшка благословил конфеты, лежащие в хрустальной вазочке, и своей рукой раздал их нам. Потом вдруг грустно вздохнул: «Сегодня-то мы с вами так хорошо вместе сидим, а вот завтра» ...

Только через полгода мы с мужем поняли смысл его слов. – Игумен Виссарион духом прозрел трагедию Майдана, которая произойдет на родной ему земле...

А в тот вечер Андрей подвез всех на своём микроавтобусе в Лавру. Ольга сопровождала батюшку в келью, а мы с супругом отправились к мощам Преподобного Сергия. С того дня со мною осталось благословение отца Виссариона на литературное творчество. Оно очень поддерживает.

При воспоминании о старце, его внимательном взгляде, тихом, но твердом голосе душа освещается весенним, воскрешающим солнцем. Неспроста именно в это время года случались главные события в судьбе батюшки:

19 марта (1924) он родился; 29 марта (1945) освобожден из фашистского рабства; 16 марта (1957) подал прошение о постриге в монахи; 24 апреля (2014) во время посещения Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Святейший Патриарх Кирилл наградил отца Виссариона «во внимание к усердным трудам на благо Святой Церкви и в связи с 90-летием со дня рождения» орденом преподобного Сергия Радонежского III степени.

И вот 12 марта в 2015 году на 91-м году жизни Господь призвал батюшку в селения Свои.

Весна – время Пасхальной радости, пробуждения природы, окрыления наших мыслей, поэтического вдохновения. Недаром, родившийся в марте отец Виссарион говорил о себе, что он – счастливец, что Господь всегда рядом с ним. Я бережно храню в памяти эту драгоценную встречу и слова из стихотворения батюшки:

Православным хочу быть поэтом,
Чтоб посредством духовных стихов
Отвращать христиан от грехов...

Это знакомство помогло утвердиться в мысли, что слова, зовущие читателя стать немного ближе к небу, нужны и полезны всегда.

После кончины отца Виссариона некоторые его духовные чада приняли монашеский постриг. Мы встречались с отцом Александром, а ныне – иеромонахом Сергием, уже в Задонском монастыре, где он теперь служит.

В 2020 году, благодаря содействию объединения православных ученых, вышла моя книга «Ближе к небу» с очерками о священниках, чей земной путь уже окончен, но память о которых жива во многих сердцах. В этой книге также представлен рассказ и об игумене Виссарионе.

По материалам X Международных Пюхтицких чтений вышел сборник научных трудов, куда вошла и статья ««Ближе к небу»: «биографический метод в раскрытии судеб современных православных священнослужителей», написанная мною в соавторстве с кандидатом педагогических наук Тамарой Александровной Берсеновой, одной из рецензентов книги «Ближе к небу». А ведь именно о Пюхтицах у батюшки Виссариона есть стихотворение, которое очень близко мне:

...Стоит чудесная обитель
В эстонском северном краю,
Где Православия ревнитель
Приют находит, как в раю...

И до сего дня продолжается история той давней встречи, промыслительно предопределенной ещё в Николо-Клобуковском женском монастыре Кашина. Я верю, что игумен Виссарион, отойдя ко Господу, молится у Его престола о мире и братской любви для нас, земных.

2022 год

ПОДАРОК НА КРЕЩЕНИЕ

Июль 2004-ого года. Моя подруга Надежда приняла крещение. Я присутствовала при этом таинстве и в какой-то мере ощущала себя её восприемницей, хоть при крещении взрослого человека крёстные и не нужны. В честь такого события вполне логично было провести грядущий отпуск в какой-нибудь паломнической поездке. Решение пришло само по себе. Случайно встретилось заинтересовавшее нас обеих объявление. Сделали звонок в паломническую фирму. Сроки поездки замечательным образом совпадали с нашим кратким инженерным полуотпуском – двумя неделями, которые удалось «выцыганить» летом.

Утро дня отъезда выдалось мрачным. Моросил традиционный питерский дождь. Экскурсионный автобус должен был отправляться от Казанского собора. Присущее нам обоим чувство гиперответственности, пригнало нас на Канал Грибоедова к собору первыми из всей группы. Лишь минут через двадцать начали собираться остальные попутчики. Подкатил автобус. Места на билетах были указаны, и никто не спешил «на штурм салона».

Паломничать с группой мы ехали впервые. Сразу заметили, что все женщины придерживались православного «дресс-кода» – длинные юбки, шарфики-косыночки. А ещё наше внимание особо привлекла пара священника и его спутницы. Как мы потом узнали, батюшка был с супругой – матушкой Мариной. Обоим на вид – около тридцати. Батюшка

в облачении, с иерейским крестом на груди, был отмечен какой-то духовной спокойной красотой: длинные вьющиеся волосы, обрамляющие высокий лоб, тонкие черты лица, голубые чистые, лучистые глаза: «Словно с иконы!» – подметила Надя. Матушка Марина была в длинном зелёном платье, замечательно сидевшем на её ладной фигуре. Стройная, улыбчивая, светлая... В автобусе они расположились на первых сидениях.

Перед тем, как водитель завёл мотор, групповод произнесла в микрофон: «Дорогие братья и сестры, познакомьтесь с отцом Александром. Он станет окормлять нашу поездку. Они с матушкой – гости нашего города, а сами – из Красноярска».

Отец Александр учтиво всем поклонился, затем повернулся лицом к иконе, установленной на лобовом стекле автобуса, перекрестился и начал неспешно читать тропарь Николаю Чудотворцу. Все тоже перекрестились. Автобус тронулся.

Священники вызывали у меня особое чувство с детства. В моём отношении к ним не было лицемерного заискивания, страха или стыда. Они меня интересовали не ради праздного любопытства, а из желания послушать этих, как казалось уже тогда, самых мудрых людей, поговорить с ними. Что-то родное было там, в церковной стороне. Душе моей рядом с батюшками было безопасно.

Так, на всю жизнь осталась памятной светлая улыбка Таллинского протоиерея Владимира Залипского. Краткие мгновения общения, благословение, добрый пастырский взгляд, и чудесное сердечное тепло у тебя в груди.

Я встречала множество отзывов о приснопамятном отце Владимире, почившем 23 февраля в 1997 году, среди которых есть воспоминание одного диакона: «С ним послужишь, а потом долго ни с кем служить не можешь. Ощущаешь, не то что-то... Нет такой правды и искренности в молитве у других,

как у бабушки». «Его голос силен кротостью», – говорили о нём. Такой вот священник окормлял моё детство...

И ещё воспоминание. Напротив моего пятиэтажного дома располагалась скорбящая церковь. Мы с девочками частенько бегали туда к прабабушке моей подружки. Прабабушка была старенькая, девяносто лет. Она в силу своих возможностей помогала по храму, а в тёплые денёчки просто сидела близ церкви на скамеечке, вязала носки или пряла пряжу. В церкви пахло ладаном. Свечки приветливо поблёскивали. На стенах золотились иконы с ликами святых угодников. Здесь-то меня и крестила моя бабушка в раннем детстве. Не так давно я выяснила, что в то время в храме служил протоиерей Николай Когер, человек удивительной, непростой судьбы.

Летом родители увозили меня в Костромскую область к бабушке – моей крёстной. В её крохотной однокомнатной квартирке, перегороженной русской печью, отделявшей малюсенькую кухню от горницы, было много икон. Бабушка зажигала лампадку или свечи и подолгу молилась. Бог даровал мне эти детские впечатления, ведь именно они – самые сильные в жизни. Вот и осталось в памяти всё церковное связанным с радостью, со сказкой и защищённостью. Поэтому все и всё, кого и что я мысленно присоединяла к этой стороне моей жизни, были мне отчётливо нужны, примагничивали, как родное и необходимое.

И вот теперь – отец Александр и матушка Марина! До этого дня общаться с матушками мне не приходилось. Разумеется, у белого духовенства есть жёны, чья жизнь протекает не напоказ, а прикровенно, но ведь именно они – самые верные друзья и помощницы своим супругам. Матушка Марина нам понравилась с первого взгляда.

Из Питера автобус мчал по Московской трассе. Тогда ещё не было таких пробок, как в наши дни, поэтому автобус мог именно «мчать». Руководитель группы, обозначив план действий на ближайшее время, передала слово экскурсоводу.

Он представился: «Сергей Геннадьевич Фирсов, можно просто – Сергей».

Через несколько минут мы поняли, насколько правильно был сделан нами выбор поездки. Сергей оказался талантливым экскурсоводом. Его рассказы, пересыпаемые случаями из жизни, шутками, стихами, историями, увлекали всех. Помню, как во время одной из «зелёных стоянок», когда можно было выйти из автобуса, походить, размять ноги, а кому необходимо – и отойти по вполне определённой нужде, одна девушка из нашей группы бежала из леса к автобусу с криком: «Сергей! Подожди, молчи, не начинай без меня говорить!» Конечно, мы все посмеялись от души.

Остановка в Ижицах. Святой источник во имя Казанской иконы Божией Матери. По поверью и реальным свидетельствам, здесь обретают помощь страждущие глазными недугами. Память дарит картинки:

Поднимаемся среди сосен на угор, потом, спускаясь по склону, ведём отчаянную борьбу с комарами. Подходим к источнику. Течёт, течёт целительная вода по железному желобку. Набираем бутылочки, омываем лица, и душа светлеет. Удивительное место. Сегодня там всё достойно оборудовано для паломников: купальня, часовенка, стол со скамейками, чтобы путники могли отдохнуть за трапезой. А в том далёком 2004 году – только водичка по желобку. Ледяная, живая, врачующая.

Следуя далее по земле Новгородской, мы оказались в селе Короцко на родине Святителя Тихона Задонского, епископа Воронежского. В миру этот великий Божий угодник носил имя Тимофей Савельевич Соколов, при рождении Кириллов. Новую фамилию — Соколов, он получил в Новгородской духовной семинарии. На Короцком погосте находятся могилы его родителей Саввы и Домникии.

Путь к кладбищу пролегал мимо некогда великолепной Покровской церкви, построенной в 1825 году, которую настоятельница Иоанно-Предтеченского Леушинского

монастыря, игуменья Таисия (Солопова) при посещении этих мест назвала «светочем Короцка села». Здесь же торжественно отмечалось прославление Святителя Тихона. Этот, беспощадно разрушенный советскими богоборцами, храм и сегодня ещё не восстановлен. По дороге мне вспоминались слова гениального Достоевского из его письма Майкову, что именно Тихон Задонский «составляет русский положительный тип, который ищет наша литература» и что именно Тихона он «принял в своё сердце давно с восторгом».

Добро рождается добром, любовь рождается любовью. На воспитание боголюбивой души будущего святого изначально повлияли его благочестивые родители. На месте их захоронения в 1892 году была устроена часовня. Надпись на жестяной доске гласила: «Здесь погребены рабы Божии Савва и Домника, родители свт. Тихона. Господи, упокой их и сродников их в Своем Царствии». Часовню также уничтожили после революции 1917 года, но место захоронения утрачено не было.

Время нашей паломнической поездки совпало с 270-летием со дня рождения Святителя Тихона. В тот 2004 год над могилой его предков по благословению архиепископа Новгородского и Старорусского Льва возводилась новая часовня. Свидетелями начала этих трудов нашей группе и посчастливилось оказаться. Сегодня здесь можно вновь помолиться и вспомнить, что *«На сем месте погребены родители Тихона епископа Задонского Савва и Домника»*.

После Короцко окончательно распогодилось. Улыбнулось, наконец-то, заспанное солнышко. Руководитель группы предложила сделать остановку, чтобы искупаться в озере. Идея была с восторгом поддержана. Возвращаясь по лесной тропинке к автобусу, мы с подружкой собирали цветочки, срывали землянику. Смотрим, а за нами следом идут отец Александр с матушкой. Я тогда видеокамеру с собой брала, много снимала. Вот и остались эти кадры, и голос моей подружки: «Батюшка с матушкой идут, ягодки в ладошках

несут». От четы Масловых веяло добротой и лаской. Мы невольно ими залюбовались. Когда они поравнялись с нами, то разговор завязался сам собой, и мы мгновенно сдружились.

Вспоминаю, что позже при наших разговорах с матушкой узнала от неё интересную историю, как в детстве она ходила с братом в сибирский лес по ягоды:

«Вышли мы на полянку – благодать кругом! Сели на травку отдохнуть, птичек заслушались и не заметили, как уснули. Вот родители-то нас потом поискали!» «Птичек заслушались», – эхом отозвалось в моей душе. Жизнь в Питере сумасшедшая, напряжённая, нервная. Все куда-то бегут, опаздывают, волнуются. Вот и было мною до этого разговора начисто забыто «про птичек». А матушка Марина всколыхнула нечто тёплое в моей душе своим нехитрым рассказом.

Наша поездка продолжалась. В Тверской области, в древнем селе с необычным названием Выдропужск, произошло первое для меня омовение в святом источнике. Тот источник был именован в честь святого Георгия Победоносца. Помню свой страх перед ледяной водой, обжигающий холод при погружении и ощущение удивительной лёгкости потом. Но самым ярким впечатлением от остановки в Выдропужске стало посещение восстанавливаемой протоиереем Георгием Ивановичем Беляевым церкви во имя Смоленской иконы Божией Матери.

Священник встретил нашу группу радушно. Мы приложились к иконе Божией Матери Одигитрии, именуемой Выдропужской. После молебна была трапеза. И несмотря на то, что ужинали мы в ещё только восстанавливаемом помещении, атмосфера была так сердечна, что спустя много лет о ней остались самые уютные воспоминания.

Отец Георгий рассказал о своём необычном приходе во священство из органов МВД по данному Богу обету, о первых шагах служения в этом храме. Поначалу ему приходилось литургисать, когда прихожанами были только его матушка и младенчик-сынишка в коляске.

Сложно было после долгого безбожного периода сердцам местных жителей вновь открываться Богу. Порой кто-то из них то ли дурной шутки ради, то ли от злобы бесовской бросал в купель святого Георгиевского источника битые бутылки из-под водки. Вот священнику и приходилось доставать осколки, подолгу стоя босым в ледяной воде... Но он верил, что получится возродить и храм, и колокольню, что потянется народ в церковь...

В тот день из уст выдропужского батюшки я услышала замечательное выражение: «Дочка, помни, кто как молится в жизни-то, тот так и живёт». Ох, как это верно, как правильно!

Воспоминаниям о Выдропужской Богородичной иконе созвучна теперь и старинная поговорка, которую также рассказал отец Георгий: «Где я не бываю, где я не летаю, а Выдропужск спасала и спасать буду».

Далее мы отправились в Тверь, потом – в Сергиев Посад, затем поехали в дотоле совершенно неизвестный для меня город Александров. Там мне запомнилась монахиня Вероника из Успенской обители. Она сопровождала нас в келью преподобного Корнилия и раздала каждому освещенные сухарики.

Новый мир открывался перед нами. Мир, где жизнь течёт по иным, «внемірским», законам. Я впервые увидела монашескую келью – маленькую комнатку, где подвизался святой. Красный угол с образами, лавка, стол, простые плетёные половички... Много ли надо человеку в жизни? Мы вот всё завидуем чужому достатку, сами чего-то постоянно копим, квартиры покупаем, дачи, машины. А тут – простая комнатка, а в ней сердцу хорошо настолько, что уходить не хочется...

Далее посетили Суздаль, Владимир, Боголюбово. И везде – своё, русское, благодатное...

Во Владимире настоятель Успенского собора, благословив нашу группу, подвёл всех к иконе Владимирской Божией Матери. Он рассказал, что это – список с образа, созданного

апостолом Лукой и теперь хранящегося в Никольской церкви Третьяковской галереи в Москве. Но и список сей чудотворен.

– Я порой замечаю, что стоит кто-то перед этой иконой, рыдает, молится. Значит – беда у него, о милости Пречистую просит. Проходит время. Снова этот человек в храме, снова плачет у иконы, но уже – от счастья, плачет и благодарит...

Каждый день мы посещали храмы и монастыри, были на литургиях. Конечно, случались в поездке, как говорится, и искушения. Но это всё – мелочи, словно случайные камешки, попавшие в обувь. Остановился, вытряхнул и иди дальше по той удивительной дороге, что подарена тебе сегодня.

Удивительный случай произошел в Боголюбово. Прибыв туда, мы сразу отправились к храму в честь Покрова Пресвятой Богородицы, стоящему над рекой Нерль. Я в нём бывала ещё в студенческие годы и уже тогда всем сердцем полюбила навсегда.

И вот ранним утром мы неспешно шли по тропинке посреди заповедного луга. Других организованных групп паломников, да и самостоятельных пилигримов видно не было. Солнышко ласково светило, ветер угощал ароматом разнотравья. Над лугом, в необъятном для взора лазурном небе, лишь кое-где парили невесомые облачка. Подойдя к реке, мы остановились напротив Покровского храма на высоком берегу. Экскурсовод Сергей рассказывал о князе Андрее Боголюбском... Помню, как глянула на батюшку Александра, который сосредоточенно смотрел в небо и, видимо, молился... Вдруг он прервал Сергея возгласом: «Смотрите»!

Мы подняли взоры к небу... Поначалу все застыли оторопев, а через мгновение, когда оцепенение от увиденного прошло, стали хвататься за фотоаппараты, видеокамеры... Прямо над нами, стоящими на холме напротив Покровской церкви, облака на синем небесном холсте слились в явный силуэт женщины, держащей покров и православный крест!

Это реальное чудесное видение продолжалось недолго. Вскоре облака рассеялись...

К храму уже направлялись стайки туристов-паломников, а мы всё не спешили покидать место, над которым только что вся наша группа, в которой было порядка пятидесяти человек, наблюдала удивительное. Мы смотрели друг на друга и улыбались. Глаза были влажные.

Что это? Благословение? Небесный Покров у Покровского храма? А групповой галлюцинации быть не могло? Кто ответит, да и надо ли знать все ответы? После поездки мы созванивались с некоторыми паломниками. Оказалось, что ни у кого фотографий и видео того небесного явления над Нерлью не получилось. Сдали и мы с Надей свою фотоплёнку на проявку. На негативе было видно, что «там что-то есть», но в ателье именно этот кадр перед печатью фотографий забраковали. Мы попросили его всё равно напечатать, и... У нас есть эта фотография!

После Боголюбово следовали Муром, Дивеево, Санаксары...

В Муроме в старинном Троицком соборе Свято-Троицкого женского монастыря мы с подружкой причастились. После службы, вдыхая медовый аромат восковых свеч, приложились к мощам святых Петра и Февронии, покровителей супружества. Запомнился мне и Николо-Набережный храм, называемый в народе «Никола Мокрый» в силу того, что во время весеннего половодья Ока вплотную подступает к возвышенности, на которой он стоит. Именно там с 1991 года находились мощи святой Иулиании Лазаревской, реальной героини классического произведения древнерусской литературы «Повести о Иулиании Лазаревской». Написано оно было сыном праведницы – Каллистратом (Дружиной) Осорьиним (с 2014 года мощи святой пребывают неподалеку от Мурома, в Михаило-Архангельском храме села Лазарево).

У окормляющего нашу группу отца Александра я впервые побывала на исповеди именно в Муроме. Чая причаститься у

мощей Петра и Февронии, мы с Надеждой накануне вечером отправились к нему «расквитаться с грехами». Матушка Марина на это время из их гостиничного номера выходила и понимающе ожидала на диванчике в коридоре. Принимал исповедь отец Александр неспешно, внимательно, очень бережно... А это в то время было очень важным для меня – человека верующего, но ещё испытывающего неловкость перед незнакомым священником.

После разрешительной молитвы, у нас с батюшкой как-то сам собой завязался разговор. Выяснилось, что мы оба имели психологическое образование. Вот и потекла «беседа коллег». Когда я вышла из номера, то Надежда с матушкой и несколько подошедших на исповедь наших согруппников с сочувствием посматривали на меня. Мол, видимо совсем «великая грешница», раз так долго каялась...

Приехать в Дивеево мы подгадали к вечеру тридцать первого июля, накануне дня обретения мощей Серафима Саровского. Народу – море! Священники и миряне, взрослые и юные, стар и мал. На окраине села для паломников был разбит огромный палаточный лагерь. Наша группа расположилась в частном секторе. Оставив вещи, все отправились на святую Богородичную канавку.

Ещё в начале поездки отец Александр рассказывал, что по Дивеевской канавке надо пройти, читая молитву «Богородице Дево радуйся» 150 раз по заповеди самого преподобного Серафима Саровского. А как считать эти молитвы, ведь чётко-то на ту пору у меня не было? Вот и пришла в голову находчивая мысль смастерить их из подручных средств.

С этой целью мы с Надеей приобрели в Муроме по паре беленьких шнурков для обуви и ободрав куст шиповника на одной из «зелёных стоянок» нанизали на них ягоды-бусины: по 10 штук – на один, по 15 – на другой, закрепляя каждую узелками. Получилось по паре четок для каждой, которые выглядели довольно оригинально и даже мило. Я себе эти чётки-самоделки сразу намотала на запястья. Увидев «плоды

моего рукоделия», отец Александр пошутил: «Ну, всё, Наташа, примут теперь тебя монахини за ворожею, в монастырь не пустят». Посмеялись от души.

А на канавке эти «шнурочки» мне очень дажегодились. Помню, как ощутила, что в моей жизни совершается нечто значительное, когда с первым шагом по заветному пути произнесла и первую молитву: «Богородице Дево, радуйся...».

Люди двигались по канавке неспешно, не мешая друг другу пребывать наедине со своей душой, просить милости у Богородицы. Здесь уже не до компаний, не до групп. Все были самостоятельны. Лично сами предстояли перед небом, молились о сокровенном.

Передо мной шёл высокий монах с длинной ниткой четок. Он перебирал их ровно, ритмично. Вокруг стояла тишина. Удивительное дело: в монастыре – масса народа, за Богородичной канавкой жизнь кипит, уже и всенощная началась (службу из храма транслировали прямо на улицу). А здесь – тишина и умиротворение. Тут – присутствие Её, Пречистой. Колокольная подсвечена лучами заходящего солнца. Вспархивают стайки голубей. Идут люди. Течёт молитва.

Одной рукой я перебирала на шнурке с 15 шиповничками по одной ягоде за каждую прочитанную молитву, а другой отсчитывала десятки на 10-ти ягодном шнурке. И удалось мне тогда прочесть Богородичное правило не 150, а 300 раз. (Кстати, те мои первые чётки до сих пор бережно сохраняю).

У конца канавки нас с Надей поджидали батюшка с матушкой. Когда мы подошли к ним, отец Александр с юным задором произнёс: «Знаете?! Я же молитву целых 300 раз прочёл!» «И у меня столько же вышло!» – подпрыгивала и я от радости. Окружающие люди с укоризной посматривали на наше с батюшкой странное веселье. И тут мне вспомнилось, что сам царь Давид-псалмопевец от восторга и любви к Богу мог приплясывать и петь Славу Ему. Вот и мы с отцом

Александром искренне выражали счастье быть в гостях у Господнего друга – преподобного Серафима!

Потом всю ночь стояли в длинной очереди в собор, чтобы приложиться к мощам великого Божьего угодника. Непрерывно звучал акафист и молитвы преподобному Серафиму. Наша группа поддерживала друг друга, одним давая возможность сходить окунуться в источники, другим, кто не собирался причащаться на литургии, отойти, чтобы перекусить. Мы с Надей тоже решили купить пирожков. Оказавшись за стенами монастыря, направились в сторону уличных кафе-палаток. Народ «отдыхал» и там. На столах стояли распитые бутылки, звучала громкая, зачастую бранная речь, гремела музыка. Было ощущение, что ты пересёк незримую границу, отделявшую ставший уже родным и понятным тебе православный мир от мира иного, чуждого, недужного. Жизнь для меня в тот момент словно разделилась на «там, в монастыре» и «здесь, не пойми, где». И непреодолимо захотелось вернуться «туда».

К мощам Преподобного мы приложились уже на рассвете. Запомнилось лицо монахини, нёшей послушание у раки. Сосредоточенное, серьёзное, строгое. Я в своих чётках-самodelках с кучей иконок в руках, часть которых сама приобрела для подарков близким, и тех, что меня просили приложить к раке другие люди, поклонилась Преподобному и припала к его святым мощам. Мгновение, и надо уступать место следующему паломнику...

На следующий день состоялась поездка в Санаксарский Рождество-Богородичный мужской монастырь, где, незадолго до нашего визита, в 2001 году почил старец Иероним. Побывали мы на его могилке, почтили память священника.

В этой обители главными святынями, конечно же, были мощи преподобного Феодора, преподобного Александра-исповедника и первого канонизированного адмирала Феодора Ушакова, причисленного к лику святых в 2001 году на местном уровне Саранской епархии (решение об

общецерковной его канонизации было принято в 2004 году). Впервые в истории христианства был прославлен флотоводец. Память праведника почитается 15 октября (день кончины) и 5 августа (день прославления).

Монастырская всенощная казалась нескончаемой. Кто-то выходил во двор, чтобы посидеть на лавочках. Вот и мы с подругой тоже... Что поделать – немощные... Повсюду витал запах свежееиспечённого хлеба. Как удержаться? Поспешили к ларьку... Буханки горячие, аппетитные! Вернулись на службу уже к елеопомазанию.

Садимся в автобус, задаренные впечатлениями. Душа всласть напиталась благодатью, и эта благодать, переполняя сердце, светилась во взглядах, ощущалась в тихих беседах. Ты словно за пазухой у Господа!

Возвращаясь из Санаксар в Дивеево, направились на источник святого Серафима. Наш экскурсовод рассказывал случаи явлений преподобного старца солдатам, охранявшим в советские годы источник от верующих посетителей, о чудесных исцелениях. А я, подвернув накануне ногу и натрудив её за день, всё думала, долго ли придется идти? – Щиколотка сильно опухла.

Доехали затемно, но путь к озерку был хорошо освещён. Отец Александр предупредил, что источник преподобного Серафима очень холодный. Температура воды не выше 4 градусов.

Плеться в хвосте группы, наконец, и я доковыляла до цели. Все уже передевались в рубахи для погружения в святой источник. Помня по Выдропужску свой первый опыт омовения, засомневалась. Ужасно боюсь холода, а тут вода почти ледяная – окунаться или нет? Но как-то по инерции следом за всеми и зашла в воду. Ноги моментально свело. Собрав остатки «женского мужества», перекрестившись, окунулась три раза с молитвой: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»!

Всё, всё, выбегаю!

Это я потом сообразила, что «выбегаю», а ещё минуту назад и наступить-то на ногу, не морщась от боли, не могла. Опухоль исчезла совсем... Недаром батюшка Александр рассказывал: «Люди, кто с верой окунаются, здесь потом очки оставляют, костыли – из-за ненадобности».

После окунания мы с Надеждой радовались как дети малые... Наскоро переодевшись и стоя около источника, вдруг услышали: «Матушка, это ты плещешься?» Оглянулись и увидели, что неподалеку от нас отец Александр супругу поджидает, а она смело трижды заныривает с головой! Батюшка помог ей выйти из воды и бережно обернул полотенцем. Красота их отношений, словно чудесный цветок, раскрывалась на наших глазах.

Поездка близилась к завершению.

Когда автобус уже подъезжал к Петербургу, отец Александр мягко предупредил: «Вы, мои дорогие, сейчас такие счастливые, радостные, только прошу, как вернётесь, не обрушивайте сразу «всю эту благодать» на ваших ближних. Мы-то её постепенно, больше недели копили, а они могут оказаться не готовы к такому».

Признаюсь, я не раз потом вспоминала эти мудрые слова священника! Немало дров было наломано от своего порой чересчур бурного излияния духовных восторгов на знакомых. Вот и приходилось пожинать плоды-обиды на них – не понявших, не дослушавших, не разделивших...

А тогда мы возвращались домой и были радостны духовной радостью, счастливы немирским счастьем. Прибывали в Петербург с благодарностью Богу за поездку, ставшую настоящим подарком Надежде в честь её крещения, ну и мне, как восприемнице моей взрослой подруги-крестницы.

Всё в жизни стало проще. Всё в России оказалось ближе. Появились и вошли в мою жизнь удивительные красноярские друзья.

Открылись чудесные ворота, словно опять очутилась я в том моём скорбящем Таллинском храме из детства, где иконочки с добрыми ликами, свечечки с огонёчками и ладаном веет.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СОБОРЫ-ВОИНЫ

Наша семья переехала в Петербург из Таллина в годы перестройки. Ощущения родства с огромным, часто хмурым дождями городом, поначалу не было. Но постепенно оно всё же начало возникать благодаря знакомству с петербургскими православными храмами, чья история неразрывно связана с жизнью России, её горестями и радостями, блестящими победами и скорбными страницами.

Петербург начал открываться по-иному, в духовном плане, уже в величии светлой приставки «Санкт» к своему имени.

Соборы Санкт-Петербурга представляются мне доблестными воинами, правдивыми свидетелями минувших лет, разделившими с целыми поколениями все перипетии в судьбе России. Иногда мы с мужем посещаем службы в разных храмах, устраивая себе таким образом небольшие паломничества. Этот рассказ о славных петербургских соборах, дорогих сердцу моему.

Князь-Владимирский

Люблю этот величественный собор, духовно объединяющий Санкт-Петербург, Москву Первопрестольную и древний Киев-град. Родство это просматривается в том, что первоначально он был именован Успенским, напоминая о Большом Успенском соборе Московского Кремля и подчёркивая «столичный статус» зарождающегося города на Неве.

Сама традиция строительства соборов в честь иконы «Успение Богородицы» восходит к Киевской Руси (1073 г. – Великая церковь в Киево-Печорском монастыре). Продолжилась она во Владимире и Москве.

До принятия современного облика собор пережил много испытаний и стал свидетелем исторических событий в Империи. Так в 1740 году по воле Анны Иоановны близ первоначально мазанкового Успенского собора на Мокруше начинают строить новый, уже каменный, храм по проекту Трезини. Только вот задуманное прервал дворцовый переворот, поднявший на русский Престол Елизавету Петровну.

Через семь лет дочь Петра вспомнила об Успенском соборе и повелела создать его не как первоначально задумывалось – одноглавым, подобным Петропавловскому, а пятикупольным как в Москве. Только и этот проект стал осуществляться лишь при Екатерине II.

Собор возвели к 1772 году, и он занял парадное место в панораме, открывавшейся из окон Зимнего дворца. В том же году сгорел старый мазанковый Успенский храм, а его каменный последователь всё ещё не имел внутренней отделки...

При выходе России к берегам Чёрного моря, оживилась память о князе Владимире, введшем Киевскую Русь в состав христианских государств. Екатерина II наконец-то повелела довершить строительство пребывающего в забвении собора. Осветили его в 1789 году уже не как Успенский, а в честь святого князя Владимира, судьба которого – живой пример, как после крещения, принятого по зову Божию, может преобразиться душа человека. И вспоминаются слова Апостола Павла, также постигшего подобное преобразование: «Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим. 5: 20).

Мне верится, что храмы именуются промыслительно. Вот и произошедшие в России исторические события от времён

царствования Петра I до Екатерины II повлияли на наречение собора. В 1845 году он стал капитульным ордена Святого Владимира с чествованием Орденского праздника 22 сентября.

В советское время этот собор практически не закрывался (был лишь краткий момент в 1926–1927 гг.).

Именно здесь 22 июня в 1918 году, несмотря на репрессии против церкви, впервые был отпразднован День всех святых в земле Российской просиявших. Службу возглавляли митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский), ныне почитаемый как священномученик, и епископ Нарвский Геннадий (Туберозов).

В 1934 году собор остался единственным православным храмом, действующим на Петроградской стороне. Другие были или закрыты, или уничтожены. За год до того произошло разорение соборной колокольни, а в 1937 году было расстреляно несколько его священнослужителей.

Храм, словно воин, мужественно отстаивал право людей на духовную жизнь. Также его можно считать спасителем Богородичных икон в богоборческий период.

Сюда в 1935 году перенесли чудом уцелевший Образ «Успение Пресвятой Богородицы» из Киево-Печёрского подворья, которое в 1961 году превратят в первый Ленинградский каток с искусственным льдом (сегодня – подворье Оптиной Пустыни).

Накануне Великой Отечественной войны сюда из Казанского собора переместили икону Богоматери «Казанская».

В 1938 году из закрытого Троице-Измайловского собора в Князь-Владимирский удалось передать чудотворный образ, привезённый в Россию с греческого Афона, «Скоропослушницу», которая сегодня является одной из самых почитаемых святынь Александро-Невской Лавры и именуется «Невская Скоропослушница».

К этим Богородичным иконам во время Великой Отечественной войны люди несли свои надежды и чаяния. И

на все 900 блокадных дней Князь-Владимирский собор стал духовной опорой для города-фронта.

Здесь вычитывались кипы записок о здравии и упокоении, служились молебны за воюющих на фронтах и панихиды по погибшим. Каждый день возносилась молитва о даровании нашей стране Победы. Служители и прихожане немало сделали для фронта. Только для Красного Креста было передано более 3,5 млн. рублей. Недаром в 1943 году священников храма удостоили медалей «За оборону Ленинграда».

После войны гонения на церковь несколько ослабели, и священники Князь-Владимирского собора сразу включились в миротворческую работу. В 1946 году вновь зазвучали и его колокола.

В этом храме душа сразу ощущает атмосферу намоленности. Собор-воин выстоял и продолжает свою духовную службу. Среди его миссий – составление архива данных о жертвах гонений за веру. В 1999 году вышел синодик с их именами. Также здесь осуществляется проект «Всероссийский помянник» по сохранению памяти о войнах России.

Попад впервые в этот собор, я стала периодически там бывать. Однажды завьюженной зимой, будучи по каким-то делам на Петроградской стороне, зашла и довольно долго просто стояла напротив Владимирской иконы Богородицы. Иногда подобные сокровенные беседы со святынями так необходимы сердцу...

В 2013 году нашу семью с Князь-Владимирским собором связала замечательная книга «Ключ к победе. Уроки жизни – воспоминания победителей», выпущенная его издательством ко Дню Победы.

Это – сборник воспоминаний детей-блокадников о войне. Он был с любовью составлен моей коллегой, доброй знакомой, филологом Светланой Ференцевной Щукиной. Редактором стал настоятель собора протоиерей Владимир Сорокин.

12 мая 2013 г. в храме прошла торжественная встреча авторов книги, среди которых была и моя свекровь Лаврова Валентина Алексеевна, пережившая блокаду Ленинграда в детстве.

Второе издание сборника дополнили отзывы современных школьников на рассказы детей блокады. Название новой книги: «Дети – детям. Ключ к Победе». Этот сборник получил Патриаршую грамоту на XXIII Международных Рождественских образовательных чтениях в Москве в 2015 г. в конкурсе «Лучший издательский проект года». И символично, что Чтения проводились как раз в русле темы «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси».

Листаю страницы: фотоснимки военной поры, пронзительные рассказы. Я непременно включила бы эту книгу, повествующую о живой истории, о подвиге нашего народа, в школьную программу. Рада, что в неё вошло и моё стихотворение-обращением к нынешним учителям...

Фотографии, украсившие сборник, являются настоящими семейными реликвиями авторов. Есть здесь и несколько фото из архива нашей семьи.

Одно из них помещено сразу в начале книги. На нём – группа малышей из детского дома, среди которых моя свекровь и воспитатель, её тетья – Галина Андреевна Цыбульникова. Ребята стоят на ступенях деревянного домика-дачи. На фото запечатлен луч солнца, падающий на детей, словно дарящий светлую надежду и радость им, выжившим в блокаду.

Дача, где сразу после войны была сделана эта фотография, находилась в Сиверской. А ведь именно свою «сиверскую» дачу, уезжая в Москву в 1945 году, подарил для летнего отдыха одному из детских домов Патриарх Алексей (Симанский), сам не покидавший Ленинград всю блокаду.

Мне не известно, то ли здание на этой фотографии или нет, но вероятность высока. Возможно, этот озаривший детей солнечный луч, словно молитвенное благословение,

указывает, что дом, на пороге которого они стоят, принадлежал будущему Патриарху...

Кстати, в день начала Великой Отечественной войны именно Владыка служил литургию в Князь-Владимирском соборе в честь престольного праздника Всех Святых, в земле Российской просиявших. Годы блокады Ленинграда явились одной из самых ярких страниц его служения Богу и Родине. Среди многих наград Патриарха Алексия I была также медаль «За оборону Ленинграда».

Сегодня Князь-Владимирский собор является памятником архитектуры, охраняемым государством. Здесь продолжается молитва, почитается память героев России и воспитывается достойным своих благочестивых предков новое поколение.

Казанский

Поют колокола на Пасху...

Мне всегда хотелось во время Светлой Седмицы последовать доброй традиции, согласно которой всем дозволяется побывать на колокольнях православных храмов и позвонить в колокола. И для меня впервые случилось это в Казанском соборе.

В далёком студенчестве его колоннада было одним из моих любимых мест в городе. Здесь назначались встречи с друзьями, поскольку даже в непогоду было удобно поджидать друг друга на площадке под гранитными сводами, укрывающими от дождя.

Весной нам нравилось сидеть на скамейках у фонтана, расположенного близ Казанского собора, подставляя свои бледные лица солнечным лучам. Здесь была читана-перечитана масса конспектов во время сессий в педагогическом университете имени Герцена, где я училась. Но, наряду с радостными воспоминаниями, не забывается и грустный момент, когда однажды мы с подругой зашли внутрь собора и попали «на экскурсию».

Там тогда размещался музей религии и атеизма. Слушать бредни экскурсовода было невозможно. Мне стало плохо даже на физическом уровне, и я покинула пленённый в те года безбожниками храм.

Сегодня Казанский собор вновь продолжает свою истинную миссию. Удивительна история этого символа триумфа России над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года. Бывая здесь, всегда подхожу к гробнице блестящего русского фельдмаршала М. И. Кутузова, тело которого было привезено в Петербург в июне 1813 года из прусского города Бунцлау. У места погребения, где А. Н. Ворониным возведена бронзовая ограда, установлено пять штандартов и одно знамя, сохранившиеся и сегодня.

В храмовом пространстве в имперские времена было развешано 107 «пленных» знамён и штандартов армии Франции (большинство из них сегодня хранится в Москве), а также 97 связок ключей от покорённых крепостей и городов Франции.

До революции великолепное внутреннее убранство, чтимые святыни, церковная утварь, сама по себе представлявшая произведения искусства, восторгали приходящих сюда людей. Памятные доски, барельефы Павла I и Александра I, гробница М. И. Кутузова напоминали об имперской славе России.

Ежегодно 12 сентября отсюда по Невскому проспекту к Александро-Невской лавре шёл крестный ход, в котором вместе с горожанами участвовали также императорские особы и кавалеры ордена Святого благоверного князя Александра Невского.

В день равноапостольных Кирилла и Мефодия 24 мая в Казанский собор стекались учащиеся, а на праздник святого Саввы Сербского, приходящийся на 27 января, собирались столичные сербы. Особый благодарственный молебен звучал здесь 7 января, в День победы над Наполеоном.

В 1893 году именно в Казанском соборе 8 ноября отпевали великого русского композитора Петра Ильича Чайковского. Незадолго до революционных событий здесь, единственный раз за историю Петербургской епархии, путём свободного голосования священства и мирян прошли выборы правящего архиерея. Им стал будущий священномученик Вениамин (Казанский).

Горька история собора в советский период, но в начале 90-ых годов XX века он стал возвращаться к своему истинному предназначению. И мне радостно, что я вместе с моими близкими и друзьями была свидетельницей этого возрождения.

Именно в Казанском соборе мне довелось осуществить свою мечту и впервые в жизни позвонить на Светлой Седмнице в колокола.

В тот день на колокольне со мной почему-то оказалось множество детей, и я поделила с ними счастье своего первого, пусть и неумелого, но радостного звона. Душа ликовала, а сердце замирало от осознания того, на звоннице какого героического собора колокола откликнулись мне своими вечными голосами!

Спасо-Преображенский

Ещё один любимый мною собор-воин. Мы часто бываем здесь на службах. В царской России его называли «Церковью во имя Преображения Господня всей гвардии».

Впервые я попала сюда много лет назад, когда стояла с друзьями в длиннющей очереди в Финское посольство, находящееся как раз неподалеку от Преображенской площади, чтобы получить визу.

День был недружелюбным – ветер, дождь... Вот мы по очереди и бегали где-то отогреться. Отлучившись в очередной раз в поисках укрытия от непогоды, мы с подругой увидели красивый храм и вошли в него. Вошли и замерли от восхищения!

Ранее на месте Спасо-Преображенского собора в 30-х годах XVIII века находился двор роты гренадеров Преображенского полка. Именно преображенцы поддержали дочь Петра I Елизавету при дворцовом перевороте в ночь с 24 на 25 ноября в 1741 году. В благодарность, новая правительница и повелела воздвигнуть на месте расположения полка собор во имя Преображения Господня.

Храм заложили в 1743 году. Думаю, что отца Елизаветы также можно считать косвенно сопричастным к появлению собора. Ведь это его «потешный полк» вошёл в состав русского воинства под именем «Преображенский».

К сожалению, великолепный храм – произведение Земцова, Трезини и Растрелли – сгорел летом 1825 года, но все святыни из него успели вынести.

Царствующий тогда император Александр I повелел восстановить гвардейский собор в кратчайшие сроки на том же самом месте. Теперь над храмом трудился архитектор Василий Стасов.

Величественное здание в стиле классицизма было освящено 17 августа в 1829 году архиереем Серафимом (Глаголевским). Благодарственный молебен совершился в честь перехода русской армии через Балканы и взятия ею турецких крепостей. Главный алтарь освятили во имя Преображения Господня, южный придел – в честь преподобного Сергия Радонежского, а северный – священномучеников Климента Римского и Петра Александрийского.

Резной иконостас храма символично выполнен в форме триумфальной арки.

На башне в 1854 году установили привезенные из Англии куранты. Алтарь и императорское место также были созданы по проектам Стасова. Таким предстаёт перед нами Спасо-Преображенский собор сегодня. Кстати, в XIX веке его, наряду с Казанским собором, считали самым грандиозным сооружением Петербурга. Здесь хранились штандарты и

трофеи, полученные в битвах с Османской империей, а также преображенские мундиры Государей: Александра I, Николая I и Александра II. Присутствовала и сабля, бывшая при Александре II, когда на него совершилось смертельное покушение.

В 1918 году эти трофеи и исторические реликвии перенесли поначалу в музей Артиллерии, а после в Эрмитаж. Большинство церковных святынь было изъято.

Если вам придется побывать около этого собора, то обратите внимание на его ограду. Стасов создал её в честь разгрома турков в сражениях 1828-1829 годов из 102 трофейных орудий, забранных у поверженного врага из его крепостей: Измаила, Варны и других. И сегодня на стволах пушек можно различить их названия: «Гром извергающий», «Священный полумесяц»... Орудия символично обращены дулами вниз, словно смиряясь с тем, что более им не воевать. На главных воротах расположены круглые щиты с изображением медалей, которые вручались за победу в той русско-турецкой войне. До революции вокруг собора стояло также двенадцать пушек и два «единорога», длинноствольных орудия, бывших собственностью Преображенского полка.

Таким образом, собор и его ограда являются памятниками русским военным триумфам. В 1916 году рядом планировалась установка усыпальницы для офицеров, сложивших головы на полях Первой мировой войны. Но из-за революционных событий проект не осуществился.

До 1917 года собор вёл активное миссионерское служение. Здесь было организовано благотворительное общество, содержащее богадельню, сиротский приют, столовую, школу для детей военнослужащих и бесплатное жильё. С 1912 года действовало «Братство трезвости и целомудрия». В Праздник Преображения Господня, в Яблочный Спас у собора проходил традиционный фруктовый базар.

После революции репрессии коснулись клира Преображенского всей гвардии собора Петрограда.

В 1931 году по сфабрикованному делу «о контрреволюции» был приговорён к расстрелу его настоятель митрофорный протоиерей Михаил Тихомиров. Вместе с ним мученического венца сподобился и прихожанин собора, писатель, публицист, бывший духовным чадом Амвросия Оптинского, Евгений Николаевич Поселянин (настоящая фамилия Погожев). В настоящее время Русской православной церковью за границей он причислен к лику святых мучеников со включением в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Вскоре Спасо-Преображенский собор попал в руки обновленцев и с 1939 года некоторое время считался главным ленинградским храмом этих отступников. Во время блокады Ленинграда в соборных подвалах размещались бомбоубежище и госпиталь.

Сегодня Спасо-Преображенский собор является внешне таким, каким был воссоздан в 1829 году после пожара. Внутри находится памятная доска со списком имён погибших офицеров Преображенского полка, начиная с 1702 года по 1917 год. Уничтоженные после революции позолоченные двуглавые орлы, медали и крест на ограде были воссозданы в 2004 году.

С этим собором меня также связывают личные истории.

В нашей семье хранится небольшая старинная родовая икона мужа – «Спас Нерукотворный». Она словно уменьшенная копия чтимой одноименной иконы Спасо-Преображенского собора, которую очень любил Петр I. Не расставался с нею Император и при сражениях, и во время закладки Петербурга, и при битве под Полтавой. С этой иконой его и отпели. Принадлежит образ письму Симона Ушакова. Иконописец выполнил его для Государя Алексея Михайловича, а потом святыня досталась Петру Великому от его матери. В Преображенском соборе эта икона находится с 1938 года, побывав перед тем в домике Петра I и в Троицком храме.

Другая особо чтимая соборная икона – образ Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радость». А меня как раз и крестили в одноименной маленькой Таллинской церкви, действовавшей и в советское время.

Так, почитаемые святыни Спасо-Преображенского собора, напоминают нам о семейном прошлом.

Знакомясь с судьбами этих соборов, ощущая духовную связь с ними, я начала постепенно постигать душой и сам Санкт-Петербург. Сердце стало интонировать в унисон его Невскими мелодиям.

Петербургские соборы-воины хранят для нас уроки доблести и благочестия. Находясь под их сводами, с благоговением осознаёшь, что когда-то здесь служили у Престолов те, кто ныне причислен к лику святых, что тут причащались славные герои России – блестящие офицеры, деятели науки и культуры, что сегодня и я, обычная горожанка, через Литургию сопричастна с их жизнями, с историческими страницами нашей страны и самих соборов, встречу с которыми мне подарил теперь уже близкий Санкт-Петербург.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ - РАЙ

Для меня душа России оживает не в современных мегаполисах и «чудо-юдо-градах», а в тишине её деревенок и сёл. Именно там слышится биение сердца моей Родины, жидется тихая молитва, по-матерински оберегающая, поддерживающая, возрождающая...

Горько осознавать, что постепенно исчезает это русское сокровище, ветшает, беднеет под натиском прогресса. Только вот не найти в суетливых, расцвеченных неонем городах, ни зимнего белоснежья, ни маковой зорьки над рекой, не

услышать песен жаворонков над обласканными солнцем полями, не испить ключевой воды из серебряного родника.

Однажды подрабатывая фрилансером, я готовила для одного популярного сайта материал о Задонском крае и в очерке упомянула, как в детстве, проводя лето в селе, бывала с местной ребятнёй на Дону в ночном. Редактор, молодая женщина, с которой я сотрудничала, с удивлением переспросила, что это за такое «ночное», не ошиблась ли я? Жаль редактора... Ей, конечно, можно было бы сначала заглянуть в толковый словарь и узнать, что так называется пастьба лошадей ночью, но мне это пришлось объяснить самой.

Печалит, что современная молодежь уже далека от той славной романтики, когда одно упоминание о «ночном» рисует в воображении бескрайнее звёздное небо, запах чабреца и душицы, уютный костёр... Рядом мирно пощипывают траву стреноженные лошадки, и не иссякают дружеские беседы ребят-пастушков. Кто-то может вспомнить тургеневские «Записки охотника», а для меня эта сторона сельской жизни с детства была знакома благодаря замечательным рассказам отца, выросшего на Дону.

Разумеется, при первой возможности, я и сама поучаствовала в таком таинственном для меня, горожанки, деле. Книга моей жизни была украшена этой сказочной страницей! К счастью, подобных историй, связанных с сельской местностью, в ней немало.

А что же наполняет тома судеб современной молодёжи? Компьютеры, банковские карты, развлекательные центры, шопинги, СМСки? Есть ли сегодня в наших душах место для красоты тихой, задушевной, затаенной в сёлах и деревнях? А ведь из таких поселений, град Китежами уходящих нынче в небытие, были родом наши отцы и деды, отстоявшие и выстрадавшие Россию во все трудные времена. Не там ли таится сакральный код русской жизни?

Вслушаемся в деревенские названия, вернее, в их *Имена*...

Федораевка – в *имени* этом – Святой угодник Божий Феодор предстоит пред Господом, моля о душах селян, чтобы за трудолюбие, хлебосољство, радушие, терпение их уделом в вечности стал Рай.

Михайловка, Ильинка – их небесные покровители – Михаил Архангел и Илия Пророк... Покровка – сразу представляется день первоснежья, любимый на Руси праздник Покрова Божией Матери. Мудро наши православные предки называли места, где предстояло им дома домить, молиться Богу да хозяйничать.

В Костромском крае – Рай, Большая Медяна, где исстари держали пчёл, Вознесение, Воскресенское, Богородицкое...

Мои прадедушка и прабабушка были как раз из деревни Рай. Дети их, рожденные уже в годы СССР, имели в своих серпасто-молоткастых паспортах весьма интересную строчку: место рождения – Рай! Это ведь благодать-то какая – в Раю на свет появиться! Чудо, что не всё коммунисты успели переименовать в Красные колхозы да в Первомайские совхозы. Церкви порушены, но святые имена некоторых поселений так и остались освящать жизни людей.

Областным центром, к которому относится деревня Рай, является посёлок Вохма, где в советском детстве я частенько гостила у бабушки. И только после перестройки мне стало известно, что полностью именовался-то он до революции Вознесением-Вохмой!

На поселок было два храма. Сегодня в краеведческом музее можно увидеть их на старинных фотографиях.

Прикроешь глаза и чудится, что вот загудел-запел на высокой белоснежной звоннице колокол. И устремились все дороги к чудесному храму, повлекли к нему степенных жителей, бойких ребятишек, веселую молодёжь на воскресную службу. И возносятся молитвы из сердец при литургии к пронзительно синему небу Вознесения-Вохмы...

Из двух церквей уцелела одна, находящаяся на окраине. К счастью, в ней образовали не склад, не коровник, а музей.

Сегодня в этом Сретенском храме вновь звучит литургия. А вот торжественный белостенный храм, стоящий в сердце поселка, после революции 1917 года приспособили новые власти под клуб. Вскоре, правда, он выгорел из-за пьяной «удали» советских плясунов. Останки пытались взорвать. Но только мощна была в прежние времена кирпичная кладка, и уничтожить храм «под корень» не получилось.

В наши дни трагично возвышаются церковные руины, над которыми установлен деревянный поклонный крест, с немым укором взирающий на людей. Для восстановления самого храма у бедной Костромской области средств не имеется... Жаль, что и прежнее полное имя посёлку также пока не возвращено.

Но живы ещё и сегодня на просторах России её Петровки, Архангельские, Рождественские... В поездках не раз мы встречали Спасские, Богдановы, Монастырьки. Много великих людей имеют своею малой родиной подобные благозвучные места.

Святитель Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов) родился в селе Покровском Вологодской губернии.

Преподобный Серафим Вырицкий появился на свет в деревеньке Вахромеево Рыбинского уезда (название произошло от имени апостола Варфоломея).

Великого поэта Сергея Есенина подарило нам русское село Константиново, именованное в честь римского Святого равноапостольного императора. Все они душой впитали соль земли нашей, в которой и любовь, и вера, и надежда!

Неспроста многие деревеньки нарекались именами Святых или были созвучны Евангельским событиям и праздникам православным. А когда отпал от веры народ, то закручинились деревни, перекосило жизнь...

Едешь по дорогам России и с грустью видишь дома с пустыми глазницами напрочь выбитых окон или заколоченных

старыми досками рам, скособоченные заборы, провалившиеся колодцы. Тоска.

Но, вопреки всему, хочется, чтобы вновь открывались перед странниками двери гостеприимных домов, лились над реками девичьи песни, пекся в печи добрый хлебушек! Чтобы были и у современных внуков такие бабушки и дедушки, кто и с прялкой познакомит, с косой да граблями управляться научит, в лес по грибы-ягоды поведёт... Чтобы души детские лелеяли не компьютеры да гаджеты, а сказки и молитвы матерей. И чтобы ученые редакторы Интернет-сайтов не переспрашивали авторов с удивлением, а что за зверь такой – «ночное» ...

III. ПОД ЛАСКОВЫМ СОЛНЦЕМ

«Крым – изумительная сокровищница, естественный музей, хранящий тайны тысячелетий».

Александр Сергеевич Грибоедов

«...Утро было праздничное, жаркое: радостно трезвонили над Донцом колокола, уносились туда, где в ясном воздухе стремилась к небу белая церковка на горном перевале».

Иван Алексеевич Бунин, из рассказа о Святогорской лавре «Святые горы», 1895 г.

«Красота гор и неба учит о Высшей Красоте, а горы и небо – только тени этой красоты».

Архимандрит Рафаил (Карелин)

КРЫМ, ОТКРЫТЫЙ СЕРДЦУ

Произношу имя благословенного солнцем полуострова: «Крым». В нём – песня чайки, плеск вольной черноморской волны, тайны прибрежных камней, запах можжевельника...

Крым открылся моему сердцу, когда школьницей я побывала в «Артеке». Там у отрядного костра, искры которого взвивались к небесным звёздным огням, рождались юные мечты.

Этот сказочный лагерь подарил мне возможность учить географию родной страны, называемой СССР, по адресам многочисленных писем, прилетающих от друзей из разных её уголков. Именно «Артек» помог осознать смысл слова *дружба*, а сам Крым навсегда пленил душу бризом черноморской романтики и ущедрил сердце созерцанием южной природы.

Много лет минуло с той поры. Страну моего детства истрепала и разодрала перестройка. Крым был отрезан от России волею политиков, но в 2014 году только уже волею народа вновь вернулся в её объятия. Теперь можно свободно лететь на автомобилях над Чёрным морем по грандиозному мосту, который по-братски связал Россию с родным Крымским полуостровом.

Это священное родство было заслужено дорогой ценой, начиная от времен эпохи Екатерины II. Оно закреплено кровью наших воинов в Крымской войне (хотя события, когда Россия, сражаясь с вражеской коалицией Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства, вела бои одновременно на Кавказе, Балтике, Азовском, Белом, Баренцевом морях, на Камчатке и Курилах, вернее называть «войной Восточной»).

Это родство отважно отстаивалось в Великую Отечественную при героической обороне Севастополя, в партизанском сражении в Аджимушкайских катакомбах под

Керчью, при Керченско-Эльтигенской десантной операции, при битве за Сапун-гору...

И кроется некая сакральная тайна в том, что Севастополь был освобожден именно к 9 мая 1944 года, ровно за год до того дня, когда весь мир озарила весть о полной Победе над гитлеровской Германией.

Из Петербурга мы с доброй надеждой следили за строительством Крымского моста. С улыбкой читали, что его «талисман» – рыжий кот Мостик, первым прошёл по трассе перед официальным открытием автомобильного движения. В 2018 году мы с мужем сами проехали по этому русскому чуду на Крымский полуостров, утопая в лавандовом закате, окунаясь в соцветия небесных красок, которые бывают только в этом краю. Словами не описать нахлынувших чувств в то время, когда, словно заглядывая за горизонт, мы пересекали на машине заветный рубеж.

Справа под нами плескался Керченский пролив, называемый в древности «Боспор Кимерийский», слева приветствовало Чёрное море, первоначально наречённое греками Эвксинским (гостеприимным). В быстро густеющих сумерках казалось, что небо сливается с морем, и наш автомобиль мчит по освещенной стреле моста, нацеленной в неведомую, таинственную даль. Нас ждали легенды и чудеса, и моё сердце шептало:

– Здравствуй, край, однажды доверивший мне свои секреты и продолжающий открывать новые тайны. Бесконечно благодарю за щедрость!

Мне особо дороги духовные дары Крыма, встречи с его храмами и обителями. Хорошо помню день, когда в 2006 году мы с дочерью и нашей подругой Надеждой впервые оказались в Свято-Климентовской мужской обители, добравшись из Севастополя до Инкермана на пароме. Перед нами оживали страницы истории православной церкви. Когда-то сюда, на каменоломни у Херсонеса, императором Трояном за проповедь христианства был сослан апостол от семидесяти, четвёртый

епископ Римский святой Климент. Здесь же, по тайному указу правителя, его замучили и утопили. Около 861 года мощи святого обрели равноапостольные братья Кирилл и Мефодий. Святыня была внесена в Херсонесский храм (Владимирский собор), где подле неё совершилось много чудес.

В Свято-Успенском мужском монастыре близ Бахчисарая мне довелось бывать неоднократно. Однажды, поклонившись Бахчисарайской иконе Божией Матери, мы с друзьями вышли из храма и любовались открывающимися видами Мариам-Дере – ущелья Святой Марии. Внезапно раздалось пение – хвала Богородице. Мы оглянулись. В обитель входила группа паломников, как потом оказалось – из Румынии. Впереди процессии шла маленькая девочка и дивно пела эту чудесную молитву на церковно-славянском языке.

«Богородице Дево, радуйся», – славил Божию Матерь чистый детский голосок. Помню невольные ответные слезы. Святая крымская земля духовно роднила всех, кто в тот момент присутствовал в Успенской обители...

Крым подарил нам знакомство и со Свято-Троице-Параскевиевским Топловским женским монастырём. Приехав туда впервые, я узнала о древней богомолице – болгарке Константине (в монашестве Параскеве) и о чтимой старице – Параскеве (Родимцевой), последней настоятельнице монастыря, закрытого в советское лихолетье в 1928 году. Побывав на могиле игумении, записала её имя в свой синодик, поминала... И вдруг в 2009 году эту подвижницу канонизировали! Получилось, что та, за чьё душевное упокоение я несколько лет молилась, нынче сама возносит святыи молитвы к Богу обо всех, значит, и обо мне земной, грешной... Не чудо ли?

Однажды, проезжая близ Судака, мы неожиданно заметили указатель на Кизилташский монастырь. По преданию в средние века там располагалась летняя резиденция святого архиепископа Стефана Сурожского. Решили посетить эту обитель. Добирались к ней пешком лесными тропками,

вдыхая пряный запах можжевельника. В обители узнали, что в 1950 году по приказу Лаврентия Берии все местные церковные постройки были взорваны, в скалах пробили тоннели, а на территории монастыря расположился ядерный арсенал Черноморского флота.

Теперь Кизилташский монастырь возрождается. Именно тут можно помолиться в нетипичном для архитектуры Крыма деревянном храме во имя Серафима Саровского, испить воды из источника Святителя Николая.

Мне дороги также воспоминания и о Воскресенской церкви над Форосом, называемой «Крымской жемчужиной». Построена она была в 1892 году в честь чудесного спасения Александра III и его Августейшей семьи при железнодорожной катастрофе в Борках (29 октября 1888 г.). Впервые в этом храме я оказалась вместе с моей дочерью в 2006 году. Помню, как непреодолимо потянуло туда именно 20 августа.

Посещение Форосского храма стало событием из разряда чудесных. От посёлка Симеиз, где мы отдыхали, до Фороса добрались на маршрутке, а в гору уже поднимались пешком. И, удивительным образом, неблизкий подъём под пекущим солнцем был скоро и легко преодолен.

Воскресенская церковь уютно устроилась на ладони Красной скалы. Вид, открывшийся с высоты, завораживал.

Внутри храма тихо звучала запись церковного песнопения в исполнении мужского хора. Паломников не было, лишь у свечной лавки находились две служительницы. Узнав, что мы – гости Крыма, приехавшие из Петербурга и поднявшиеся на Красную скалу от трассы Ялта-Севастополь пешком, они тут же радушно напоили нас прохладной водой, а затем стали рассказывать о храме и его восстановителе архимандрите Петре (Пасадневе). Оказалось, что он был зверски убит именно в ночь с девятнадцатого на двадцатое августа в 1997 году. Трагедия так и осталась под покровом тайны. При нашем разговоре я и осознала, почему сердце подсказывало побывать

в Воскресенской церкви именно в тот день. Нам подарили открытки с видами храма, также мы приобрели книгу об архимандрите Петре.

Познакомились мы также и с настоятелем, протоиереем Евгением. Он освящал на улице чей-то автомобиль. Вернувшись в храм с чашей освященной воды и увидев нас, батюшка радостно воскликнул: «Откуда вы, такие замечательные? Давайте я вас покроплю!»

Каждый приезд в Крым одаривал новыми духовными сокровищами. Храмы Симферополя, Алушты, Евпатории, Севастополя... Мы знакомились с жителями сонма крымских святых: со Святителем Лукой (Войно-Ясенецким), о котором потом в 2015 году мне самой доведётся составлять буклет для Тихвинской епархии, со святыми епископами Херсонеса: Ефремом, Василием, Евгением, Елпидием, Агафодором, Еферием и Капитоном, со святителем Иоанном Готским, протоиереем Елеазаром Евпаторийским и многими другими, чьи небесные молитвы охраняют благословенный полуостров.

Гостеприимство Крыма проявлялось не только в духовных дарах. Мой супруг в молодости часто бывал здесь в археологических экспедициях, а его кандидатская диссертация по истории посвящалась древнему Готскому царству. Бывая в Крыму, мы стараемся непременно посетить седой пещерный город Мангуп – столицу княжества Феодоро (Крымской Готии). «Седым» я называю его не только из-за древности лет, но также в силу того, что расположен он на плато скалы Баба-Даг (в переводе с тюркского «Отец-Гора») на высоте 580 метров над уровнем моря. И порой кажется, что сами облака серебрят сединой мудрую голову Мангупа. Один только подъем сюда – захватывающее приключение. А виды, открывающиеся с вершины, окрыляют сердце восхищением.

Кстати, у самой вершины Мангупа расположен Свято-Благовещенский мужской монастырь древнего происхождения. Сегодня ведётся восстановление этой уникальной обители. Игумен Иакинф (Телега), помимо

духовных подвигов, видит миссию братии также в том, чтобы помочь мирянам почувствовать связь времён, проистекающую от древней столицы православного княжества Феодоро (Мангупского княжества) до дней нынешних.

Памятен мне ещё один крымский подарок. Многими любим запах лаванды. В детстве, когда я жила в Таллине, по радио часто звучала одноименная песня, которую исполняли София Ротару и эстонский певец Яак Йоала. Помню маленькие флакончики с лавандовым маслом, которые покупались для ароматизации белья...

И вот однажды под вечер, зная мою любовь к травам, муж повез меня в горы над Алуштой. Я получила в подарок не просто веточку или букетик, а целое лавандовое поле! Вдыхая аромат, который в предзакатные часы усиливается, мы любовались окружающим пейзажами. Поодаль паслись трудяги-лошадки, играли жеребята, слух радовал симфонический оркестр цикад. Мы чувствовали себя счастливыми, молодыми и свободными.

Наша семья объездила множество крымских уголков:

Чудесная бухта Ласпи, грандиозная Судакская крепость, милый Старый Крым и расположенный близ него древний монастырь Армянской апостольской церкви Сурб-Хач, где мы увидели уникальную икону «Моргающий Иисус» и впервые отведали гату, светлый Севастополь и героическая Керчь, ласковая Алушта и шумная Ялта, по-восточному гостеприимный Бахчисарай и деловой Симферополь, мыс Тарханкут, где снимались советские фильмы «Человек-амфибия» и «Пираты XX века», пещерный город Качи-Кальон...

Особое место занимает, очаровавшая меня с первого свидания Евпатория – город, чьё имя переводится как «Благородная». Здесь подобно цветам в изысканном букете сосуществует сразу несколько духовных культур.

Людьми порой необходимы добрые приключения. Вот и мне захотелось один из дней, проводимых в 2015 году в

Евпатории, украсить необычным походом. Я поочередно посетила молитвенный комплекс крымских караимов – Караимские кенасы, мечеть Джума-Джами, монастырь Текие дервишей – единственную в Крыму мусульманскую обитель дервишей (XV—XVI в.) и православный величественный Свято-Николаевский собор.

Потрясающий опыт! Я попадала из одного исторического периода в другой, погружалась в волны различных культур, ощущала себя пилигримом, была подобна читательнице, неожиданно обретшей старинную книгу, от страниц которой невозможно оторваться... И во всех этих совершенно разных по культуре местах я была принята тепло и радушно. Хотя отмечу, что оказавшись в конце дня уже в православном Николаевском соборе, именно там почувствовала себя «дома».

Евпатория для меня — это встречи с лебедями, поездки на лиманы, купание с гранитных плит старой набережной Терешковой, которую сегодня реставрируют, и процессу этому, к сожалению, конца-края нет, вкуснейшая самса в кафе у центрального рынка, вечерние прогулки по старому городу...

Крым стал родным моему сердцу: ведь именно в родные края нас тянет неудержимо. Безусловно, в мире существует масса красивейших мест. Но моя душа просит встреч не с Италией-Грецией-Марокко, а именно с любимым полуостровом у Чёрного моря.

Хочется верить, что впереди у нас с Крымом будут новые совместно прочитанные страницы, прослушанные мелодии, досказанные слова... Когда мне грустно, я нахожу утешение в воспоминаниях о лавандовых закатах и восхитительных пейзажах кисти Небесного Мариниста, и душа окрыляется надеждой.

Для меня каждое путешествие подобно морской волне. Если ты смог подняться на её гребень и удержаться там силами любви к миру и людям, то жизнь в этом волшебном полете окажется щедрой на добрые чудеса.

– Крым...

Удивительное имя. В нём – песня чайки, говор Чёрного моря, тайны прибрежных камней, запах можжевельника...

АРОМАТ БОЖИИХ ЧУДЕС В КРЫМСКОМ СЕЛЕ АРОМАТНОЕ

«Если посмотреть на жизнь внимательно, то вся она исполнена чудес, только мы часто не замечаем их и равнодушно проходим мимо». Эти слова принадлежат Преподобному Варсонофию Оптинскому. Об одном из таких дивных событий узнали мы от друга нашей семьи Георгия Яникова, православного поэта, пономаря храма Иконы Божией Матери «Феодоровская» из крымского города Бахчисарай. Поведал он такую историю.

«В селе Ароматное Бахчисарайского благочиния образовался приход в честь Святых Царственных Страстотерпцев. Верующими была любовно обустроена комната, выделенная им для молитв в здании сельского дома культуры. А вот храма, где бы шла полноценная литургическая жизнь, в селе пока не было. Да и средств на его возведение тоже... Но то, «что невозможно человекам, возможно Богу».

Настоятель сего прихода – мой сын, священник Арсений. Потому всё, что стало происходить дальше, знаю не понаслышке. Молились прихожане Ароматного вместе с молодым настоятелем о своём чаянии, молились с верою, и вдруг стали совершаться настоящие чудеса...

18 июля в 2019 году, на следующий день после крестного хода в честь памяти Святых Царственных Мучеников и молебна на возвышенности, где думалось построить будущий храм, я вдруг обнаружил на поминальном столе современную, но редкую икону «Пятая печать» с изображением Святых Царственных Мучеников. Передал этот образ ароматницкому

приходу. И вскоре, дивным образом, стали управляться дела по выделению земли для строящегося храма, стали поступать пожертвования на Поклонный Крест, который и был установлен на Крестопоклонной неделе в 2020 году.

Отец Арсений, после установки Креста, дерзновенно произнес: «Теперь дело пойдёт!» Он имел в виду строительство храма. Вскоре произошло знакомство с одним из церковных благоустроителей. И уже в сентябре 2020 года как раз к 25-летию отца Арсения храм, видимый даже с трассы «Таврида», был воздвигнут.

Казалось, и Господь, и Его Пречистая Мать, и все святые явили уже немало чудес маленькому приходу села Ароматное. Но беспредельна милость Господня и Любовь Его Матери. «Чудеса» продолжались.

Исполняющая обязанности старосты прихожанка Любовь Павловна, когда еще кроме чаяний о возведении храма ничего не было, задалась вопросом, кому из святых и перед какой иконой молиться о его построении? И Господь через её дивеевских знакомых дал ответ – Иконе Божией Матери «Беседная»! Любовь Павловна и поведала о том иерею Арсению.

Отец Арсений до той поры не знал, чем славна сия икона, но прочитав о ней, был очень вдохновлен и сразу предложил своему родителю, то есть мне – пономарю Георгию, ознакомиться с историей «Беседной». Надо сказать, что был я сильно удивлен, когда узнал, что другое название этого образа – «Явление Пресвятой Богородицы пономарю Георгию». Распечатал я тогда цветную ксерокопию сей дивной иконы, и отдал её Любви Павловне. Та обрядила её в скромную рамочку под стекло. И легла эта икона на аналой рядом с храмовым образом во имя Святых Царственных Мучеников.

Со дня установления поклонного Креста минул почти год. Великим Постом 2021 года на проповеди во вторую поминальную субботу отец Арсений призвал всех прихожан усилить молитвы к «Беседной» иконе, дабы управились

поскорее дела с установкой иконостаса. Вскоре 10 апреля в Крестопоклонную субботу произошло следующее.

Закончилась панихида последней родительской субботы. Прихожане разошлись. Неожиданно в храме появилась женщина, которая редко посещала службы. В руках она держала пакет, из которого аккуратно достала старую икону в медном окладе. Подойдя ко мне, пономарю Георгию, помогавшему отцу Арсению в тот день в службе, спросила, что ей делать с этим образом?

Оказалось, что при устройстве подвала её дома эта икона была извлечена из земли. Мы с сыном рассмотрели образ. Он был сильно поврежден и почти утратил красочную роспись. Но помалу начали мы различать иконописный «сюжет» и не верили собственным глазам! Вот – лик Пресвятой Богородицы, но облачение стёрто. Вот – святительское облачение Николая Мирликийского, хоть лика и не видно. А вот – чья-то коленопреклоненная фигура без нимба с частично сохранным ликом и одеждой. Оказалось, что это – икона «Беседная» с ещё различимой надписью на металлическом окладе: «Явление Пресвятой Богородицы пономарю Георгию».

Так икона Божией Матери «Беседная» с другим названием – «Явление Пресвятой Богородицы пономарю Георгию», выкопанная из земли в подвале дома маленького села, возникшего в Крыму после Отечественной войны, сама значительно старше этого села и невесть как здесь оказавшаяся, явила себя нам, молитвенникам к Её Материнскому заступлению и помощи!

Рассказал я это, друзья мои, чтобы ещё раз свидетельствовать, как чудеса Божии вдруг наполняют нашу земную, суетную жизнь высшим «горним» смыслом, поселяя в сердцах радость, любовь и упование на милость Божию. Господь говорит чадам Своим: «Я здесь. Не бойся малое стадо...» И Матерь Божия покрывает нас своим честным омофором».

Этот дивный рассказ брат Георгий прислал мне из Крыма по электронной почте. Я тоже решила почитать о неведомой мне до того иконе. Стала искать информацию в Интернете и сразу встретила текст, составленный духовной писательницей Софией Ивановной Снеессоревой. А ведь о ней я сама как-то писала очерк и очень её люблю. Потому и для меня этот миг оказался из разряда «добрых чудес». Писательница, духовное чадо Игнатия (Брянчанинова), словно лично решила подсказать мне ответ на искомый запрос. Приведу этот текст из уникальной книги Софии Ивановны «Земная жизнь Пресвятой Богородицы».

«27 августа (14 по старому стилю) было установлено празднование в честь воспоминания явления Пресвятой Богородицы пономарю Георгию. В 1383 году вскоре после чудесного явления Тихвинской иконы Божией Матери благоговейный пономарь Георгий был послан оповестить по окрестным селениям день освящения церкви в память явления иконы и заповедать пост. На обратном пути за три поприща от Тихвина Георгий вдруг увидел Матерь Божию, неизреченным светом сияющую и сидящую на клади сосновой, и в руке Её червлёный жезл, а перед Нею стоящего святителя Николая Чудотворца.

Пресвятая Богородица повелела Георгию сказать священнослужителям, чтобы над новоустроенным в честь Неё храмом поставить крест деревянный, а не железный. Георгий исполнил данное ему повеление. Словам его не дали веры и стали ставить приготовленный уже железный крест. Внезапно поднялась буря и снесла с церкви мастера с железным крестом в руке, не сделав им никакого вреда. На месте сего явления построен храм во имя святителя Николая, а из сосновой клади – бревна – сделали крест и поставили над тем храмом...»

Подобные истории побуждают всех нас вслед за преподобным Варсонофием Оптинским смотреть на жизнь внимательнее и не пропускать чудесных моментов, даримых Богом.

ЕВПАТОРИЯ

Для нашей семьи одно из мест, куда хочется возвращаться – Евпатория – сказочный, героический, ласковый город, щедрый на добрые встречи и необычные события. Об одном из таких случаев, произошедших в 2018 году, и расскажу.

В отпуске мы стараемся не пропускать воскресных церковных служб, а по возможности ходим и на всенощные по субботам. В Евпатории есть несколько православных храмов. Один из них – великолепный Свято-Николаевский собор – стоит близ набережной Терешковой и, совместно с расположенной рядом мечетью Хан-Джами, является архитектурной доминантой исторической части города.

Но моей душе также мил и другой евпаторийский храм во имя Святого пророка Божьего Илии. Его ещё называют «греческим», так как воздвигнут он по просьбе греческой общины. Освящен был 30 июня в 1918 году уже после революции. Безбожные власти опасались протестов подданных Греции из числа прихожан, потому закрыли его не сразу, а только в 1936 году. Сегодня храм снова действует, свидетельствуя, что Бог поругаем не бывает.

Щедрость Евпатории на чудеса проиллюстрирую случаем, произошедшим в субботу 4 августа. Обычно по утрам я прочитываю имена святых, «днесь поминаемых» и узнаю, какие иконы чествуются. Но в отпуске календаря под рукой не было, а память моя – «дама немощная»...

В тот вечер отправились мы на всенощную именно в Ильинский храм, где я оказалась во второй раз после первоначального короткого знакомства, случившегося три года назад во время прогулки по городу. Представления об истории этого храма, о присутствии и расположении в нём икон я тогда не имела. Во время всенощной неожиданно захотелось пройти вперёд и встать чуть правее алтаря. Как будто кто-то тихо позвал... Я «послушалась» и, увлекая мужа за собой, направилась в ту сторону. Перед нами оказалась

«Почаевская» икона Божией Матери, невидимая с прежнего места нашего нахождения в храме. На душе потеплело. Только и прошептала тогда: «Удивительная».

После службы, от прихожан мы узнали, чем необычна эта икона. Оказывается, она самообновилась в Великий Пост 2012 года. И было у меня явное ощущение, что к образу Богородицы мы с мужем были чудесно «приглашены». Но главным откровением оказалось то, что память иконы Матери Божией «Почаевская» отмечается как раз 5 августа, а церковный служебный день начинается с вечера... В тот самый вечер мы и были на всенощной в Ильинском храме.

Дивны дела Твои, Господи!

СВЯТОГОРЬЕ

Сознательно я не гоняюсь за чудесами, но они постоянно случаются в моей жизни. Порой чудесными историями наполняются наши семейные поездки, происходящие зачастую стихийно, словно по наитию. Остаётся только благодарить Бога за Его подарки.

Летом 2013 года нам с мужем довелось довольно долго путешествовать. Отдохнув в Крыму, побывав в Успенском, Топловском и Инкерманском монастырях, поклонившись в Симферополе мощам Святителю Луки Войно-Ясенецкого мы наведались к родственникам в Мелитополь.

По какой-то причине разговор зашёл о Свято-Успенской Святогорской Лавре, относящейся к Московскому патриархату. Статус Лавры монастырь получил в 2004 году. Нас давно влекло в эту обитель, а впечатления, коими о ней поделились родные, утвердили выбор дальнейшего пути. Правда, та история неожиданно стала развиваться на манер мистического триллера.

Накануне отъезда в Святогорск произошли события, раскрывать подробности которых не стану. Смысл заключался

в том, что мы предприняли несколько миссионерских шагов, и я неожиданно встретила от одной женщины непомерно враждебную реакцию не только к церкви, но и к себе самой. И вот на следующий день по дороге в Лавру я внезапно начала буквально помирать, «шестым» чувством осознавая «откуда ноги растут». Как говорится – козни тёмные. Выход один – молиться, но сил на это не находилось. В сознании что-то конкретно «перемкнуло», а жизнь утекала по капле. Угнетало, что это – не какой-то телевизионный ужастик, а реальная ситуация, в эпицентре которой находишься лично ты.

Населенные пункты по дороге не встречались. В больницу не обратишься. Да и не в медицинской помощи была нужда. Словно в ответ на обрывки моих скудных молитв неожиданно увидели указатель на Святой источник Николая Чудотворца. Душа подсказала, что мне необходимо туда! В буквальном смысле из последних сил с помощью супруга, не на шутку встревоженного моей странноватой хворью, дотащила до купели. Вода ледяная. Перекрестилась. Окунулась. Потом снова... И ещё... Жизнь возвращалась. Липкий страх отступал.

Уезжать не спешили. Посидели у источника. Попили освященной воды. Помыслили, откуда такое «могло прилететь»? Мне стало гораздо легче. Казалось, будто чья-то невидимая рука прикрыла кран, через который утекали жизненные силы. Но затор в сознании и телесная слабость оставались. Вскоре мы оказались в Святогорске и сразу сняли гостиничный номер. Муж предлагал мне передохнуть и отлежаться, но что-то подсказывало: «Необходимо скорее добраться до монастыря! Исцеление – там». Не иначе это заботился обо мне Ангел-Хранитель.

Судя по времени, всеобщая уже оканчивалась. Но, тем не менее, мы отправились в Лавру. Я настояла идти пешком, а не добраться на машине: «Хоть какая-то малая паломническая жертва...»

На юге темнеет рано и стремительно. Поддерживаемая мужем, я ковыляла на ватных ногах по освещаемым фонарями

улицам и ощущала, что с приближением к монастырю становлюсь сильнее. Радовало, что хоть не наоборот, как это по описаниям происходит с духовно повреждёнными. Наконец, перейдя по длинному мосту реку Северский Донец, мы оказались на Лаврской площади подле обители. Крепкий страж-послушник у монастырских врат с одобрением оглядел выдержанный нами «дресс-код». Он предупредил, что вечерняя служба окончилась, и нам лучше сразу направиться в Успенский собор, который пока открыт.

Мы шли в потёмках по вымощенной булыжником Лаврской аллее. Через Святые врата, расписанные фресками, попали на внутренний двор, оттуда – в Успенский собор.

Мерцающие во мраке свечи. Ощущение обнявшей доброты... Плакать хотелось. Наши переживания, случающиеся при встрече со святыней – особые, личные, но поделиться ими порой стоит...

Я с благоговением бродила по храму и вдруг ощутила, что ноги мои совсем-то уже и не ватные, да и жизненные силы больше не выливаются из того страшного крана, отвинченного накануне... Подошёл муж. Он успел пообщаться со священником, которого я в своих раздумьях и не заметила. Поспешила тоже к этому батюшке под благословение. Разговорились и узнали, что зовут нашего нового знакомого иеромонаха отцом Модестом. Муж рассказал, что учится заочно в Духовной семинарии и алтарничает в петербургском храме, а я призналась, что пишу стихи, преимущественно «в русле православном».

Отец Модест заинтересовался. Оказалось, что он любит и Петербург, и поэзию... Батюшка посоветовал почитать лаврскую святыню – чудотворный образ Святогорской иконы Божией Матери. Также подсказал, что в соборе находятся мощи преподобного Иоанна Затворника и других новопрославленных Святогорских святых.

Осведомившись, собираемся ли мы на литургию, отец Модест предложил нам найти его после неё, пообещав рассказать об обители.

Подойдя к ракам с мощами преподобных и преподобноисповедников и буквально прильнув к ним, я просила у святогорских святых их молитв за меня и моих близких.

Сегодня, много лет спустя, свидетельствую, что в тот вечер в Успенском соборе Святогорской Лавры моё здоровье совершенно восстановилось. Вернулась способность молиться, а парализующий сознание страх исчез. Видимо, произошедшие накануне наши, так скажем, апологетические шаги были не зря, раз в ответ так «прилетело». Просто моих духовных сил оказалось мало. Быть может, погордилась где-то... Вот и результат. Но Господь послал на помощь мне воинство небесное. История реальная, пережитая.

Следующий день принёс неожиданные подарки. Утром мы отправились на литургию всё в тот же Успенский собор. В храме высмотрели отца Модеста и после службы поспешили к нему. Радостно поприветствовав нас, он спросил, собираемся ли посетить пещерные храмы. Получив утвердительный ответ, батюшка сказал:

– Тогда идите на улицу и будьте напротив входа в пещерник, – он подробно объяснил местоположение этой «реперной точки» для предполагаемой встречи. – Сами на экскурсию не ходите. Меня дождитесь.

Уже позже мы узнали, что иеромонах Модест нёс послушание руководителя экскурсионного отдела Святогорской Лавры и был смотрителем пещер Святой Скалы. И встречу именно с ним нам и подарил накануне Господь.

Ожидали батюшку довольно долго. При этом наблюдали за формированием экскурсионных групп, отбывающих на осмотр лаврских достопримечательностей. И были эти группы весьма многолюдными. Некоторые представители сильной половины человечества к тому времени уже умудрились где-то

тяпнуть пивка, и их развозило на жару. Родительницы прикрикивали на бегающих и шалящих детей... Шум, гам! По всему видать, в большинстве своём тут собрались скорее не паломники, а любознательные туристы. Мы с супругом, припекаемые южным солнцем, начинали роптать. Мол, наверняка отец Модест о нас попросту позабыл. Но с места упрямо, вернее – послушно священническому наказу, не двигались. И были мы вознаграждены за терпение своё так, как даже и предположить не могли!

– А вот и наши петербуржцы! – раздался рядом бодрый, радостный голос. И перед нами появился отец Модест, сопровождаемый небольшой группой лиц, бывших явно «иностранныго происхождения». Среди них, кстати, оказался православный священник.

– Молодцы, что дождались! Знакомьтесь – сербская делегация. Они с отцом (имя я позабыла уже – авт.) привезли нам в Лавру частицу мощей Саввы Сербского. А это – Сергей, переводчик. Он свой, с Украины. Ну, с Богом, пойдёмте в пещеры...

Вместе с отцом Модестом нас оказалось девять человек: пятеро сербов, два украинских представителя и мы с мужем – паломники из русского Петербурга. Славянский мир... К тому же в нашей международной компании было сразу два священника! Все довольно скоро сдружились, узнали имена друг друга, а сербский язык был столь понятен, что помощь переводчика особо и не требовалась. Отец Модест поведал сербам, что мой муж – юрист, историк, семинарист, да ещё и алтарник, а я – писательница. Это весьма подогрело интерес к нашим персонам.

Вот такие чудеса начали происходить, и всё благодаря вечерней встрече с отцом Модестом в Успенском соборе. Нас словно взял за руки Господь и повёл той дорогой, которую Сам считал наилучшей. Наилучшей, конечно же, она и была...

Отец Модест рассказывал о Святогорской Лавре, внешне чем-то напоминающей пещерные монастыри, где мы уже

бывали: Костомаровский Спасский женский и Свято-Успенский Дивногорский мужской в Воронежской области, а также Свято-Троицкий Холковский мужской монастырь на Белгородской земле.

Святогорский Успенский монастырь – один из древнейших в Православной Руси. Точных известий о времени его возникновения нет. Одно из первых упоминаний о Святых Горах находится во Львовской летописи 1547 года. Другая заметка, датируемая 1526 годом, приводится в «Записках о Московии» германского посла Герберштейна. Согласно историческим предположениям, эта южная пещерная обитель была основана в VIII–IX веках выходцами из Византии в период иконоборческих гонений. Подобные версии я как раз читала о Костомаровском и Дивногорском монастырях.

Судьба обители была непроста. В 1679 году её разорили крымские татары. Но монастырь возродился и даже стал крупным землевладельцем. В 1787 году пришло несчастье из своей же Российской Империи.

Упразднить обитель приказала Екатерина II. В 1790 году владельцем Святогорья становится её фаворит – князь Григорий Потёмкин-Таврический. По преданию, направляясь в Крым и проезжая мимо этих мест, он был столь восхищен их красотой, что захотел возвести себе на одной из меловых гор имение. Вот с этой-то целью и выпросил у императрицы, не особо жалующей монастыри, этот «рай земной». Правда, дворец не отстроил – скончался через год, а Святогорские земли так и остались принадлежностью рода Потемкиных.

Но Господь устроил так, что спустя полвека именно благодаря потомкам Григория Александровича монастырь вновь ожил. Его открыли в 1844 году по указу Государя Николая I. Благотворителями стали наследники Святогорской вотчины – петербургский предводитель дворянства Потёмкин А. М. с супругой. Они были людьми верующими и тоже печалились, что обитель закрыта. У Татьяны Борисовны Потёмкиной поначалу возникло желание устроить там

женский монастырь. Но Господь вразумил её, что раз на этом месте была мужская обитель, то так оставаться и должно. Потёмкины обязались выплачивать ежегодно крупную сумму в поддержку монастыря и пожертвовали ему свои земли, прилегавшие к Святым горам.

Монастырь был восстановлен по уставу знаменитой Глинской пустыни и за последующие 70 лет стал одним из крупнейших в Российской Империи. Он имел мельницы, мастерские, торговые лавки, был известен обзорными видами, притягивающими богомольцев. Перед Первой мировой войной в нём проживало порядка 600 монахов.

После революции 1917 года новые хозяева жизни принялись разграблять Святогорскую обитель ещё в 1918 году, а в 1922 году закрыли окончательно. На её месте устроили Дом отдыха для трудящихся Донбасса.

Направляясь накануне вечером в Святогорскую Лавру, в темноте мы не рассмотрели окрестности, а утром увидели на соседней горе какую-то странную огромную белую скульптуру. Поинтересовались у отца Модеста, что за «чудородо» такое.

Оказалось – памятник рьяному революционеру и большевистскому деятелю Федору Андреевичу Сергееву по кличке «товарищ Артём». Это прозвище и присвоили Дому отдыха, основанному на территории монастыря. В 1927 году усилиями скульптора с лихой фамилией Кавалеридзе был отгрохан и этот 22-метровый памятник Артёму с высеченной на нём фразой: «Зрелище неорганизованных масс для меня невыносимо. А.».

Разумеется, большевики-богоборцы религиозными знаниями не блистали. Не ведомо им было и исконное название горы, на которой они возвели сей монумент – Ермон (Хермон). Вершина с таким же названием есть в Палестине. Переводчик Библии блаженный Иероним трактовал её название как «анафема» или «проклятая гора». Согласно ветхозаветной апокрифической книге Еноха именно туда во

времена Ноя спустились злые ангелы, чтобы взять себе в жёны «дочерей человеческих». Рожденные от тех браков исполины и маги наполнили землю непотребствами, за что она и подверглась Потопу.

Сказания сказаниями, но как тут не усмотреть промыслительную неслучайность? Есть ещё интересная история, касающаяся горы, на которой стоит «товарищ Артём». Во второй половине XIX века в Святогорске проживал блаженный прозорливец Исаакий. Монахи обратились к нему с вопросом о возможности возведения храма на той самой вершине. Он, внимательно глядя на гору, произнес: «Нет благословения. Там большой человек стоит». Ему вняли, а «большого человека» потом безбожники и поставили...

Что касается нынешнего времени, то братия монастыря спокойно относится к соседу-Артёму. *Стоит себе и стоит.*

Уже после поездки в Святогорск мне доведётся прочитать интервью, данное одному журналисту заместником Лавры архиепископом Арсением. В ответ на вопрос о всё том же пресловутом памятнике владыка поведал такую историю.

В детстве он был знаком со схимонахиней Евдокией. Верующий мальчик не хотел носить пионерский галстук, из-за чего в школе могли возникнуть проблемы. Он обратился за советом к матушке. Та попросила принести галстук ей. Взяв «предмет смущений» в руки и расправив его она произнесла:

– Смотри. Он треугольный, как Троица. А красный цвет пусть напоминает о крови Христа, пролитой ради нашего Спасения. Пионеры его со своим смыслом носят, а ты со своим носи.

Окропив галстук святой водой, она повязала его на шею мальчика. Он потом его в святом углу дома хранил, а утром, перекрестив, бережно повязывал и шёл в школу.

Вот как схимонахиня мудро вложила иной – добрый смысл в ношение неперемennого пионерского атрибута. Так же и с Артёмом... Кругом и так кипит масса конфликтов. Зачем

дополнительно страсти-то накалять? Кроме того, на той же вершине находится и мемориал погибшим в Великой Отечественной Войне. С духовной же точки зрения можно посмотреть и так: для кого-то Артём – символ советской идеологии, а для монахов – свидетельство прозорливости отца Исаакия.

Но вернусь к истории нашего посещения Святогорской Лавры. Чтобы попасть в пещеры, нам не пришлось спускаться вниз, как в Киевской Лавре, или идти вглубь по коридорам, как в моем любимом Псково-Печерском монастыре. Мы почти что с километр поднимались вверх!

Монастырь расположен у подножия скал на берегу Северского Донца, а пещеры находятся в горе над ним, куда и ведёт рукотворный тоннель. Порода представляет собой не чистый хрупкий известняк, а его чередование с кремниевыми прожилками, служащими своеобразной скрепляющей арматурой.

Отец Модест рассказал, что в советское время в пещерах из-за геоподвижек скалы образовалось множество трещин, и пещеры оказались в аварийном состоянии. Но когда в 1992 году братия вернулась в обитель, движение породы остановилось, а некоторые расколы даже уменьшились. Об этом свидетельствовали маячки, поставленные для контроля состояния пещер в 90-х годах. Основательная реставрация стала проводиться с 1999 года.

Мы поднимались по тоннелю к пещерам, где когда-то зародилась монашеская жизнь. Миновали небольшую часовню с образом Афонской Божией Матери и усыпальницы-костницы. Впервые подобное я увидела в Египте в 2003 году в монастыре Великомученицы Екатерины у горы Синай. В Святогорской Лавре такая традиция погребения дополнительно указывает на древнее присутствие греческих монахов. Побывали мы и в пещерной церковке Алексия, человека Божия.

Радовало и удивляло, что некоторые двери открывались отцом Модестом специально для нашей делегации, и я постоянно благодарила Бога за эту возможность оказаться в такой компании паломников, когда можно и вопросы задать, и батюшке внимать с чувством-толком. Благословение на фотосъемку у нас было, и нынче, вспоминая Святогорск, мы с мужем нередко пересматриваем нашу лаврскую фотоисторию.

Не ощущая особых языковых преград, разговорились с сербами. Они были весьма охочи пообщаться с русскими. Настроены дружелюбно и открыто. Оказалось, что у православной церкви в Сербии много проблем и из-за политической обстановки, и в силу внутренних разладов. Сербский батюшка посетовал на нынешние «трансформации» в Богослужениях, но не стал омрачать времени «Святогорья» долгими грустными рассуждениями.

По тоннелю мы добрались до лестницы, именуемой в честь святых учителей словенских – Кирилло-Мефодиевской. Из-за реставрационных работ проход для обычных экскурсантов был закрыт, но с отцом Модестом он оказался возможным для нас. Лестница уникальна. Она тянется вдоль склона горы, соединяя части монастыря, и приводит к Николаевскому храму и часовне, с которой связана такая история.

Частым гостем в имении Потёмкиных был приятель Пушкина и брат печально известного декабриста Муравьева – Андрей Николаевич, русский церковный историк и духовный писатель. Он любил Святогорскую обитель. Именно в честь его небесного покровителя – апостола Андрея – и освятили часовню на Святых горах.

Вид, открывшийся со смотровой площадки подле часовни, был великолепен.

Я боюсь высоты ужасно, но тут сердце ощущало только восторг и свободу. По выражению святителя Филарета (Гумилевского): «Здесь так близко от неба и так далеко от земли! Если здесь не научишься молиться, то где?!»

Мы сфотографировались всей группой, а также отдельно с отцом Модестом... Благодаря этим фотографиям наша Святогорская история продолжится, но два года спустя...

Побывали мы также и в древней Иоанно-Предтеченской церкви, расположенной на втором ярусе пещер Святой Скалы. Своды этого маленького храма опираются на мощный меловой столп. По преданию в XVI веке на нём явился образ Святителя Николая. Потому поначалу церковь и освятили в честь него. В 1848 году Иван Васильевич Малиновский – сын первого директора Царскосельского Лицея и близкий друг Пушкина – пожелал храм обновить, после чего его переосвятили в честь Рождества Иоанна Предтечи.

Что касается знаменитого столба, на который постоянно покушались «паломники-чудолюбы», стараясь отковырять себе «частичку благодати», то в настоящее время его обложили камнем. А наших лбов в 2013 году с доброй воли отца Модеста все же коснулись меловые крестики.

Запомнился наш молебен в Николаевской церкви, расцветающей из мелового утеса, тянущейся к небу тремя главам, увенчанными крестами. Построена она на месте древней пещерной во имя Успения Пресвятой Богородицы, пострадавшей в XVII веке в результате обвала. Неизвестные мастера сумели искусно пристроить к старому алтарю, сохранившемуся в утёсе, остальную храмовую часть.

Первая литургия после богоборческого советского периода была отслужена здесь 21 мая в 1994 году.

Кстати, у нас в Петербурге храмы и соборы в честь Николая Чудотворца мы называем «Никольскими», а вот в южных регионах их традиционно именуют «Николаевскими».

Сегодня смотрю на фотографии, сделанные во время молебна, и вижу счастливые лица нашей славянской группы, лица, облаканные нечаянной духовной радостью. И на лбах наших – те самые меловые крестики. Благословение Святогорья...

Безусловно, все слышали о православных подвижниках-затворниках. Святое имя одного из них неразрывно связано со Святогорским монастырем. Проживал преподобный Иоанн в девятнадцатом веке. И одно дело – узнавать о подвижниках древних, а другое – встречаться с судьбами тех, кто нёс свой крест сравнительно недавно, когда мир уже начал привыкать к комфорту, к прогрессивным научно-техническим новшествам, облегчающим жизнь. Многих ли затворников позапрошлого века могу я назвать? Вспоминается имя Святителя Феофана (Говорова)... И вот, в Святогорской Лавре – новая встреча...

Своей богоугодной жизнью преподобный Иоанн буквально повторил подвиги древних пещерных затворников. Он торил свой многотрудный путь, когда Святогорская обитель вновь пробудилась и расцветала после полувекового забвения, и его духовные труды подобно дивным цветам вплетались в венок жизни братии.

Родился будущий святой в Курске в 1795 году во многодетной благочестивой семье мещан Крюковых. В детстве на него сильно повлиял рассказ друга Семёна Мошнина о своём дяде Серафиме Саровском (в миру Прохоре Мошнине). С того момента и зародилась у Ивана Крюкова мечта о монашестве.

Девяти лет от роду мальчик был отдан «в научение работать печные изразцы» и хорошо овладел мастерством. В молодости, по наставлению родителей, женился. Будучи искусным мастером, открыл собственную фабрику изразцовых лепных печей, имел также два постоянных двора и гостиницу. Жили с супругой в довольстве, но бездетно.

Через девять лет Иван овдовел, вскоре схоронил и отца. Оставив старенькую мать на попечение замужних сестер и хорошо обеспечив её, он возблагодарил Бога за освобождение от мирских пут. В благословение от матери он получил медный литой крест, который потом носил всю жизнь.

В 1833 году он отправился в Киево-Печерскую Лавру, откуда по совету духовного старца ушёл в Глинскую

Богородицкую пустынь, где провёл последующие 11 лет жизни, неся разные послушания и укрепляясь духовно. Там принял постриг в рясофор, затем в мантию с именем Иоанникий. Уже в Глинской пустыни проявился его дар исцеления молитвой.

В возрождающийся Святогорский монастырь в 1844 году прибыло несколько глинских иноков, в числе которых был и монах Иоанникий, сразу назначенный экономом и гостиником. Он участвовал в открытии и возобновлении пещерной церкви преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских. За усердные труды был рукоположен во иеродиакона, затем – в иеромонаха. После этого он нёс послушание духовника для паломников-богомольцев.

Отец Иоанникий участвовал в расчистке меловых пещер. Полюбив одну из келий особо, испросил у настоятеля позволение сделать в ней дверь и обложить стены доской. Вскоре он начал вести разговор о затворе. Настоятель долго испытывал монаха и, лишь убедившись в его душевной готовности, дал благословение, но с условием: при необходимости отец Иоанникий должен оставить затвор по первому же требованию игумена или духовника.

Мы побывали в его пещерной келии. Представьте себе небольшое полутёмное неотапливаемое помещение. Из мебели – лишь деревянный гроб, служащий одром, у его изголовья – надмогильный крест. У икон – аналой и лампада. Стулом служил обрубок дерева. Из кухонной утвари – кувшин для воды и горшок для пищи. Ещё были тулуп, ветхая мантия с епитрахилью и железные вериги с власяницей, которые он постоянно носил. Остаётся лишь удивиться аскезе, которой добровольно подверг себя святогорский подвижник.

Смогли бы мы, привыкшие к Интернету, «айфонам», путешествиям, развлечениям и комфорту, добровольно решиться безвыходно провести в такой сырой, тёмной пещере хотя бы день? А у отца Иоанникия ещё обязательным было молитвенное правило: 700 земных и 100 поясных поклонов,

5000 Иисусовых и 1000 Богородичных молитв, акафисты, помянник...

Через полтора года неисходного затвора 29 августа в 1852 году иеромонах Иоанникий был пострижен в схиму и наименован Иоанном. Ещё через пять лет его здоровье стало заметно сдавать, поэтому в келии устроили печь, и строгость затвора была несколько ослаблена. По вторникам он выходил на литургию в Предтеченскую пещерную церковь. После службы иногда появлялся на пороге алтарных дверей для благословения молящихся. Свои духовные наставления ближним он зачастую слагал рифмованно в форме простонародной речи.

От долгого проживания в полумраке старец начал слепнуть. Для чтения молитвословий к нему был назначен инок. Сам же затворник усилил Иисусову молитву и полагал земные поклоны уже по 1000 в сутки, отчего на руках и челе были мозоли.

17 лет затворничал отец Иоанн, нося при этом тяжелые вериги. К началу августа 1867 года он окончательно ослаб, но не соглашался переселиться в больницу. Настоятелю пришлось напоминать про обет послушания. Тогда старец подчинился, но в больнице прожил всего 8 дней, почив 11 августа. Его отпели, а тело предали земле у алтаря больничной церкви во имя иконы Ахтырской Богоматери.

Обретены честные мощи схимника были 5 мая в 1989 году и в 1993 году переданы вновь открывшемуся Святогорскому монастырю. Прославление затворника иеросхимонаха Иоанна в лике преподобных святых произошло 24 августа в 1995 году.

Мне захотелось подробнее рассказать об этом уникальном духовном подвиге. Ведь отец Иоанн был таким же обычным человеком, как мы, да и жил не так давно. Пример его жития подтверждает, что Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же. Как даровал Он силы древним воинам духа, так даёт их и поныне. Нужна лишь решимость. Думаешь о преподобном Иоанне и стыдно становится за свои лень,

немошь и расслабленность. Наверное, потому и даруются такие встречи со святыми.

После пребывания в пещерах мы отправились в скит Всех Святых, расположенный в километре от обители. Вернее, это не мы «отправились», а отец Модест увлёл нас за собой. Мы же послушно следовали за ним, всё более наполняясь впечатлениями, осознать и прочувствовать которые сразу было не под силу. Я копила их впрок. В тот момент в душе были счастье, мир и тишина.

Наш путь пролегал мимо места упокоения Иоанна затворника. Могилка его и теперь постоянно посещается паломниками. Есть масса свидетельств о его молитвенной помощи.

Сам скит уже издалека показался чудо-городком с деревянными теремами, напоминающим Кижи. Его храмы из массивных брёвен сосны оказались украшенными резьбой в традициях древнерусского деревянного зодчества XVI–XVII веков. Рядом – домики-кельи. Территория обнесена частоколом с тесовыми воротами и угловыми башнями. Словом, открылась перед нами картина родом из былинных времен.

Налюбовавшись, вошли в главный 17-ти купольный скитский храм в честь Всех святых, в земле Русской просиявших, освященный в 2004 году. Под его Престолом – частицы мощей преподобного Иоанна Затворника, священномученика Владимира, митрополита Киевского, мучеников Вифлеемских. Деревянный Иконостас исполнен в традициях северного письма XVI–XVII веков.

Узнали, что архитектором скитских храмов является сам Владыка Арсений, нынешний наместник Лавры. Без его благословения ни одна икона в скиту не появляется.

Всехсвятский скит – хозяйственное подворье монастыря: поля, сад, огород, пасека, пруды, теплицы, птичник, виноградник, конюшня, коровник. Основан был на месте одноимённой кладбищенской церкви, освященной в 1912 году

при последнем настоятеле Святогорской Лавры – преподобноисповеднике архимандрите Трифоне.

Та Всехвальная церковь после закрытия обители стала местом паломничества для верующих, стекавшихся из окрестных городов и сёл, но в 1931 году её тоже закрыли, устроив внутри зернохранилище.

В 1947 году разоренную церковь взорвали остатками боевых снарядов, гранат и мин, собранных на окрестных полях при их разминировании. На кладбище были осквернены могилы, снесены надгробия и кресты. Узнав такие подробности, страшно становилось от мысли, что народ, победивший гитлеровскую чуму, вместо благодарности Творцу за Его помощь продолжил богомерзкую вакханалию, не жалея даже могил благочестивых предков.

Но Господь поругаем не бывает. Появился скит, дышащий монашеской молитвой, возносимой к святым угодникам ради их предстательства перед Господом за наш безумный мир, за каждого из нас.

После Всехсвятского мы отправились в скит во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских, расположенный на территории, прилегающей к одноименной подземной церкви.

За период нашей паломнической экскурсии меня не покидало ощущение, что временные границы растворились, и ты, вроде бы находясь в своём XXI веке, неожиданно прикасаешься к давнему прошлому так просто, словно оглядываешься на только что прожитый день. Нам словно была выдана дивная книга, которую мы бережно перелистывали. Книга, общая для всех времён, заключающая в себе и древность, и этот день, проживаемый в Святогорье. Христос всё Тот же...

Антоние-Феодосиевский скит. Вновь – предания, легенды, свидетельства летописей... Соименный скиту его древний храм восстанавливался как раз при деятельном участии Преподобного Иоанна Затворника. Будучи на ту пору

экономом, он возглавил работу по расчистке святилища, собственноручно вырубил для храма каменный Престол. Кроме того, преподобный упросил настоятеля Арсения расширить помещение двумя притворами, которые и были выкопаны под его руководством.

Сроки основания этой церкви определены лишь теоретически, хотя скорее всего ископана она была ещё до XVII века. Согласно преданию, незадолго до закрытия обители Екатериной II, послушник Михаил, пастырь монастырское стадо, неожиданно заметил отверстие в земле, явно служившее входом в какое-то помещение. Он сообщил об этом монахам, но, последующее вскоре упразднение монастыря, помешало братии провести дальнейшее исследование.

Михаил так и продолжил жить на земле, ставшей принадлежностью Потёмкиных, и, благодаря дарованному Богом многолетию, дождался возрождения монастыря, будучи уже столетним старцем. Его приняли в число братии и подстригли в монахи с именем в честь библейского патриарха – Мафусаил. От него-то новый настоятель и услышал про существующий подземный храм, открытый старцем в молодые годы.

30 августа в 1846 году Преосвященный Иннокентий, архиепископ Харьковский освятил обретенную церковь в честь преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских, которым по слову старца Мафусаила она и была посвящена прежде. А вот самому виновнику этого события дожить до него не довелось. Он словно бы исполнил отведенную ему Богом миссию – открыл утаённое и дождался времен, пока стал услышан. Кстати, и кончина старца была причиной более скорого возрождения церкви.

Во время его погребения, происходившего подле пещеры как бы в память им её обретения, мимо проезжал помещик Яков Дегтярёв, не питавший к Лавре расположения. Богач любопытствовал о поводе собрания народа, и когда увидел только что разрытую пещеру и услышал историю её дивного

нахождения, то неожиданно высказал готовность устроить в ней церковь за свой счет. С тех пор он сделался весьма благочестивым и жил праведно.

Впоследствии возле церкви расположились усыпальница князей Голицыных и кладбище, где нашли покой духовники и ктиторы Святогорской обители.

В советский период эту церковь также разграбили, превратив в овощехранилище для санатория имени Артёма. Была уничтожена усыпальница князей Голицыных, разорено кладбище. Всё это страшно. И вновь пришел тот же вопрос, что и у Всехсвятского скита:

«Как могло случиться, что большевики и иже с ними дерзнули поднять руку на могилы предков? К таким местам у всех психически здоровых людей есть особое внутреннее благоговение и почтение. У всех, вне зависимости верующие они или атеисты. Что же это была за власть такая, когда места погребения соотечественников их собственные потомки закатывали в асфальт, устраивая буквально на костях стадионы и танцплощадки?»

Вспомнилось мне, что в Ленинградской области у стен возрождающейся Пятогорской Богородицкой женской обители до сих пор под асфальтом находится могила русской писательницы, духовной дочери Святителя Игнатия (Брянчанинова) Софии Ивановны Снеессоревой. Её имя безбожникам удалось затереть в небытие, и сегодня мало кто слышал об этой талантливой женщине. Вот и получается, что на территории бывшей Российской Империи после революции 1917 года многие заразились духовной проказой, душевной чумой...

Такие горькие вопросы рождались, когда я слушала историю Святогорского скита. Навстречу нам постоянно выбегали смелые котята. Отец Модест присел перед одним и ласково погладил его. Я это подсмотрела и сфотографировала. И ушли тревожные мысли.

В моей жизни был день Святогорья, счастливый, солнечный. День в окружении замечательных людей, наполненный благодатью Божией настолько, что уже было почти через край... Накануне святые Лавры помогли мне с Помощью Божией исцелиться от внезапной напасти, а в этот день я узнала от отца Модеста о каждом из них. Да и встречу с нашим экскурсоводом подарил Сам добрый Господь...

Без толку негодовать о прошлом. Всё не научусь думать в духовном ключе, когда нужно всего-то произнести: «Господи, помилуй и спаси нас грешных».

Солнце улыбалось на благосклонном небе. Возрожден ещё один монастырь. Вот и Антоние-Феодосиевский скит... Тут и звонница с 10-ю колоколами, и ризничный корпус с келиями для братии, и чудесные цветы повсюду, посаженные и выращенные руками иноков. Мужскими руками, дарящими радость, жизнь, благословение...

И тогда неожиданно был понят урок Святогорья: в противовес силе разрушительной, безбожной есть и другая – созидаящая, возрождающая. И она гораздо крепче. Воздействие первой я испытала, когда помирала накануне, а при помощи другой силы стала бодрой и здоровой... И весь тот долгий, счастливый, содержательный день стал откровением. Я почувствовала, что больше мне не хочется осуждать тех несчастных, кто закрывал, разорял, губил святые обители, гнал православных, войной вставал на Бога. Не моё это дело, не моё...

Появилась потребность рассказывать о Благодати Божией, о Его подарках и поддержке в тот самый миг, когда это особо необходимо. Ты только попроси Отца Небесного, обратись за помощью.

Жизни наши человеческие удивительно похожи на историю Святогорской Лавры. Вот и у меня была масса фрагментов в судьбе, когда душа изнывала от разрушения. И неожиданно именно Добрая Божия Сила приходила на выручку, спасала, исцеляла, наставляла через помощь близких,

через встречи со светлыми людьми, через книги, через неожиданные, пусть порою и очень болезненные события. Мы не всегда подмечаем это, а так важно быть внимательными. Именно навык анализировать жизнь и стремление понять в ней происходящее укрепляют веру в Промыслительный Божий Замысел о каждом из нас. И тогда можно надеяться, что однажды, перешагнув порог вечности, мы по доверию и любви ко Христу будем помилованы и преобразимся уже в свете Его неиссякаемого Милосердия.

Заканчивалась наша экскурсия. После неё была трапеза, разделенная с новыми друзьями-славянами. Мы обменивались адресами, добрыми пожеланиями.

После Святогорска наш с мужем путь лежал в другую Лавру – в Сергиев Посад, куда уже давно приглашали друзья, где ждал нас замечательный духовный поэт, лаврский старец отец Виссарион (Великий-Остапенко), родившийся как раз на украинской земле. Мы поделились своим намерением с отцом Модестом, который, как оказалось, знал отца Виссариона и с радостью благословил предстоящее путешествие. На память дорогому экскурсоводу я оставила книжечки своих стихов. Хотя бы эту малую лепту за все дары Святогорья.

Зимой, разбирая фотографии, встретила солнечные кадры с отцом Модестом и нашей паломнической компанией, сделанные подле часовни Андрея Первозванного. Нашла в Интернете электронный адрес Святогорской Лавры и отправила фото на имя батюшки, оставив номер своего мобильного телефона. Через день раздался звонок! Радостный, добрый голос отца Модеста... Как это тогда обрадовало!

Вскоре произошел Майдан... Каждый день молось о вразумлении и примирении людей. Молось за братию Святогорской лавры. Молось с благодарностью и надеждой, памятуя счастливый день под ласковым солнцем Святогорья...

Декабрь, 2021 г.

СТРАНА ДУШИ

При звучании слова «Афон» сразу представляется Святая гора на побережье Эгейского моря, наречённая также уделом Пресвятой Богородицы. На ней расположилась настоящая монашеская страна – монастыри, скиты, каливы. Женщинам в это мужское царство аскезы и молитвы вход заказан.

Но это – Афон греческий, а вот в абхазском Новом Афоне побывать может как каждый брат, так и любая сестра...

Впервые я оказалась в этом краю в далёком советском детстве, когда было мне лет десять. Меня очень поразила тогда пещера в Иверской горе – одна из крупнейших из известных сегодня в мире. Позже довелось неоднократно бывать в её подземном царстве, но именно детские впечатления – самые яркие...

Ты можешь представить себя Али-Бабой из сборника восточных сказок, который составил французский востоковед XVII века Антуан Галлан, или Хозяйкой Медной горы из сказов Павла Бажова...

Сегодня Абхазия – самостоятельное государство, перенёвшее в постсоветский период массу трагедий, о которых я знаю не понаслышке, а из уст моих знакомых местных жителей. Но, несмотря ни на что, они считают свою землю – страной Души, с чем соглашусь вполне.

Для меня важным моментом в путешествии всегда является знакомство со святынями, почитаемыми в местах, где бываю. Так лучше постигается душа народа, его культура и традиции. В абхазском гостеприимстве мы с мужем, дочерью и друзьями убеждались многократно. Страна на побережье Чёрного моря влекла и очаровывала. Каждая поездка напоминала путешествие в сказку. Ведь именно в волшебной истории встречается сразу масса диковинного: природа субтропиков, величественные горы, изумрудное озеро Рица, Сухум, Гагра, Пицунда... Но, хоть я и бывала во многих уголках Абхазии, любимым остаётся именно Новый Афон –

городок, неслучайно созвучный именем со своим греческим собратом. Место, чья судьба тесно переплетена с Россией. История его такова.

На греческом Афоне издавна существует Русский Пантелеимоновский монастырь. Не раз его монахи терпели невзгоды и отражали нападения. В 1874 году нависла угроза закрытия монастыря. Греческое духовенство тогда начало стремиться к духовному владычеству на Афоне, а русские монахи были тому препятствием. Вот и обратился тогдашний настоятель архимандрит Макарий за помощью к матушке России, прося даровать для новой обители участок земли у Чёрного моря.

В ответ Государь Александр III выделил русским афониятам 327 десятин на территории Абхазии и значительную денежную сумму для строительства. В прибавок им отдавался разрушенный храм Симона Кананита и даровалось право на рыбную ловлю в реке Псыртсхе. Так зарождался Ново-Афонский Симоно-Кананитский мужской монастырь.

Имя для обители было выбрано не случайно. По церковному преданию именно на абхазской земле один из 12 учеников Христа – Апостол Симон Кананит – нёс Евангельскую проповедь и мученически скончался около 55 года нашей эры. К слову, это на его свадьбе в Кане Галилейской Сыном Божиим было совершено первое чудо – превращение воды в вино. Отмечу, что сама Абхазия входит в ряд стран самого раннего распространения христианства, ибо также согласно преданию туда ещё в I веке по Р.Х. прибыли Андрей Первозванный и апостол от 70-ти – Матфий.

Первые русские «монахи-афоняты» оказались на берегах Абхазии осенью 1875 года. Большинство из них было первоклассными специалистами. К примеру, Монах Иерон, ставший впоследствии настоятелем, являлся талантливым инженером и архитектором.

Сегодня сложно представить, как без современной техники всего за одну зиму людям удалось произвести грандиозные подготовительные работы под строительство монастыря. Только для расчистки площадки необходимо было вырубить часть горы и вывезти массу земли и камней в то время, когда подъездных путей к возвышенности не было.

Уже осенью в 1876 году появляется первый монастырский храм – Покровский. К несчастью, эта церковь была разрушена во время русско-турецкой войны. Но монахи вновь восстановили её всего за 4 месяца, и с начала зимы 1979 года там снова совершалась литургия. Как нам сегодня со вздохом не вспомнить лермонтовское «богатыри не мы»?

Одновременно шло возрождение известнякового храма X века во имя Симона Кананита. О нём расскажу подробнее, ибо храм этот считается шедевром церковного зодчества Абхазии времён раннего Средневековья.

По преданию, он был воздвигнут над местом захоронения апостола Симона, претерпевшего мученическую кончину от рук язычников. Грозные события истории не раз оставляли разрушительный отпечаток стенах этого дивного памятника архитектуры. Так случилось и в XVII веке во время турецкого господства в Абхазии. По воспоминаниям архимандрита Леонида (Кавелина), в результате всех перипетий эта «заветная святыня Абхазии» к концу XIX века походила «на живописную развалину». Но этот храм, как я упоминала выше, был волей Александра III передан во владение молодой Новоафонской обители, и монахи немедленно приступили к его реставрации.

Уже в мае 1882 года восстановленный храм с новым дубовым иконостасом был торжественно освящен. К югу от него расположилось монастырское кладбище, где впоследствии упокоились видные церковные деятели: епископ Сухумский – Геннадий и первый настоятель новоафонского монастыря – архимандрит Иерон.

В самом же монастыре шла кипучая деятельность: поднялись хозяйственные строения, появилась укрепленная пристань. Монастырь возводили всем миром – кроме монахов в этом деле участвовали русские инженеры, зодчие, купцы, промышленники, верующие всех сословий...

Создание монастырского ансамбля было поручено петербургскому епархиальному церковному зодчему Николаю Никитичу Никонову. На выбор нововизантийского стиля повлияла духовная связь с русским Пантелеимоновским монастырем на греческом Афоне. Она же прослеживается и в наречении главного собора в честь Пантелеймона Целителя. Что касается горы, на которой возник монастырь, то её вполне логично назвали Афонской.

28 сентября в 1900 году на освящение главного престола Пантелеимоновского собора собралось более 20 тысяч человек. И было чему удивиться! На малахитовом фоне Афонской горы солнце щедро озаряло золотые кресты и купола монастырских храмов. С одной стороны обитель обнимала сосновая роща, поодаль раскинулся дивный тропический сад. От моря к монастырю вела мощенная камнем дорога, названная «Царскою аллеей» в честь шествия по ней Императорской семьи.

Рядом с возрожденным храмом Симона Кананита был устроен водопад. Под ним в специально отведенных помещениях находился «природный холодильник». Около водопада с 1901 года появилась гидроэлектростанция, освещающая весь монастырский комплекс. С помощью грамотно проложенных каналов вода подавалась в прачечные, на лесопилку, к кирпичному заводу и многочисленным мастерским. На самой плотине были построены мельница и пекарня. Таким образом, в начале XX века прежде заболоченная и заросшая местность превратилась в прекрасный парк с системой сообщающихся прудов, принимающих воду из горных рек и провожающих её в Чёрное море.

Когда думаешь об этих фактах, вспоминается уникальный Валаамский водопровод, сооруженный ещё в 1863 году. Недюжинного ума и трудолюбия были насельники православных обителей!

Перед революцией 1917 года монастырь переживал настоящий рассвет. Тут спасалось порядка 700 монахов. Жизнь шла по строгому Афонскому уставу: молитва и труд. Монастырь тех времен я бы сравнила с уникальным царством-государством, которое обеспечивало не только себя, но и многочисленных паломников, странников, трудников, помогало местному населению. Безусловно, важнейшей его миссией было оказание духовной помощи всем проходящим.

При монастыре существовала школа для мальчиков, аптека, 2 больницы, книжные и иконные лавки, библиотека и переплётная мастерская, конный завод, пасеки, огородное хозяйство. Была тут даже часовая мастерская. Что касается музыкальных часов-курантов на колокольне, то их подарил сам Государь Александр III. Ещё одним его подарком стал паровоз. Да-да! В этом монастыре, как и подобает настоящему царству-государству, была даже своя небольшая железнодорожная ветка. Сегодня тот паровоз находится аж на самой вершине Афонской горы, но увидеть его можно. Помимо железной узкоколейки у монастыря имелись и канатные дороги. Список чудес был бы неполным без упоминания об оливковых рощах и садах невиданных прежде в этих краях лимонов, апельсинов и мандаринов!

Однажды я сама с удивлением узнала, что привычные для россиян абхазские мандаринчики, не были «привычными» для самой Абхазии. Появились они здесь лишь благодаря афониятам, прижились и распространились по всему Кавказу.

Русские монашеские обители испокон веков славились благотворительностью. Новоафонский монастырь стал не только духовным центром православия на Кавказе, но и вёл обширную миссионерскую деятельность. Здесь кормили, обогревали, лечили, учили сирот, ободряли, поддерживали

духовно. В любое время суток можно было постучаться в ворота, за которыми гостеприимно встречали всех.

До революции у Новоафонского монастыря было подворье в Санкт-Петербурге на Забалканском проспекте. Оно одновременно являлось и подворьем греческого афонского Свято-Пантелеимоновского русского монастыря...

После прихода власти большевиков цветущий, приносящий неоценимую пользу, монастырь был в 1924 году закрыт за якобы «контрреволюционную агитацию». Вначале он пребывал в запустении, но во время развития курортного отдыха для советских граждан, здесь расположилась турбаза. В Пантелеимоновском соборе открылся историко-краеведческий музей, что спасло храм от уничтожения. Вместе с разорением монастыря, ГЭС была также варварски разграблена. Над одним из её зданий зачем-то прикрепили знак «серп и молот», сохраняющийся и сегодня.

Без заботливой хозяйской руки и молитвенной поддержки уникальная семиозёрная гидравлическая система заболотилась, заросли сады-огороды. Словом, пришла мерзость запустения. На месте Игуменского дома появилась одна из дач Сталина. Да и Берия, бывший родом из-под Сухума, также не замедлил отхватить себе кусок земли неподалёку.

Не обошли испытания и древний храм Симона Кананита. Роспись стен была забелена, кладбище поругано. Внутри здания поначалу находилась библиотека дома отдыха «Водопад», а в конце восьмидесятых – видеозал.

Господь поругаем не бывает. Распался СССР, а святыни Абхазии продолжают взывать к небу.

В период грузино-абхазского конфликта 1992-1993 гг. в Новоафонском монастыре располагался военный госпиталь. В 1994 году обитель была возвращена верующим. В 2008 году именно при поддержке России проводились масштабные работы по реконструкции этого памятника архитектуры. В 2009 на храмах обители были обновлены купола. Что касается

храма Симона Кананита, то полностью восстановить его внутренние фрески нет возможности. Чудом уцелели лишь две надписи раннего средневековья. Одна из них расположена над южными воротами...

День памяти апостола Симона Кананита (23 мая) отмечается в Новом Афоне особо. Тысячи местных и приезжих верующих участвуют в торжествах. Памятуя, что Симон Кананит – покровитель супружества, у него спрашивают счастья в семейной жизни, молятся о встрече с «суженым-ряженым» или «красой ненаглядной», о здоровье близких.

В наше время история монастыря вновь окрашена тревожными красками.

С 15 мая 2011 года обитель фактически стала кафедрой неканонической «Священной митрополии Абхазии», то есть – раскольников. Потому в этот смутный период русским паломникам, принадлежащих к РПЦ, пожалуй, не стоит участвовать в совместных духовных таинствах. Такая ситуация – сложный политический, экономический и духовный вопрос, который не нам обсуждать. Но увидеть новоафонское чудо, рождённое по Божьему произволению именно силами России, безусловно, стоит.

Нам повезло, что мы ездили в Новоафонский монастырь ещё до раскола. Познакомились со священниками, поклонились главной святыне – чудотворному кресту с частицей Древа Животворящего Креста Господня.

Неоднократно бывали мы и в старинном храме Симона Кананита. В его стенах испытываешь трепет от понимания, что только в короткий период с конца XIX века до революции 1917 года здесь успели побывать тысячи паломников из разных стран. Когда же осознаешь, сколько всего человек возносило в этом храме свои молитвы со времён его основания, то ощущаешь ответственную сопричастность к истории православия и доверие святому апостолу Симону, который ходатайствует пред Господом о нашем счастье. От

всего этого делаешься немножечко светлее, немножечко крепче душой...

Но Новоафонский монастырь и храм Симона Зилота – известные святыни. Мне же особо дорого в Новом Афоне другое место: грот, где по преданию молился этот апостол. По свидетельствам паломников там и сегодня происходят чудеса. Случилось и у нас такое событие после его посещения...

Расположена пещера Симона на территории новоафонского заповедника «Анакопия». Мы добирались к ней по тропе вдоль берега реки Псырцхи, где на одном из валунов можно увидеть след стопы апостола. К гроту поднялись по каменным ступеням и вошли в освященную новоафонскими монахами пещеру, где многочисленные паломники оставляют записочки, свечи...

Когда впервые мы с дочерью и моей подругой оказались в этом месте, то сразу почувствовали сакральную атмосферу намоленности. Мозаичные изображения Христа и Симона Кананита... Надпись на стене: «Радуйся, Симоне, апостоле Христов и молитвениче о душах наших». Пещерка освещалась свечами и была уставлена массой разных иконок. Тишина располагала к молитве...

Неожиданно извне послышалось: «Товарищи туристы, ускоримся! Энергичненько прикладываемся к образам и спешаем на выход. Автобус и так опаздывает!» Под этот крик в пещеру ворвалась толпа экскурсантов, прямо-таки вжав нас в стену. Народ действительно действовал «энергичненько»! Но что поделать – их «автобус и так опаздывает!» Когда эта туристическая волна схлынула, мы вновь погрузились в атмосферу тишины и покоя.

Подумалось: «Прекрасно молиться здесь, смотря ночами на звёзды! В полной мере вслед за древними подвижниками это, наверное, познали иноки-отшельники, скрывавшиеся от богоборческих гонений в труднодоступных горных местах. Хоть их жизни и подвергались опасности, но духовные чувства, обретаемые здесь, того стоили».

В 1930 году советские власти жестоко расправились с братией Симоно-Кананитского монастыря, которая после закрытия обители переселилась в район высокогорья Псху. Почти все монахи тогда погибли. Также в горах Абхазии после закрытия Глинской пустыни продолжал свой удивительный духовный подвиг и схиархимандрит Виталий (Сидоренко)...

По-видимому, и мы в день своего первого посещения пещеры Симона Кананита тоже на мгновение уловили сердцами эту духовную красоту опыта пустынночества... У меня тогда родились строки:

...Коснулись капли летнего дождя
Сухой, раскрытой старческой ладони.
Вздыхнул отшельник, взглядом уходя
К вершинам гор в заснеженной короне:
«Господь врачует души солью слёз.
И небо нынче плачет не напрасно...»

Тот день подарил ещё одно открытие. Встреченная нами приветливая русская паломница поведала о местонахождении другой уникальной пещерки – Пантелеймоновой. Оказалось, её можно найти с противоположной стороны скалы, в которой расположен грот Кананита. Разыскали это место. Оставили там свечи и записки, а также помазали свои лбы маслицем из лампадки... При дальнейших приездах в Абхазию всегда старались с родными и друзьями непременно побывать в обеих этих пещерках...

Что касается явного чуда, произошедшего с нами в Новом Афоне, то история такова.

Чтобы вернуться в Сочи, где в тот год отдыхали, отправились мы на автобусную остановку. Кстати, она интересна оформлена мозаикой в форме ракушки трудами Зураба Церетели. Я не являюсь поклонницей таланта этого скульптора, но знаю, что по его проекту в конце 1960-х годов в Абхазии возникло 9 подобных остановок.

Мы искали расписание рейсовых автобусов-Икарусов, которым доверяли, ибо надежные на трассе. Но вдруг увидели

небольшую маршрутку, надпись на лобовом стекле которой докладывала, что нас готовы отвезти к границе – к реке Псоу. Поинтересовались о свободных местах. Их оказалось ровно три, словно шофер и уже сидевшие пассажиры только нас и поджидали... Сели. Поехали...

Манеру автовождения на Кавказе описывать не стану. Наш водитель тоже был не робкого десятка и гнал достойно. Неожиданно прямо перед маршруткой возник огромный встречный «Икарус»! Дорога была узкой, и столкновения, казалось, не избежать... К тому же – скорость нашего лихача... А со мной – дочь... Мы все тогда словно зависли в моменте пронзительной тишины. Когда пришли в себя – увидели, что «Икарус» миновал нас благополучно... Шофер остановил маршрутку. На его лбу выступил пот, руки дрожали. Сказал, что ощутил, будто кто-то переставил машины прямо на ходу. Сам не понимает, как такое возможно. Думал, что конец. Вот такой страшный случай... А ведь посещали мы Новый Афон 9 августа – в день Пантелеимона Целителя. И в монастыре в его собор зашли, и в гроте-то Пантелеимоновом неожиданно впервые побывали, маслицем лбы помазали... Может, потому-то головы на плечах и носим дальше?

Вспоминать такие случаи непросто, но всё равно делюсь свидетельством чудесного спасения на горной трассе.

Помимо этих, описанных мною новоафонских святых мест, посоветую подняться на Иверскую гору, на вершине которой сохранились останки Анакопийской крепости и первого христианского храма Пресвятой Богородицы, который в XI веке был переосвящён во имя Великомученика Феодора Тирона. Путь туда начинается от Новоафонской пещеры, в сказочных недрах которой непременно также советую побывать.

В Новом Афоне можно посетить и ущелье «Три котла», что в получасе ходьбы от той же Новоафонской пещеры. При упоминании об этом месте мне сразу вспоминается сказка о

Коньке-Горбунке: искупавшись в трёх котлах, сможешь быть и молод, и богат, и любим. Названо ущелье в честь трёх природных ванн с бирюзовой ледяной водой. Сюда и местные жители навещаются, дабы продлить молодость. Ещё одной доброй историей из сказочной книги Абхазии, конечно же, является горное озеро Рица, обрамлённое трёхкилометрового роста горами-великанами. Оно глубокое и холодное. Наполняют Рицу тающие снега и дожди.

Такие вот чудеса таит Новый Афон.

А с самой Абхазией связано имя ещё одного любимого и почитаемого нами святого – Святителя Иоанна Златоуста. По преданию, он окончил своё земное странствие именно на этой земле, в Каманах ...

Но там мы пока не бывали...

Хочется верить, что с помощью Доброго Господа улягутся церковные расколы и все недоумения, и страна Души – Абхазия – подарит нам ещё много счастливых встреч под ласковым Черноморским солнцем...

IV. РАССКАЗЫ

«Доброта является одним из многих свойств Божиих, поэтому всегда источает радость, разгоняет тучи, утешает сердца, как весенние лучи солнца, которые изводят из земли цветы».

Преподобный Паисий Святогорец

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Студенту-заочнику Духовной Академии Вениамину, как всем учащимся, для зачёта по практике было положено отслужить определённое количество черёд. Обычно после всенощной многие заочники оставались ночевать в самой Академии. Во-первых, пребывание в древних стенах духовного учебного заведения помогало не рассеивать между службами внимание в «домашней мирской суете», во-вторых, утренняя начиналась в половину шестого, и чтобы вовремя добраться на службу возникала проблема с транспортом. Кроме того, многим учащимся хотелось поближе познакомиться друг с другом, ощутить в беседах братское единодушие...

Вот и сегодня после вечерней трапезы и молебна Вениамин был настроен на непродолжительный разговор *для пользы душевной*, потом собирался немного почитать и сразу лечь спать, чтобы успеть выспаться перед ранним подъёмом.

Его соседом по комнате (келии) оказался не простой сокурсник-семинарист, а целый батюшка, прибывший из Белоруссии в Академию на какую-то конференцию. Правда, вместо ведения богословских бесед он больше интересовался у Вениамина, где в Петербурге можно приобрести духовную литературу. Видимо, приезжий священник сильно устал за проведённые в мегаполисе сутки и вскоре уснул.

Предвкушая возможность спокойно погрузиться в чтение, Вениамин раскрыл томик сочинений Святителя Игнатия (Брянчанинова). И тут... С противоположного места почивания вначале негромко, но с каждой минутой всё увереннее и мощнее зазвучал храп. Было похоже, что разогреваемый мотор набирал обороты. Вскоре храпение больше напоминало звучание неуправляемого симфонического оркестра. Сосредоточиться на чтении было сложно, тем более – уснуть.

Вениамину, в своё время отслужившему в армии, а в студенческие годы множество раз ездившему в археологические экспедиции, как говорится, было не привыкать к условиям «коллективного проживания», но тут случай оказался особенный. «Вот также, наверное, и жена со мной мучается, когда храплю. Это мне – в усмирении», – объяснял он себе происходящее. Смирение смирением, но завтра – ранний подъём, служба, потом – насыщенный рабочий день, где уже ему самому придётся читать лекции студентам Юридической Академии, где он заведовал кафедрой.

Что делать? Казалось, духовное лицо из Белоруссии нимало не волновали приземлённые мирские проблемки соседа. Храп продолжался. Уверенный, отменный.

И тут Вениамина осенило – надо молиться! Он достал чётки, перекрестился и начал повторять: «Господи, Иисусе Христе...». Сложно было сразу же отрешиться от прыгающих и наскакивающих друг на друга обрывков мыслей, зрительных вспышек фрагментов пережитого дня, но постепенно начало приходить состояние умиротворения. Раздражения к храпуну Вениамин не испытывал, понимая, что тот не нарочно выводит свои чудовищные арии и фуги.

И вот уж действительно – «по вере вашей да будет вам»! В комнате внезапно наступила желанная тишина. Дыхание батюшки стало спокойное, мирное, даже убаюкивающее. «Вот она – сила молитвы!» Вениамин облегчённо вздохнул и отложил чётки. Глаза начинали слипаться. Ещё есть шанс выспаться. Но не тут-то было! Храповой концерт вовсе не закончился, просто-напросто действие прерывал непродолжительный антракт.

«Уфрррр!» Вениамин чуть не подскочил на кровати. «Хрррр! Хрррр! Уфрррр!» Снова молитва по чёткам. Рассеянность мыслей, постепенное сосредоточение. Одна нитка чётки, две... И опять наступила тишина с мирным, прямо-таки колыбельно-баюкающим сопением соседа.

Вновь вздох облегчения «молитвенника», очередная попытка уснуть, и снова торжествующее громогласное «Уфррр!».

«Молитву бросать нельзя!» И Вениамин опять вооружился чётками. Так он ещё никогда не молился. Время шло. Теперь слова словно текли, струились, как мерцающий огонёк свечки. Из сознания куда-то выскользнула причина, с которой Вениамин прибег к молитве, которая теперь действительно именно *творилась*, умиряя сердце, наполняя душу покоем. Храп давно прекратился, но это уже и не волновало семинариста-заочника. Не волновало вообще ничего, кроме восьми драгоценных слов...

Звонок. Рука привычно тянется к мобильному телефону, чтобы отключить сигнал. «Значит, я всё-таки спал, а вот когда уснул и не заметил».

– Доброе утро! – раздалось бодрое приветствие соседа. – Я Вам случайно не мешал, а то ведь, знаете ли, случается, храплю?

– Спаси, Господи, батюшка, спал отменно! – ответил Вениамин, а про себя улыбнулся: – Нет всё-таки худа без добра! Дорогой мой, отец протоиерей, не было у нас с Вами заумных разговоров перед сном, зато уж урок молитвы Вы мне преподали!

ЗИНОЧКА

Фаина Егоровна шла по Каменноостровскому проспекту. Здесь в петербургских домах ещё сохранились коммунальные квартиры, явление, принимаемое ею за сущее бедствие. И ведь именно в одной из них её, уважаемую даму элегантного возраста, сегодня ожидают.

Отыскав нужный дом, Фаина Егоровна открыла тяжёлую дверь подъезда. Зина говорила, что живёт на четвёртом этаже, по её словам – «словно у Боженьки в нагрудном кармашке».

Недоверчиво взглянув на лифт какой-то доисторической конструкции, добираться до «кармашка» Фаина решила пешком. Специфические подъездные запахи и утомительный подъём по лестнице окончательно укрепили её во мнении, что сегодняшней поход в гости – не лучшая идея проведения воскресного дня.

«Но ведь я обещала. Сделаю человеку приятное. Ради Христа. Ведь должны мы – православные – любить ближних, какими бы те ни были. Вот и сегодня в храме в своей проповеди отец Василий говорил».

Наконец, тяжело дыша, она остановилась перед дверью, на косяке которой красовалась вертикаль звонков, сопровождаемых табличками с фамилиями жильцов. Фаина Егоровна как человек интеллигентный не могла позволить себе беспокоить людей напрасно, поэтому первым делом она принялась внимательно изучать надписи на табличках. Фамилии «Иванова» там не оказалось. По мобильному телефону позвонить Зине было невозможно, так как та этим «искушением лукавого» принципиально не пользовалась.

С досадой осознав, что беспокоить «братьев и сестер» всё же придётся, Фаина Егоровна наугад нажала на кнопку прямо в середине ряда звонков. «Для надёжности», – поддержала она мысленно свой выбор.

Дверь открыл мужичок в футболке с надписью «Зенит-чемпион» и в замызганных тренировочных штанах, пузырившихся на коленях. Он с любопытством уставился на внезапную гостью.

– Добрый день. Простите великодушно. Я к Зинаиде... – отчество Зины совершенно вылетело из головы Фаины Егоровны. Она почувствовала, что начинает краснеть.

– А! К Зиночке! «Проходите», я её «зчас» позову! – прервал её душевные мучения почитатель «Зенита» и поспешил вглубь квартиры по длинному коридору. – Зиночка, соседка, к тебе пришли!

Фаина Егоровна переступила через порог и с любопытством огляделась. «Словно в советское время вернулась. Когда-то ведь и мы с мужем так жили, а если о детстве вспомнить, то вообще...» Её мысли были прерваны появлением Зины, спешащей вслед за соседом ей навстречу.

– Вот, к тебе! – любопытный мужичок всё не уходил.

– Господи! Радость-то какая! Фаиночка Егоровна!

Зина приветственно раскрыла объятия, словно собираясь заключить в них драгоценную гостью. На ней был ситцевый халат с весёлым цветочным рисунком и старый фартук. Тонкие русые волосы забраны в пучок на затылке. Голубые глаза на широкоскулом веснушчатом лице приветливо сияли. Несмотря на то, что Зина была высокой и полной, её движения отличала какая-то естественная плавность. Рядом с ней гостя окончательно обрела прежнюю самоуверенность и со сдержанной улыбкой кивнула:

– Спасибо вот этому господину. Он помог тебя отыскать, а то глаза при виде звонков разбежались.

– Ой, Вы как всегда правы! Простите, не догадалась предупредить, когда в гости звала, что я тут комнату-то просто снимаю, потому по фамилии звонок не найти. Ну, пойдёмте же, пойдёмте ко мне! А Вам, Сергей Петрович, благодарность моя сердечная, помогай Вам Господь!

Фаина Егоровна шла вслед за Зиной мимо вереницы дверей, около которых в коридоре ютились комодики, шкафчики, велосипед, тазы и тумбочки. «Да, словно по прошлому своему путешествую. Просто воскресный променад из века двадцать первого в двадцатый. Но почему люди сегодня-то так живут?»

Комната Зины, на первый взгляд, уютом не отличалась: малогабаритная, вся заставленная коробками с таинственным содержимым и стопками книг. У единственного узкого окна находился стол, покрытый клеенкой, и ютились два табурета. Обстановку дополняли продавленный диван, выдавшие виды шифоньер и сервант...

Обеда Зиночкино жилище разочарованным взглядом, гостя также заметила в правом углу напротив входа нехитрый иконостас: под иконами три угловые полочки, покрытые белыми, накрахмаленными, вышитыми шёлковой гладью салфетками. Пред образами Казанской Божией Матери, Николая Угодника, Ксении Петербуржской и Царственных мучеников приветливо поблёскивал огонёк лампадки. Этот Красный угол словно противопоставлялся остальной обстановке жилища: духовное – мирскому.

– Фаиночка Егоровна, вы мне пальто дайте, я его на плечики повешу! А вот Вам и тапочки на ножки, а если хотите, то и прямо в сапогах ходите. Всё, как Вам удобней.

Обувать чужие тапки Фаине было неприятно. Хотя раньше при визитах к знакомым такое чувство её не посещало. Но здесь... Она осталась в сапогах...

– Садитесь же на диван, моя дорогая! Я мигом обернусь, только похлопочу на кухне, а Вы пока оглядитесь. Вот книжки – беру читать в церковной библиотеке. Посмотрите пока.

Фаина Егоровна осталась в комнате одна. Только сейчас она почувствовала, как устала. Ещё бы! В её-то годы не шутка отстоять церковную службу, потом пережить поездку в метро, прогулку по шумному проспекту, подъем по высоким лестницам, встречу со своеобразным соседом Зины, обрывки воспоминаний собственной жизни... А ещё это грустное впечатление от жилища своей знакомой, с которой их и объединяет-то лишь «духовное сестричество». Зачем она, административная начальница, согласилась прийти сюда? Что делает здесь?

С Зиной они познакомились случайно. Хотя у Бога, конечно же, случайностей нет.

Немало лет прошло с тех пор, как душа Фаины, женщины успешной, известной в светских кругах, затомилась и повлекла её, бывшую атеистку, правда, крещёную в детстве, в храм Божий. В то постперестроечное время многие потянулись в

церковь. Велик был духовный голод в Советском Союзе. А тут в одночасье всё стало вдруг разрешено и даже популярно.

Фаина книжки умные читать стала, молиться начала, всех своих родных и знакомых «одухотворяла». А уж после того, как на курсы катехизаторские походила, и вовсе изменила привычный быт и интересы. Службы старалась не пропускать, а каждое воскресенье ждала с нетерпением, чтобы во время встреч в воскресной школе для взрослых за традиционным чаепитием мудрого батюшку послушать, да и блеснуть своими скромными успехами на пути духовного совершенствования...

Именно в воскресной школе и познакомилась она с Зиной, обретя в лице той внимательную слушательницу собственных витийств. Душу грела возможность поучить эту простолюдинку. Узнав о жизненных трудностях Зиночки, Фаина Егоровна помогла ей устроиться гардеробщицей к себе в администрацию. Зина была счастлива, так как на такой должности она могла украдкой и почитать, и помолиться. Проблемы начались, когда в дни церковных праздников Зинаида на работу стала опаздывать. Да и не нравился административным львицам, изрядно подкорректированным косметикой, Зинин взгляд, с которым та принимала их шубки и шляпки. Был он каким-то жалостливо-сострадательным... Так что вскоре странноватой гардеробщице пришлось уволиться.

Но Фаина Егоровна «своих» не бросает!

Зина по образованию была медсестрой, вот и стала «опекунша» устраивать её в соответствии с имеющейся профессией то в детский сад, то в поликлинику. Там Зиночка тоже не задерживалась. Она приходила в ужас, когда в саду воспитательницы кокетничали с молодыми папашками. Пыталась урезонивать педагогов и за короткие юбки, и за курение в подсобке. Да и в поликлинике кого-то из врачей тоже как-то наставлять на путь истинный вздумала...

Правда, со всеми была она добра, на каждую слезу отзывчива, всех выслушивала, утешала. Но только когда

человеку его грехи постоянно красным подчеркивают, мало, кто долго вытерпит...

Смекнула тут Фаина Егоровна, что неспроста у Зины и до их знакомства сложности с работой были. Но, пользуясь своими связями, она продолжала мужественно «тянуть её по жизни». Правда, потенциального работодателя никогда заранее не предупреждала, что её протеже имеет «своеобразный» характер.

Сейчас Зина работает в больнице санитаркой. А так как именно санитарки всегда в дефиците, то и спорить с ней особо не спорят, и смены ночные ей подходят. На удивление, любят Зиночку больные, врачи с медсёстрами на неё не обижаются, а порой с интересом слушают про Пантелеймона Целителя, Святителя Луку Войноясенецкого, про бессребреников Косьму с Дамианом. К слову, в больнице и своя домовая церковь недавно появилась. Зиночка советовала больным почаще обращаться за духовной помощью, чтоб приглашали батюшку. Ей уже не раз предлагали в медсёстры соответственно образованию перейти, а она ни в какую не соглашалась. Раз жизнь заладилась, значит, верный путь у неё.

– А вот и чаёк! Сейчас потрапезничаем!

Зина внесла в комнату чайник с кипятком и тарелку с нарезанными булкой и сыром. Она проворно расставила на столе чашки-блюдца, положила чайные пакетики, вынула из серванта сахарницу и вазочку с дешевыми конфетами.

– У меня ещё есть замечательное клубничное варенье! Один больной при выздоровлении подарил. Такой солнечный дедушка! Присаживайтесь к столу! Я вот Вам на табуретку и коврик подстелю, чтоб помягче.

Фаина Егоровна повиновалась. Перед тем, как Зина разлила кипяток, она придирчиво успела оглядеть чашки. Посуда оказалась идеально чистой. Неловкое чувство брезгливости капитулировало перед ощущением голода. Ведь с утра во рту «и маковой росинки» не было.

– Я надеялась, что Вы придёте! Сегодня была в храме Спаса на Крови. Там службы рано начинаются, так как с десяти утра только по билетам и войдёшь. Музей... Вы уж сами прочтите молитву перед едой, пожалуйста. Ой, посмотрите, за окном-то солнышко выглянуло!

Гостья, экипированная элегантной причёской и дорогим английским костюмом, встала рядом с хозяйкой перед иконами. Произнесла: «Отче наш...». Осеклась... Ей вдруг стало совестно за то, что находилась в уличной обуви в этом хоть и бедном, но таком гостеприимном доме Зиночки.

– Как там этот мужичок-спортсмен-то её назвал? Соседушка?

Странно, но только сейчас Фаина Егоровна поняла, что её крупной, статной подопечной подходят именно такие добрые слова-словечки: душечка, роднулечка, соседушка, голубушка.

Вот и отец Василий, когда знакомил их в воскресной школе, сказал: «Это – Зиночка, наш добрый Ангел».

Про «доброе Ангела» Фаина только теперь и вспомнила. И подумалось ей, что это не она Зине, а та была ей зачем-то послана. Ведь с бескорыстными заботами о чужом человеке в ней самой что-то стало меняться. Не смущали Фаину насмешливые отзывы приятельниц о странной, пристраиваемой по её просьбам сотруднице. Напротив, возникали прямо-таки творческие мысли о непременно благоустройстве Зиночкиной судьбы.

Они сели за стол. В чашках уже поджидал остывающий чай.

– Вот, возьмите! Ягодки-то с любовью тем дедулечкой лично выращены. Угощайтесь! – Зина протянула гостье кусок булки с щедрым слоем ароматного варенья.

Отказаться было неудобно, да и на душе её совсем прояснилось то ли от солнышка, выглянувшего сквозь облака, то ли от ласковой улыбки хозяйки...

Фаина Егоровна принялась за угощение и внезапно поняла, что ничего вкуснее она в жизни своей ещё не

пробовала. А убогая комнатуха вдруг превратилась в уютную светёлку. Глаза гостьи потеплели:

– Зиночка, прости, дорогая! Мне ногам жарко... Дай твои тапочки, пожалуйста.

ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ

Опыт духовной жизни у каждого свой. Собственные уроки, встречи, неслучайные случайности... Порой чья-то фраза неосознанно принимается сердцем и сохраняется им до поры её осознания. Иногда это происходит молниеносно и может стать настоящим спасением.

Дорога бежит среди заснеженных полей Псковской области. Белизна сугробов радует душу, вырвавшуюся из городской суеты и мороки. На сердце трепетно и ласково от предстоящей встречи. Давно уже не была она у своего духовного отца. Всё не выбраться из Петербурга, да и далековато. А ещё – работа, встречи, научная деятельность, банальный быт и масса других невнятных оправданий...

Вспомнились лучащиеся добротой глаза батюшки, его тихий голос, улыбка. От этих мыслей свои собственные, ещё недавно наседавшие на плечи проблемы начали таять. Чем ближе заветный посёлок, тем более нелепым кажется душевный груз из личных обид, тревог, гнева и прочего хлама, с которым было жить уже не вмоготу и который сердце уже давно требовало донести и сложить к ногам дорогого старичка-священника. Он-то разберётся, утешит, подскажет... Как обычно...

Вспомнилась удивительная картина, которую пришлось наблюдать минувшим летом. Она тогда тоже выбралась с батюшкой повидаться. После службы и трапезы захотелось одной погулять по тёплым тропинкам, подышать ароматом разнотравья, просто постоять под этим приветливым синим-пресиним небом и никуда не торопиться...

Тропинка привела к холму, откуда открывался вид на старенький храм, где она только что причащалась. И тут перед её глазами стали происходить те самые маленькие чудеса наяву, заметив которые, внимательное сердце наполняется радостью.

На холме паслась рыжая крепенькая лошадка, а рядом бегала небольшая лохматая собачка, по-видимому, её приятельница. Вдруг животные прямо на глазах у изумлённой горожанки пробежали кружок вокруг колышка, к которому была привязана лошадь, встали против храма и начали... кланяться. Это было именно так! Лошадка кивала головой, а собачка припадала мордочкой к передним лапам. И повторилось это несколько раз. И как такое объяснить? Она потом рассказала про увиденное батюшке, а он лишь хитро усмехнулся и погладил её старческой рукой по голове...

– Всего-то и надо, доченька, на потребу, что «Господи, помилуй!» ...

Воспоминания нарушил громкий хлопок. Машинку тряхнуло и вынесло на встречную полосу. В голове молнией сверкнула догадка – лопнуло колесо! И вместе с пониманием опасности ситуации, что сейчас в её неуправляемую машину может врезаться встречный автомобиль, в душе отчётливо прозвучало: «Господи, помилуй!»

Брызги снега... Удар...

Она пришла в себя от непонятого стука. Открыла глаза – вокруг всё белое. Сообразила, что это снег залепил стёкла, а стучат в дверь. Взглянула в водительское зеркало, лицо было без повреждений. Ничего не болело, да и салон похоже не пострадал. А лобовое стекло с внешней стороны уже очищала от снега чья-то огромная рукавица. В образовавшемся просвете появилось встревоженное лицо усатого мужчины. От неожиданности она улыбнулась. Он ответил тем же...

Дверь открылась легко, ничего не заклинило. Незнакомец помог ей выбраться из салона. Оказалось, что её машинка стоит на обочине встречной полосы, уткнувшись капотом в

огромный сугроб. Странность была в том, что по всей трассе таких сугробов ни до него, ни после не виднелось. Как будто в этом месте специально сгребли такую снежную гору!

Усач оказался встречным водителем, на глазах которого всё и произошло. Он рассказал, что ему почему-то заходя захотелось сбавить скорость. И тут у её автомобиля, который он заметил издали, лопнуло колесо. Машину завертело, вынесло на «встречку», но она как-то сразу сдала к обочине и воткнулась в этот самый странный одинокий сугроб. Видимо, повороты-развороты помогли снизить скорость, чтобы смягчить удар. Проехать мимо он, конечно же, не мог и поспешил на помощь.

Колесо было быстро поменяно на запаску. Она с неожиданным спасителем сидела в салоне его машины и, угощаясь чаем из термоса, рассказывала о своих недавних летних воспоминаниях.

Слушая и улыбаясь собственным мыслям, он вслед за ней тихо повторил:

– Да, всего-то и надо на потребу...

МАТЕРИНСКАЯ ФАМИЛИЯ

Случай этот произошел на заре перестройки, когда СССР ещё существовал, но многое в стране уже изменилось. Ослабли тогда и гонения на церковь. Ждали все празднования 1000-летия Крещения Руси...

Славка пришел домой из школы с озадаченным видом, так как учитель истории неожиданно предложил их классу нарисовать семейное древо.

– Тоже мне, педагог-новатор, – сердито бурчал себе под нос парнишка, понимая, что от выполнения задания ему не отвертеться, а в планы на вечер это «тупое» занятие совершенно не входило.

– Что случилось, внучок? Чего такой суровый? – обратился к Славке дед, бывший у них в гостях.

– Да историк нам как малолеткам каким-то задал, так сказать, «творческую задачку».

– И в чем её суть, что ты так сердисься?

– Да дерево какое-то своё родовое расписать. Ну, как Джека нашего родословную, получается. Я что ему, собака?

– Погоди, Слава, причём тут собаки? Историю своего рода каждому человеку знать необходимо. Раньше вон до седьмого колена люди своих предков назвать могли. А мы? Тебе тут интересное задание предложили, а ты хорохоришься.

– А как мне про предков писать, когда я их почти не знаю? Ну, маму, папу, тебя, мамину маму – бабушку Марфу написать могу. И всё. Остальных-то уже нет. Братьев-сестёр у меня тоже не имеется. Один я у вас эгоист и нахлебник!

– Ну, брось ты, причитать-то. Тоже мне – нахлебник выискался. Лучше давай-ка вместе подумаем, да нарисуем это наше с тобой, как ты выразился, «родовое дерево». А называется оно правильно – генеалогическое древо. Произошло от слова «генеалогия», что с греческого языка переводится как «родословная».

– Во-во, как у Джека!

– Вячеслав!

– Ну ладно, дед, не сердись. Вызвался помочь – помогай...

– Помогу, а ты принеси-ка бумагу большую, на чем писать будем. Да вон хоть от рулона старых обоев кусок оторви.

Славка оживился. Когда приготовления были закончены, они с дедом разместились за столом, раскатав перед собой обойный лист и вооружившись ручками и карандашами.

– Ну, смотри, будем схему рисовать. Вот в центре ты – Вячеслав Александрович Иванов. Обведём кружком. От кружка две стрелочки – мама и папа – Юлия Сергеевна и Александр Анатольевич. Мамину фамилию до замужества знаешь?

– Тихонова.

– Припишем. А папа, как ты понимаешь – Иванов.

Потихоньку их дело начало продвигаться. На бумаге увеличивалось количество стрелочек, связывающих кружки с вписанными в них именами и фамилиями родных Славки. Вот – мамыны сестры, папин брат – второй сын Славкиного деда... Мамаины и папины родители...

– Подожди, дед. Тут что-то не то. Ошибка какая-то, – вдруг насторожился Слава. – Мы вот обозначили твоих родителей, то есть моих прабабушку и прадедушку, и твоих братьев и сестер. Вас же – семь человек детей в семье!

– Да, нас семеро у мамы было. Четыре сына и три дочери. А что тебя смущает? Раньше многие семьи многодетными были.

– Нет, я не про «многодетность». Смотри, тут что-то не верно. Ты же сказал, что у твоего отца фамилия – Анисимов, а у мамы – Иванова.

– Да. Всё так.

– Тогда почему твои братья – Виталий, Михаил и Дмитрий – Анисимовы, а ты – Иванов? Ведь фамилия-то всем по отцу передается. Потом, вот мой папа – Иванов. Теперь и я – Иванов. А ведь тогда же и мы Анисимовыми должны быть. Вот твоего отца звали Николай. Ты – Анатолий Николаевич, мой отец – Александр Анатольевич, я – Вячеслав Александрович. Так?

– Так, – тихо ответил дед, внимательно смотря на Славика.

– Так почему мы – Ивановы?

– Ну вот, Славик, видимо, пора тебе тоже узнать эту историю. Может быть, и неспроста учитель вам такое задание домой назначил...

– Какую историю, деда?

Анатолий Николаевич помешкал, вздохнул и начал рассказ:

Это в войну было. Жили мы тогда в Белоруссии. Мне, когда фрицы на нас напали, четырнадцать лет только исполнилось, на год больше, чем тебе сейчас. Братья были

старше, на фронт ушли. А я остался с матерью и сёстрами. Немец наступал быстро. И вскоре мы оказались на оккупированной территории.

Нас, мальчишек-подростков, немцы собрали и отдельно в селе поместили, типа в лагерь такой, а фамилии и имена наши в какие-то списки внесли. Не скажу, чтоб поначалу нас как-то уж очень сильно охраняли. За нами полицаи присматривали, которыми свои же односельчане заделались. Мы их, предателей, конечно, ненавидели жутко. Хотя поначалу и они особо не зверствовали. А вот голодно нам было, так не то слово. Потому некоторые парнишки из «лагеря» сбегали. Я с одним приятелем тоже дёрнул. Но фронт-то не понять где. Куда податься? Долго пробирались лесом и добрали до какого-то хутора, где нанялись помогать тамошнему хозяину. Он нас за это кормил и прятал. Так почти полтора года и прошло.

Стали наши фрицев теснить на фронтах, а те принялись ещё больше зверствовать в ответ. Да еще из-за партизан облавы начались. Нас тоже вычислили, пригнали обратно. И вот сплю я в сарае, где подобных мне «найденшей» закрыли, и сон вижу. Приходит ко мне Богородица, как на иконе моей мамы. Хоть в нашей стране в те годы с религией боролись, матушка всё равно иконы со стен не снимала, много молилась за нас. И Бог хранил её. Так вот, вижу я Божью Матерь. Она наклонилась ко мне и говорит:

– Завтра фашисты фамилии ваши спрашивать начнут. Ты, Толик, мамину назови.

Сказала это и исчезла. А мне на душе так вдруг спокойно стало, что и словами не передать.

Поутру нас всех выгнали на двор, построили и стали выпытывать имена. Ребятки себя называют, а офицер немецкий сразу на полицаю смотрит. У того в руках списки какие-то были. Если полицай кивнет – хлопчика сразу из нашего строя в другую сторону, если нет, то на месте оставляют и следующего опрашивают. Что мы тогда понимали? Думали, на какие-то работы отправят...

Дошла очередь до меня. Я и сказался Толей Ивановым. Полицай глазом по списку шурует, а нет такого там парня, хоть и фамилия-то, сам понимаешь, самая популярная. Отвязались они от меня.

Позже тех ребят, кто оказался отделённым за бегство из лагеря, расстреляли. Нас, оставшихся, хотели в Германию угнать, да не успели. А я, как наша армия подросла, сразу на фронт запросился. Так Ивановым и воевал с шестнадцати лет. А после войны не стал документы менять. Да, по правде говоря, время тогда тоже тревожное было. Так и остался я Ивановым, чтобы вопросов задавалось поменьше, ведь на оккупированной территории полвойны пробыл. И знаешь, всю-то жизнь я чувствовал, словно Сама Богородица меня платком своим укрывала и сохраняла. Я и в институт поступил, и семью хорошую создал...

– Так вот почему ты в церковь ходишь!

– Теперь хожу. А после войны побаивался. Но знаешь, Славик, в Бога я с той поры всегда верил крепко, всегда у него помощи просил. Прабабушка твоя, а моя матушка, перед смертью, когда я её навещать приезжал, мне свою Богородичную икону подарила. Благословила так. Я всю жизнь её храню.

– Ту, которая у тебя дома стоит?

– Её самую... Ну, давай, внучок, наше родовое древо дорисовывать. Ещё многих родных надо вспомнить. Что ты так на меня смотришь?

– Прости, дедушка. Я и не думал, что такие у нас тайны интересные в семье есть. Теперь мне даже нашего историка поблагодарить за это задание хочется.

– Ну, наконец-то ты что-то понимать начинаешь. Для каждого, Славик, история его семьи должна быть очень ценной. Надо гордиться своим родом, своими родными. Это ж как у дерева корни. Подруби память, и упадет оно...

– Не упадёт. У меня корней-то вон сколько! – радостно воскликнул Славка, указывая на рождающуюся фамильную

схему. – Спасибо, что помогаешь. А в церковь с собой потом как-нибудь возьмешь?

– Возьму, родной.

ДЕКОРАТИВНОЕ УКРАШЕНИЕ

Вера любила севастопольский железнодорожный вокзал. Уезжать отсюда в Петербург из Крыма было очень удобно. Состав обычно подавался за час до отбытия. Посадку объявляли заранее. Можно неспешно расположиться в вагоне, настроиться на предстоящее путешествие. А вот в Симферополе стоянка – считанные минуты! И отъезжающим приходится вспоминать все навыки физподготовки, чтобы со своими чемоданами, сумками, котомками успеть запрыгнуть в поезд.

В 2006 году Вере с дочкой вновь посчастливилось отдохнуть в Крыму. Наступил день отъезда – опять встреча с любимым севастопольским вокзалом... Они вошли в вагон. Сидя в купе, Вера раздёрнула оконные занавески с мыслью: «Интересно, кто будет нашими соседями?»

Поезд тронулся. За окном сгущались южные сумерки.

– Ну, Юлечка, сегодня я сплю наверху, – сказала она дочери, тоже предпочитавшей другим местам в купе этот «любимый отсек интроверта», который было заранее договорено занимать по перемене. – И ты давай-ка укладывайся. Спокойной ночи!

Вера поцеловала дочку и взобралась на свою полку. Сами собой нахлынули воспоминания о двух замечательных неделях, проведённых на Южном берегу Крыма. Этот отпуск оказался щедрым на подарки. Массу прекрасных мест удалось посетить. Получился не просто отдых на море, а настоящая паломническая поездка. Инкерманский, Успенский и Топловский монастыри, крымские храмы...

В дороге Вера намеревалась почитать купленную в Крыму книгу об архимандрите Петре (Пасадневе), начавшем восстанавливать церковь на Форосе после распада СССР. Этот храм ещё именуется «жемчужиной и визитной карточкой Южного берега Крыма». Построили его в 1892 году на пожертвования московского купца Кузнецова в честь чудесного спасения Александра III и его семьи в железнодорожной катастрофе в Борках.

Посещение Форосского храма стало для них с дочерью событием из разряда чудесных. В начале отпуска поездка к нему всё как-то откладывалась, но вдруг незадолго до отъезда в Петербург именно двадцатого августа почему-то потянуло её осуществить. От посёлка Симеиз, где они отдыхали, до Фороса добрались на маршрутке, а в гору от трассы уже поднимались пешком. На удивление неблизкий подъём по асфальтированному серпантину под пекущим солнцем был довольно быстро и легко преодолен.

Воскресенская церковь словно лермонтовская «тучка золотая» возлежала на ладони Красной скалы. Вид, открывшийся с высоты, был прекрасен. Море сливалось с небом в южной симфонии счастья. Перекрестившись и положив поклоны, они вошли в храм.

Внутри тихо звучало песнопение. Вера невольно принялась искать глазами клирос, но поняла, что это просто включена аудиозапись. В храме находились две женщины-служительницы. Они обрадовались паломницам и стали расспрашивать, откуда те явились. Узнав, что Вера с дочерью приехали из Санкт-Петербурга на отдых и безо всяких экскурсий самостоятельно добрались до храма, сразу же предложили им утолить жажду после похода по жаре, попить святой воды.

Потом последовал рассказ о храме, о его восстановителе архимандрите Петре (Пасадневе), зверски убитом в ночь на двадцатое августа. К сожалению, причины трагедии остались

под покровом тайны. Якобы и убийц нашли, а преступление всё равно не было до конца раскрыто.

– В лавке есть книга о нашем батюшке. Можете её купить.

Именно эту книгу Вера и собиралась прочесть в дороге. Дочка уже мирно спала, а воспоминания о Форосе не отпускали, и Вера не стала им сопротивляться...

В церкви было светло и радостно. Она постояла подле икон, помолилась. Потом, взяв поминальные листочки «за здравие» и «за упокой», присела на скамейку, чтобы вписать имена родных. Появились экскурсанты. Паломниками их было назвать сложно, так как почти все мужчины были в шортах, а женщины выглядели так, будто бы сошли со светского променада по Ялтинской набережной.

К углублённой в своё занятие Вере подошла молодая пара. По-видимому, её приняли за толковую прихожанку, благодаря православному, как принято сегодня говорить, «дресс-коду». Последовал громкий вопрос:

– Скажите, а на камеру здесь снимать можно?

Вера ревностно относилась к церковным правилам и жалела, когда люди, приходящие в храм, были безразличны к тому, как подобает выглядеть в доме Господнем. Оно конечно – «не судите да не судимы будете»... Но ведь при экскурсиях в мечети или буддийские храмы посетителей тоже непременно обязывают быть соответствующе облаченными. И никто из них как-то не протестует... Подняв глаза от своих записок, она тихо ответила:

– Насчёт съемки не знаю, а то, что в православный храм без платка, с голыми плечами и в шортах ходить не очень принято, так это – точно...

Молодые люди отступили и присоединились к остальным шумным туристам, атакующим церковную лавку. Народ покупал открытки, сувениры с видами Форосского чуда. Записок никто не писал, да и свечей не брал. Вдруг раздалась бодрая команда экскурсовода: «Автобус отходит через пять минут. Товарищи, побыстрее, пожалуйста! У нас с вами по

программе ещё вина Массандры». Экскурсанты дружно испарились.

– Мамочка, а здесь хорошо, – вздохнула Юля, присев рядом с Верой. – Это, наверное, отец Пётр нам радуется. Мы же, получается, в день его перехода в вечность сюда пришли... Совпало-то как...

– Да, детка, всё в жизни не случайно...

В храм вошёл священник и, увидев петербурженок, радостно воскликнул: «Откуда вы такие замечательные? Давайте-ка я вас покроплю!»! Оказалось, что он во дворе только что освещал чью-то машину, и вода в чаше оставалась. Хрустальные брызги обильно полетели с кропила. Благодать! В лавке им подарили открытку с видом Форосского храма.

Расставались со служительницами и настоятелем отцом Евгением сердечно. Надо было поспешать в Симеиз, чтобы вернуться до темноты. В церкви им подсказали, как скорее выйти к трассе иным путём, не по асфальтовому серпантину, а спуститься по склону скалы через лес. Они и послушались совета. Оказавшись на тропинке среди зарослей, Вера почувствовала тревогу и мысленно прошептала: «Батюшка, Пётр, проводи нас!» И словно крылья за спиной выросли... Страх отступил, и они довольно быстро оказались у трассы прямёхонько перед автобусной остановкой. Только перешли дорогу, как перед ними остановился огромный грузовик с разрисованной весёленькими ромашками бетономешалкой. Дверь кабины распахнулась, и улыбчивый молодой шофёр поинтересовался: «Девчата, вас подбросить?»

Машина мчала их по южной дороге. В кабине играла музыка, в открытое окно врывался тёплый ветер, на душе было светло...

Вера задремала. Её разбудил резкий толчок, сотрясший вагон. Послышался недовольный людской гомон – Симферополь!

Дверь в купе открылась. Ну, вот и попутчики! Знакомство Вера решила перенести на утро и, отвернувшись к стене, уснула.

Пробудилась она от крика, огласившего купе:

– Нет, я не хочу это есть! Ты мне надоела, мама! Отстань!

Вера взглянула вниз. На противоположной нижней полке сидели женщина и мальчик. Женщина, видимо, пыталась накормить сына, но, судя по надутому выражению его лица, он вовсе не разделял эту идею.

– Доброе утро! – улыбнулась Вера соседям.

– Кому как, – нервно ответила ей мать мальчугана.

«Что ж, такие вот попутчики... Своеобразные... А как там моя Юлечка?»

Вера осторожно спустилась с верхней полки и присела рядом с дочкой, которая взглянула на неё понимающе.

– Mamочка, я уже кофе приготовила. Будешь?

Во время завтрака Вера ещё раз попыталась вступить в диалог с попутчицей, но та отвечала резко и неохотно, а её сын, капризная и толкая мать, совершенно не смущался присутствия незнакомых людей.

Мальчишке на вид было лет десять. Он оказался весьма упитанным хлопцем со светлыми волосами, кудрявившимися вокруг красного, лоснящегося лица. «Взрослый уже, а ведёт себя, как в детском саду», – подумалось Вере. Его мать тоже была «краснолицей». Видимо, кожа их обоих не терпела солнца. Черные крашенные волосы соседки с отросшими светлыми корнями были стянуты в жидкий хвостик. Брови тонко выщипаны в форме «удивлённая крыша домика», на губах – красная помада.

Внешне эта двоица приятных эмоций не вызвала, но Вера, заметив на шее попутчицы золотую цепочку с крестиком, укорила себя, что впечатление бывает обманчивым. Просто люди устали от жары, наверное, намучились предыдущей ночью на Симферопольском вокзале, вот мальчик и капризничает. А тот факт, что пообщаться в пути им скорее

всего не придётся, даже обрадовал – ведь её ожидала замечательная книжка! Дочка достала пальцы, намереваясь заняться вышивкой, поэтому Вера с лёгким сердцем снова взобралась на свою полку и предалась чтению.

Перед ней раскрывалась история жизни священника, молитвенное обращение к которому у Воскресенского храма, произнесенное скорее не разумом, а сердцем, уже явило реальную помощь им с дочкой при возвращении в Симеиз.

Вера читала и думала, как причудливо порой связываются судьбы ныне живущих людей с теми, кто уже покинул этот мир.

Перед ней раскрывался образ Архимандрита Петра, в миру – Виталия Пасаднева, которого ещё в детстве явно коснулся Перст Божий. Севастопольский парнишка, родившийся 5 марта в 1966 году, выросший в советское время и по собственной воле крестившийся в девятом классе, имел такую ясную веру в Бога, что, будучи успешным выпускником школы, избрал вместо сулёных ему светских университетов тернистый священнический путь.

Сразу после армии Виталий принял постриг с именем Пётр в честь Святителя Петра Московского, был рукоположен в иеродиакон и назначен служить в Свято-Благовещенский собор города Муром. Одновременно он поступил в Московскую Духовную семинарию. В Муроме отец Пётр участвовал в возвращении церкви из запасников местного краеведческого музея мощей святых благоверных князя Петра и княгини Февронии.

Веру это заинтересовало, так как именно с Муромом её саму связывала личная история. Однажды они с подругой побывали там во время паломнической поездки. Ей вспоминался медовый запах свечей, которые они поставили у раки святой княжеской четы. Тогда и произошёл растрогавший их обеих случай.

На той службе в соборе Свято-Троицкого женского монастыря им встретилась женщина с болящей девочкой на

руках. Видно было, что ребёнок – инвалид. Такое горе для семьи... Но поразило лицо матери – светлое, приветливое, доброжелательное. Девочка также вела себя спокойно. К ним подошёл только что причастившийся отец и заботливо принял из рук матери малышку в свои объятия. Родители не выглядели несчастными. Напротив, они светились радостью. Вдруг девочка протянула ручки к священнику, который, судя по всему, был хорошо с этим семейством знаком и подошёл, благословляя их, побеседовать.

И вот теперь в этой книге вновь идёт речь о Муроме. Оказалось, что отец Пётр участвовал в возвращении храму Божьему мощей именно этих муромских святых, которые укрепляют и утешают нынче многих своим молитвенным заступничеством.

Вера чувствовала, что словно бы сама уже давно следовала за отцом Петром. И эта маленькая болящая телом, но светлая душой девочка, и её родители... Все они были тесно связаны невидимыми, но ощущаемыми сердцем небесными нитями.

Служа во Владимирской епархии, отец Пётр не забывал о храме, памятном ему с детства, поруганном и одиноко стоящем на Красной скале над Форосом. Осенью в 1989 году он подал прошение о переводе его в другую епархию.

Поезд увозил Веру от Крыма, а чтение, напротив, возвращало к Воскресенской церкви. Она читала о человеке, который, в юности отказавшись от соблазнов мира, стал монахом и после возвращения из Мурома посвятил отпущенные ему Богом годы восстановлению «Крымской жемчужины».

Опытно познав, как нелёгкок подъём к Форосскому храму, Вера пыталась представить, сколь непросто отцу Петру было его восстанавливать. Разрушения были сильнейшие. Вначале там находился склад, потом чебуречная для «VIP-персон» из числа советских правителей и представителей компартий дружественных стран. Однажды Никита Хрущев привез туда даже президента Франции, но тот отказался столоваться в

церкви, назвав это кощунством. С конца 60-х годов храм пустовал. Зачастую в нём останавливались туристы и жгли костры, тем самым уничтожив фрески, написанные Маковским и другими именитыми художниками.

Из книги Вера узнала, что любимый туристами Южный берег Крыма щедр на ласковую погоду лишь в летнюю пору, а в остальное время климат на Форосе капризный: ветер, тучи, перепады давления.

Зимой на гору к храму забраться трудно, и отцу Петру часто приходилось служить почти одному, но служб он никогда не отменял. Благодаря своему искреннему человеколюбию молодой священник смог коснуться словами проповеди многих сердец. Его паства росла. На храм стали жертвовать даже незнакомцы. Прихожане отмечали доброту и какую-то детскую чистоту души батюшки. Правда, с начальством отношения не всегда складывались. Несколько раз ему настоятельно советовали сменить приход.

Восстановление Воскресенской церкви, длившееся порядка семи лет, оканчивалось. Оставалось установить резной дубовый иконостас, воссозданный по старинным чертежам. «Вот установлю иконостас, а меня уберут. Сюда придут другие, я чувствую это», – иногда говорил близким отец Пётр.

Летом 1997 года в Преображение Господне литургия совершалась в притворе храма, куда был перенесён из-за незавершённых строительных работ престол. Эта служба оказалась последней для отца Петра. Он стоял у входа в храм, обливаемый солнечным светом. Таким «солнечным батюшкой» его и запомнили.

Последующей ночью архимандрит Пётр был злодейски убит. Вера вспомнила, как о той трагедии ей рассказали служительницы в храме, как сама дивилась, почему именно 20 августа, а не раньше или позже её сердце настояло побывать на Красной скале.

Духовные нити... Необъяснимые случайности... Перед глазами – образ священника, прожившего всего тридцать один год, но успевшего сделать столько добра, сколько не каждый-то и долгожитель совершит. Она закрыла книгу и лишь тогда обнаружила, что её подушка промокла от слёз. Сколько времени прошло, пока она читала?

Вернулась в реальность словно после долгого путешествия. И эта самая реальность её огорошила и оглушила. Снизу раздавались громкие выкрики:

– А я тебя вот так! Ага! А теперь – вот так!

К выкрикам добавлялись звуки, похожие на шлепки. Вера взглянула вниз понять, что происходит. Оказалось, их попутчики в буквальном смысле «резались в карты». При этом мальчишка подскакивал на полке, стуча картами по столу. Он шумел, толкал мать, а та смотрела на него с обожанием.

Вера спустилась на полку дочери, которая умела углубляться в себя, когда ей что-то не нравилось. В такой «внутренней эвакуации» Юля могла сохранять душевное равновесие и не выказывать раздражения. Но сейчас по её лицу было видно, что забавы соседей даже ей порядком надоели.

– И так они уже больше часа, – прошептала она матери на ухо. – Ты спала?

– Я читала. Такая книга... Помнишь в Форосской церкви купили? Может, чайку попьем?

Дочка схватила кружки, которые они всегда возили с собой в путешествия, и отправилась за кипятком, а вот Веру словно кто-то за язык дёрнул. Она и не собиралась никого воспитывать, просто столь резкий контраст с тем миром, в котором только что пребывало её сердце, и всей этой картиной... Не выдержав, обратилась к женщине:

– Простите, пожалуйста...

– Что такое? – попутчица с вызовом посмотрела в её сторону.

– Вы знаете, не моё, конечно, дело, но в карты ребёнку не надо бы играть. Это же – не доброе занятие. Тем более, Вам, как человеку крещеному, конечно же, известно, что обозначают все эти бубны, крести, пики...

– Вот что, милочка! Зря вы с соседями вздумали ссориться. Поостерегитесь! И с чего это вообще взяли, что я «человек крещёный»? – неожиданно злобно огрызнулась попутчица.

Вера опешила:

– Так у Вас же крест на груди!

– И что с того? – Обычное декоративное украшение! И наперёд советую с соседями поосторожнее быть...

Дочь вернулась с кипятком, а Вере казалось, что это её саму только что ошпарили. Толстый сын попутчицы нахально скалился ей в лицо, перебирая карточную колоду.

– А вот и чаёк! – улыбнулась было Юля, но взглянув на мать, осеклась. – Что-то случилось?

– Слушай, малыш, а не пойти ли нам в вагон-ресторан?

Поезд мчался дальше. В ресторанном вагоне на их столе в стаканах с традиционными железными подстаканниками давно остыл чай.

Вера смотрела в вечернее окно и всё не могла понять, каким образом крест – главный символ христианства, который одни мужественно несут подобно муромским родителям девочки-инвалида, а другие как отец Петр ставят превыше жизни, как этот знак безграничной Божией любви может быть для кого-то просто «декоративным украшением»?

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗОЛУШКА

Отгремела фейерверками новогодняя ночь. В первый январский день Варя по традиции ходила в храм на утреннюю службу. Возвращаясь, она с грустью отметила, во что превратился подъезд их пятиэтажки. Кучи мусора, конфетти,

фантики, битые игрушки, окурки, банки-бутылки... Такой вот постпраздничный этюд.

Шла последняя неделя Филиппова поста. Кто-то лихо отгуливал законные госпраздники, кто-то готовился к Рождеству Христову. Дворники и уборщики не появлялись, да и слух прошёл, что люди южных национальностей, коими заняты нынче в Петербурге эти должности, почему-то покинули город.

На четвёртый день хождения по грязным лестничным пролётам Варя не выдержала. Вспомнилась ей одна детская сказка...

Поздно вечером, вооружившись веником и совком, она отправилась «исправлять ситуацию». Выметя подъезд и выбросив несколько мешков с мусором, Варвара вернулась в квартиру. Подумав, она наскоро написала фломастером объявление, и, спустившись на первый этаж, прикрепила его скотчем к информационной доске.

«Дорогие жильцы, с праздниками! Просьба соблюдать чистоту на лестничных площадках, так как уборка подъезда, похоже, на неопределённое время становится нашим личным делом. С уважением, ваша Золушка».

Семья Вари была в курсе её «подвижничества». Вечером следующего дня дочь, вернувшись с тренировки, радостно сообщила: «Поздравляю! С тобой уже вступили в переписку!» Непредвиденный поворот событий заинтриговал. Варвара поспешила взглянуть, как же на её анонимный призыв отреагировали соседи. На объявлении красовались три надписи, выведенные разными почерками:

«Спасибо, милая Золушка, не оставляй нас, пожалуйста!»

«Жаль, что Вы додумались прибраться только сейчас! Впредь внимательнее относитесь к подъезду!»

Прочитав эти приписки, Варя оказалась в недоумении. Получается, что первый автор надеялся, что она добровольно возьмёт на себя роль уборщицы, а второй эту роль ей попросту припечатал.

Пробежав взглядом строки третьего сообщения, Варвара улыбнулась, да и было из-за чего:

«Милая Рождественская Золушка! Не обижайся за то, что мы тут понаписали. Спасибо за чистоту! Ты пожелала остаться неизвестной, но, знай, мы все благодарны тебе! Хорошо бы составить график уборки».

Спустя полчаса на доске информации вместо прежнего объявления появилось новое:

«Дорогие соседи! Поступил разумный совет до счастливого момента появления официального уборщика наводить чистоту в подъезде собственными силами по очереди. Предлагаемый график – ниже. В день дежурства вашей квартиры пройдите по этажам, поднимите бумажки и, если потребуется, подметите лестницы. Уборка – дело добровольное, но очень прошу всех присоединиться. Также будем помнить, что рядом живут пожилые, немощные люди, потому номеров их квартир в графике нет. Мы станем «нести вахту» пока нужно и за них. Будем любить наш замечательный дом! Ваша Рождественская Золушка».

Через две недели Варя столкнулась в подъезде с новой официальной уборщицей.

– Здравствуйте! Теперь Вы у нас чистоту наводите?

– Да, я. Только тут и прибирать особо нечего...

ОБРЫВОК КАЛЕНДАРЯ

Собираясь на дачу, Светлана Федоровна прихватила с собой пакет с прошлогодними церковными календарями, брошюрами о паломнических поездках, прочитанными православными газетами, чтобы всё это, как говорится, «благочестиво» сжечь. Она не была особо воцерковленной. Так... На службы в храм иногда ходила, свечи ставила, молебны и панихиды порой заказывала. Правда, на Пасху неизменно готовила куличи и красила яйца, а в Крещение они

с мужем всегда старались основательно запастись освященной водой на весь год.

Иногда посещали её мысли, что неплохо бы им с её Петром Михайловичем и повенчаться. Хотя, возраст уже... Всё-таки давненько за полвека обоим перевалило. Да и как предложить ему, научному работнику, эту идею?

В их доме были иконы. Порой душа просила помолиться, и тогда Светлана Федоровна зажигала свечу или лампадку и своими словами тихо беседовала с Богом.

В своё время она где-то услышала, что свечные огарочки, использованный ладан, календари нужно не выбрасывать, а «предавать огню», чтобы не осквернить каким-то образом. Вот и существовал для подобных нужд у неё особый пакет.

Приехав вечером на дачу и памятуя при разжигании печи о своём намерении, она аккуратно подложила к берёзовым полешкам содержимое из привезённого «благочестивого» пакета...

На дворе стояла осень. Чтобы получше прогреть дом, хозяйка пару раз подкидывала дровишек... На другой день, выгребая из печи золу, удивилась, обнаружив уцелевший среди углей довольно большой клочок бумаги. Как он не сгорел, ведь печь протапливалась дважды? Рассмотрела его. По всей видимости – фрагмент календаря. На одной стороне – белоснежный пятиглавый храм, увенчанный необычными золотыми крестами. Перевернув бумажку, Светлана Фёдоровна прочла на обороте уцелевшую надпись: «Июнь». Выходило, что чудесный храм был расположен уже на «июльской» странице...

Как-то беспокойно стало на душе. Бумага как бумага, но почему не догорела?

Вернувшись в город, она рассказала о происшествии мужу, который на дачу с ней поехать не смог, вынужденно просидев выходные за подготовкой доклада для очередной научной конференции. Пётр Михайлович не был склонен к мистике, но в ответ на обеспокоенность любимой супруги

предложил попробовать при помощи Интернета определить, что же это за храм.

– Архитектура необычная... Знаешь, Света, раз он, по-твоему, на июльской странице, давай-ка глянем, какие в этом месяце есть православные праздники. Может, ниточка к разгадке появится? Конечно, в церкви каждый день вспоминаются какие-нибудь святые, иконы, события, но ведь есть дни особого почитания. Будем надеяться, что фото этого храма для календаря было выбрано не случайно.

Они сели у компьютера и начали «исследование».

– Вот, смотри, – обратился к жене Пётр Михайлович. – 7 июля – Рождество Иоанна Крестителя. 12 – день апостолов Петра и Павла. 17 – память страстотерпца царя Николая II, его детей и супруги... Может, это их храм?

– Не думаю. Их канонизировали в 2000 году, а храм с календаря какой-то древний. А вот Иоанна Предтечи или Петропавловский можно поискать... Подожди-ка. Мы же с тобой ещё один праздник пропустили, который в стране стали недавно отмечать. Ещё ромашка у него эмблемой...

– Ты про День любви и верности?

– Да. И семьи... Восьмого июля отмечается. Он же – День почитания Петра и Февронии Муромских. Я на работе слышала, что к их мощам едут, чтобы помолиться о семейном благополучии. Они, вроде, в Муроме и находятся. Кстати, и тебя также, как этого святого князя, зовут. Может, неспроста?

– Ну, за «князя», конечно, спасибо, – улыбнулся Пётр Михайлович. – А храм этот муромский мы сейчас поищем.

Несколько кликов компьютерной мышкой, и фото Свято-Троицкого собора, где почивают мощи святой княжеской четы, было найдено. При взгляде на него супруги оторопели. – Это был тот самый храм с несгоревшего клочка бумаги!

– Как-то даже и не искали мы его, Света... Сам нашёлся...

– Вот и я говорю, чудеса... Понять бы ещё, зачем такое в нашей жизни происходит?

– Да, тут прямо какие-то иррациональные вещи, – задумчиво произнёс Пётр Михайлович. – Давай-ка про этот храм почитаем.

Из найденных в Интернете сведений оказалось, что возведение муромского собора произошло в 1642-1643 годах и связано было с именем купца «московской сотни» Тарасия Борисовича Цветнова по прозвищу Борис Цветной. Храм построен на месте деревянной церкви, которую, по преданию, поставил ещё святой князь Константин Святославич Муромский. Освящена она была поначалу во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба, но с 1351 года упоминалась уже как Троицкая. В соборе три престола: центральный – в честь Святой Троицы, северный – в честь святых Петра и Февронии и южный – в честь святых праведных жен Анны (матери Пресвятой Богородицы), Тавифы и Иулиании Лазаревской.

Прав был муж Светланы Федоровны, подметивший редкость архитектуры храма с того самого уцелевшего в огне бумажного обрывка. Муромский собор оказался памятником зодчества, выполненным в уникальном стиле русского узорочья. Украшали его изразцы с изображениями трав, диковинных зверей и птиц. Что касается кованных золотых крестов, необычность которых привлекла Светлану Федоровну, то и они были шедеврами кузнечной работы муромских умельцев былых веков.

Нашлось в Интернете и сказание о Петре и Февронии, и информация, что каждое воскресенье перед ракой с их мощами совершается водосвятный молебен с акафистом.

– Светик, а давай в Муром съездим? У меня же ещё неделя отпуска осталась «неотгуленной», – внезапно предложил Петр Михайлович. – Я с конференцией разберусь, и махнём.

Вскоре они действительно «махнули» на машине в Муром.

Пётр Михайлович ещё перед поездкой предусмотрительно познакомился с тем, куда стоит сходить, что увидеть. В дороге он рассказывал, что Муром – город древний, значившийся в

летописях ещё с 862 года, что его первым удельным правителем был князь, убитый собственным братом, страстотерпец Глеб, сын крестителя Руси святого князя Владимира. В духовном плане Муром связан не только с Петром и Февронией, но и со святым богатырем-монахом Ильёй Муромским и праведной Иулианией Лазаревской...

– Света, это не город, а книга живых легенд какая-то! Кстати, вот ты бублики-баранки любишь? А калачи-то именно в Муроме появились! И выражение «тёртый калач» оттуда по Руси загуляло, так как при готовке тесто приходилось сильно мять-тереть. В Муром за калачами и Иван Грозный наведывался, и Павел I, который даже отослал их связку в Петербург для своей жены-императрицы. Что смеёшься? Эти калачи даже на городском гербе нарисованы!

Светлана Федоровна была счастлива. Её ученый супруг неожиданно заинтересовался былинами, сказаниями, да ещё вот и калачами, растеряв всю свою серьёзность. Рассказчик он всегда был удивительный, но до этой поездки она не замечала за ним какого-то особого интереса к церковным темам.

Муром их встретил солнечно. Осень радовала глаз разукрашенной листвой. В этом городе над Окой неожиданно хорошо гулялось, отдыхалось, думалось.

У Светланы Фёдоровны было ощущение, что они оказались в доброй сказке. Тут всё напоминало и о князьях-богатырях, и о премудрых русских красавицах...

Они купили муромских калачей и уминали их прямо во время прогулки, словно в студенческой юности.

Нравилось всё: Окский парк с памятником Илье Муромцу работы замечательного русского скульптора В. М. Клыкова, набережная, вантовый мост через Оку, соединяющий Владимирскую и Нижегородскую области, названный в 2013 году самым красивым мостом России. Вечером они специально прокатились по нему на автомобиле, а встречу с нужным им собором и другим храмами-монастырями

перенесли на следующий день. Пётр Михайлович специально заранее составил маршрут.

Утро нового дня они начали с посещения одного из старейших в России, основанного в 1096 году Спасо-Преображенского мужского монастыря. Старше его лишь Киево-Печерская лавра. Основателем обители был сын равноапостольного киевского князя Владимира – святой князь Глеб. Так началось дело Евангельского просвещения Муромской земли. Согласно церковному преданию именно в Спасо-Преображенском монастыре упокоился святой благоверный князь Пётр.

Супруги с интересом оглядывали всё вокруг: ухоженную территорию, храмы и строения. Они поклонились главной святыне обители – чудотворной Богородичной иконе «Скоропослушница», привезенной с Афона в 1878 году, приложились к мощевнику с частицами мощей 30 святых, к образу святителя Спиридона Тримифунсткого с частичкой мощей и башмачком святого, мощи которого почивают на Корфу.

В нижнем храме Покровского собора увидели деревянный скульптурный образ Ильи Муромца, исполненный в точности по его нетленным мощам, покоящимся в Киево-Печерской лавре. На деснице святого богатыря-монаха в серебряном ковчеге также заключена частица его мощей.

Потом Светлана Фёдоровна с Петром Михайловичем посетили ещё один мужской монастырь – Благовещенский, основанный в 1553 году и являющийся объектом культурного наследия России. Они задержались у раки с мощами святого благоверного князя Константина и чад его Михаила и Федора Муромских чудотворцев, постояли перед древними иконами. Интересно было взглянуть на подаренную монастырю в 1639 году Дмитрием Пожарским чашу для освящения воды. Везде – история России.

Выйдя из монастыря, супруги оказались на площади, на которой находится памятник святым Петра и Февронии.

Пришло время отправиться в Свято-Троицкую женскую обитель, главный собор которой и стал виновником их путешествия.

При взгляде на Свято-Троицкий храм, Светлана Федоровна ахнула:

– Петь, как он прекрасен!

– И несгораемый в придачу!

Светлана Федоровна, было дело, строго взглянула на шутника, но встретив его радостную улыбку, сразу смягчилась. А муж торопил:

– Пойдём же скорее к князьям!

В соборе они купили две благоухающие мёдом восковые свечи и поставили их на кандило перед ракой с мощами святой четы.

Приложились к раке и постояли около неё, каждый думая о своём. Выйдя из собора, какое-то время просто молчали.

Вдруг Петр Михайлович внимательно взглянул на жену и произнёс:

– Света, я тут вот о чем подумал... Не повенчаться ли нам?

ОТКУДА ВЫ, БУДАРЫНЯ?

Варвара долго не могла заснуть. Вроде и тревог особых не было, а сон всё не приходил. Уже и бабушкина приговорка из детства вспомнилась: «Батюшка Самсон, подай мне крепкий сон». Только и это не помогало.

Она поднялась с дивана, раздвинула занавески перед окном и снова улеглась. Теперь сквозь стекло можно было смотреть на чёрное, звёздное в эту зимнюю морозную ночь небо. Подумалось, что звёздочки словно овечки небесные ходят себе в вышине, поблескивают колокольчиками, а заботливый пастух за ними зорко наблюдает. Пастух... Овечки... Пришли воспоминания...

Осенью, спасаясь от душевных передраг, она сбежала из своего мегаполиса в село к двоюродному брату. Тот оказался ей рад и благородно не выпытывал, почему она вдруг нагрянула.

Каждый день Варя ходила в лес по её собственному выражению «душу лечить». Наденет на сермяжный свитер огромную фуфайку брата, заправит красные спортивные штаны в резиновые сапоги, усмехнётся своему отражению, мол «видели бы меня в Питере», и в путь...

Лес встречал её дружелюбно. Ласковые берёзы, крепкие дубки, пушистые елочки... Варя слыхала, что в чаще где-то водятся кабаны да волки, но это не пугало. Брат выдал ей свисток и подучил, чтобы она периодически в него свистела. Мол, звери слышат и неприятных встреч с ними таким образом не будет. Вот и бродила она, вооруженная свистком и углубленная в свои размышления. Глаза любовались природой, сердце умиралось тишиной. В тот день, когда она уже возвращалась домой, на подходе к селу её внезапно окликнул незнакомец:

– Сударыня, откуда Вы? Я Вас уже не в первый раз вижу. Сразу отметил – не местная. Здесь таких нет...

– Да уж, точно, даже в деревне такого «чучела» в огромной фуфайке и красных штанах не сыскать, – усмехнулась себе под нос Варвара и оглянулась на голос.

Пожилой седовласый мужчина, окружённый, словно пушистым облачком, небольшой отарой овец, учтиво поклонился ей:

– Здравствуйте, сударыня!

– Добрый вечер! – Варвара тоже почему-то степенно поклонилась в ответ. Собственная реакция её развеселила.

– Так откуда такая красавица в нашем краю?

– Из Москвы.

– Удивительно. И я – москвич. Значит, земляки... Со свиданьем!

Мужчина оказался словоохотливым и поведал, что он – отставной полковник. Года два, как они с женой купили домик и обосновались тут, а квартиру в Москве сдают. Да ещё пенсии у обоих. Тем и живы.

– Знаете, много лет назад я однажды гостил в этом краю и почему-то сразу полюбил его. Как демобилизовался, мы и перебрались с моей Верой Ивановной сюда на поселение. Теперь вот бывшие однополчане навещают в гости. Летом как-то рано поутру косить пошли с одним приятелем, так он огляделся вокруг и сказал: «Если и есть, Константин, где-то райские кущи, так это здесь!» А я ведь тут и овечек развёл, и курочки есть, и поросёнок. Всё, как в старину. Я ведь, сударыня, себя лишь здесь впервые хозяином почувствовал, – и «хозяин» добродушно потрепал одну из овечек по кудрявой спине.

– Мы вон там с женой проживаем, – указал он рукой на самый крайний в уличном ряду домик, видневшийся за ладно скроенным деревянным забором. – Заходите на огонёк, рады будем москвичке!

Варя возвращалась в дом брата и думала:

– Действительно – «райские кущи»! Только зачем же я полковнику-то про Москву соврала, когда сама из Питера? Это ведь Костя в Москве... Кстати, и этого москвича тоже Константином зовут. Совпадение?

В последнее время Варвара мучилась из-за необходимости принять решение по поводу напрашивающихся жизненных перемен. Во-первых, офисная работа давно не радовала, хотя и приносила приличный доход. Во-вторых, уже год как в её жизни появился Костя. Славный такой. Замуж зовёт. Но тогда придётся переезжать к нему. Но она даже в Питере чувствует себя загнанной: суета, беготня, заботы. А в Москве? Да она там просто погибнет, растворится, окончательно потеряв смысл жизни. К тому же и сердце не пылало заветной «любовью декабристок». Потому до сей поры и мотались они с

Костиком на «Сапсане» по выходным да праздникам друг к другу.

Чтобы обдумать жизнь, Варя и выпросила на работе этот отпуск за свой счёт. Косте она пообещала приехать в Москву сразу, как примет какое-то решение. А пока взяла тайм-аут и сбежала сюда, в русскую осень.

Исполненная природного оптимизма, Варвара даже не думала, что её однажды может настигнуть кризис среднего возраста. В тридцать пять – не рано ли? И вот настиг, оглушил, отупил. Что же дальше? Чего её недужная душа просит, почему томится? Вроде же всё хорошо! Вон даже в красных штанах и то за сударыню принимают! Эх, райские кущи, райские кущи, местечко сердечное детского лета, помогло бы ты всё расставить по местам, по полочкам разложить.

Вернулась домой. На веранде брат за компанию с симпатичной короткостриженной девушкой пили чай.

– А вот и Варвара! Ну, сестра, познакомься с моей Лидкой...

Незнакомка смотрела открыто и приветливо. На вид она была вдвое моложе Вариного брата. Что поделать, имелась у старого бобыля страсть к молодым девицам. Однажды было дело, Варя попробовала его пропесочить, да поняла, что тщетно. Толку не будет – лишь поругаются, тем более что и сама – не образчик добродетелей.

– Знаешь, сестрёнка, я ведь Лидку тебе в подружки привёз. Всё не так скучно. А то ты уж неделю как ненормальная по лесам мотаешься. Чудная, дикая стала... Ни с тобой поговорить, ни пообщаться по-людски. Так что пускай она поживёт у нас (брат при этом напоминал довольного котичу).

– Вот уж спасибо! – огрызнулась Варя про себя. – Мне только твоих «лидок» для счастья не хватало. Так бы прямо и сказал, что я своим приездом тебе помешала шашни разводить.

Выдавив вежливую улыбку и сославшись на усталость после прогулки, Варя скрылась в горнице. Она была

раздражена: только-только начала в себя приходиться, а вернее, выходить из своего средневозрастного кризиса, как ей под нос в напарницы суют малолетку. Правда, Лида отрицательных эмоций не вызвала, но тем не менее... А так как Варвара пока не была готова ехать в Москву на разборки с Костиком или возвращаться в Питер и что-то решать с работой, то, попыхтев, она вскоре благоразумно смирилась с ситуацией. Пусть будет, как в той поговорке: «Преподнесённый жизнью лимон – отличный повод сделать лимонад».

Она вернулась на веранду и присоединилась к чаепитию. За разговорами выяснилось, что живёт Лида в соседнем посёлке. Родители, вернее мать и отчим, пьют, но, по её словам, «по-спокойному».

– А кто теперь не пьёт-то? – искренне удивлялась гостя.

Оказался у Лиды и сын малолетний, и муж уходяще-приходящий, сквозь пальцы смотрящий на романы юной жены, а себе уж тем более ни в чем подобном не отказывающий. Всё это проговаривалось легко, непринуждённо, как бы между прочим.

– Слушай, Лидка, а расскажи, как ты недавно удавилась!

При этих словах брата, Варя чуть не поперхнулась. Но Лида, не смущаясь, словно о чем-то обыденном, стала вспоминать, как с полгода назад на неё что-то «по пьяни» нашло, она и решила повеситься. Правда, не до конца у неё это вышло. Нашли, откачали, в «дурку» городскую поместили, куда всех самоубийц спасённых отвозят для поправки мозгов.

– Вона что учудила! Знаешь, я к ней в больницу ездил, гостинцы возил. Она как-то и не поняла, зачем давилась-то. Варька, чему удивляешься? У нас тут такое порой творится, что Лидкины похождения – мелочи жизни. Кто пьёт, кто с родным сыном как жена живёт, кто убивает, кто ворует... Одичали все после перестройки. Недавно же совсем в советские годы-то горожане дом тут купят, только летом и приезжают на отдых, а жильё всегда в целостности-сохранности. А теперь? Попробуй хату на зиму без присмотра оставь, долго

она у тебя простоит? Или обнесут-разворуют, или подожгут. Вон, у Петьки Малого, которого ты по детству помнить должна, был такой случай.

Петя-то у нас теперича семейный. Двое детей, третий на подходе. Жёну городскую взял. Она оказалась справней любой сельской. Дом у них – полная чаша. Да и Петька – работник рукастый, не пьёт абсолютно. Свиной на продажу держит, кур, овец развёл, даже лошадки есть. Так вот был у него любимый жеребчик – красавец настоящий. Помнишь, в прежние-то годы сколько в колхозе лошадок имелось? Тебя ещё, когда на лето приезжала, наши ребятишки верхом учили ездить? А сегодня уж нет ни колхозов, ни животины. А у Петра – всё при всём, как положено! Ну вот. Под самый день его рождения кто-то этого лучшего коня и траванул, так паря-то навзрыд плакал! Никогда я его таким не видел. Думал – помешается Петька... И подло же так ему нагадили – прямо под праздник.

Эх, Варя, завистливый нынче народ, злой какой-то стал... Ты давеча меня ругала, что с молодыми балую, а глянь, что в округе происходит! Раньше вы детишками по вечерам-ночам балагурили, бегали-гоняли, ничего не боялись, да и взрослые за вас спокойны были. Теперь же, как стемнеет, все по домам как сычи за заборами сидят. А и чего гулять-то, раз дома телеки-видики-компьютеры? Да и опасаются люди.

Варвара грустно вздохнула. Да, изменилась жизнь... А сколько же лет после её детства-юности-то прошло? Всего ничего. Раньше в селе и вправду по-иному было. В её советском детстве на колхозных полях золотились хлеба, наливалась кукуруза, зрели подсолнухи. После развала Союза в начале девяностых из разных уголков некогда дружественных республик в эти места стали приезжать русские беженцы. Дома строили, скотину заводили. Казалось, заново жизнь налаживается, исправляется как-то. Да и не могло быть по-другому среди этих раздолий, среди «райских куш». Когда-то разграбленный и порушенный после революции храм Архангела Михаила возродить начали.

Только долго что-то дело тянется. Всё ещё в лесах он стоит... А так в селе ведь есть и школа, и детсад, и клуб с библиотекой, и магазины с аптекой. Только живи. Что с людьми-то случилось?

Раздался стук в дверь, и на пороге возник невысокий коренастый парнишка лет двадцати с небольшим.

– Здорово, Витёк, заходи, присоединяйся, мы чай с девушками пьём! – приветствовал хозяин. – Видишь, ко мне сестра погостить приехала. Варвара.

Паренёк ощерил в улыбке гнилые зубы и, заметно прихрамывая, подошёл к столу, присев на свободный стул.

– Здрассьте! О, привет, Лидок, и ты тут? Я мимо шёл, дай, думаю, загляну, хоть побрехать будет с кем.

– Что, Витянь, мать всё хаёт тебя? – поинтересовался Варин брат, наливая гостю чай.

– А что ей ещё делать? Ругается да в город гонит, чтоб работу там нашёл. А кто я в городе-то? – Ноль! Так прям и разбежались меня брать – хромого калеку да неуча. Я уж тучочки как-нибудь. Слушайте, а пиво у вас есть?

В ответ на красноречивый взгляд сестры хозяин дома усмехнулся:

– Ладно тебе, Варюш, не зыркай. Витька не пьянь. Он так, культурно. Ты что, в городе-то своём вообще не пьешь? Наверняка по праздникам шампанское или может «Мартини» какое?

– Тут кто-то пива хотел? Есть где купить в такое время? – прервала Варя брата, так как после всего услышанного ей необходимо было выбраться на воздух.

– Вот, молодёжь, и идите, а ко мне Колька-сосед обещал заглянуть. Дела у нас.

«Молодежь» и рванула в путь. Варька шла всё в той же огромной братской фуфайке и в первой, наспех попавшейся под руку его же кепке. Невысокая, худая, смахивающая на подростка, она выглядела довольно молодо. Лидка была куда крепче, осанистей. Виктор галантно предложил дамам взять

его под руки. В темноте из-за Витькиной хромоты они могли сойти за подвыпивших дружков, держащих куда-то свой путь нетвёрдой походкой.

– Видишь, хромаю, – обратился «кавалер» к Варе. – Это с рождения. Мамке ещё в роддоме предлагали гипсом суставы мои подлечить. А ей некогда было со мной валандаться, так калекой и остался.

Варвара невольно поморщилась от неприятного запаха, исходившего от спутника вероятно по причине проблем с зубами или желудком. Хорошо хоть из-за вечерней темени её брезгливого выражения не было заметно. Не хотелось обижать человека.

Идти им, освещавшим свой путь тусклым светом карманного фонаря, пришлось довольно долго. Ночной ларёк оказался на другом конце села. Вернее, был это даже не ларёк, а своеобразная питейная лавка, которую держали хозяева одного из особняков. Купили пиво в пластиковой бутылке и зашагали всё той же неровной поступью обратно.

Витька пробовал за Варей ухаживать. Ей было неприятно, но она крепилась. Неожиданно на помощь пришла Лида.

– Витёк, а как, по-твоему, сколько Варе лет?

– Ну дак, понятно, как нам с тобой, а что?

– Совсем ты дурной. Ейный брат сказал, что уж тридцать пять! Во как! Я и сама поначалу не поверила. Девка ж молодая по виду-то. Так что ты особо не выделяйся, нужен ты ей больно, она ж ещё и столичная, образованная!

– Во, дела, – сконфузился «кавалер». – Ну, Варь, ты круто сохранилась. Правда, думал, что... – он замялся.

– Ладно, ребята, даже не знаю, радоваться мне вашим похвалам или грустить, что такая старая уже, – рассмеялась Варвара, благодарная Лиде за отваду ухажёра. – Смотрите лучше, какие звёзды-то, звёзды!

По её призыву компания остановилась, и они втроём подняли глаза к небу. Спустя немного времени Лидка прошептала:

– А знаете, я, когда удавилась, тоже звёзды видела. Дорожку из звёзд целую. И так было хорошо по ней идти. Ничего не тревожило. Легко так, радостно... Правда, потом откачали, вернули.

– Это тебя твой Ангел Хранитель спас. У всех есть свой Ангел. – тихо ответил Виктор. – Тебе бы, Лид, в церковь сходить, а то далеко бы по той звездной дорожке-то утелёпала? – В ад же напрямик. Мне ещё бабка моя покойная говорила, что самоубийцы – самые большие грешники. И если их вдруг спасают, значит, молитесь за них кто-то из родни или Ангел ихний. У меня тоже всякие мысли бывают, но в петлю ж не лезу... Сходи, Лидка, свечку поставь Богу-то.

Варя была удивлена этим словам Виктора, первое впечатление о котором совершенно не предполагало, что он способен вести душевспасительные беседы.

– Да думала уже про это, Витюш. Надо, конечно, в церковь-то. Но вот всё я ту дорожку небесную вспоминаю. Тянет туда.

– Дура ты, Лидка. Ты о Тёмке вспомни! Он хоть говорит-то чё? Знаешь, Варь, у ней сыну скоро пять лет. Всё понимает, а нормально не разговаривает. Несколько слов только и лопочет.

– Мать меня гонит в город его везти, показать специалистам. А денег на это где взять? Отцу евоному вообще на нас плевать, сам знаешь. Потому, может, и давилась я, – вздохнула Лида.

– Не дури больше. Вон как раз мимо храма-то идём. Скорей бы уж отремонтировали да открыли его. Побожись давай, что даже думать о таком больше не будешь!

– Отстань, – огрызнулась Лидка, но при этом, держа левой рукой Витьку под руку правой наскоро перекрестилась.

Видя это и слыша разговор своих спутников, Варя почему-то чуть не расплакалась...

Оставшийся путь добредали молча.

Где-то в престижном районе Москвы в «видовой» квартире Варвару ждал состоявшийся по жизни Костик с «Martell», «Prosecco», деликатесами, джакузи и прочими ярлыками успешной столичной жизни...

Где-то в Петродворце шло осеннее закрытие фонтанов. В Павловском парке кружил листопад. На Невском проспекте Питера зазывно светились рекламы, в хищных лучах которых неслись иномарки... Где-то в каком-то совсем ином мире...

А в этой реальной жизни Варвара в фуфайке и сапогах, спотыкаясь о колдобины сухой земли, шла под руку с Витькой-калекой, способным размышлять об Ангелах, и с недавно вешавшейся в пьяном безумии Лидкой, чей четырёхлетний сын до сих пор не научился говорить... На них внимательно смотрело огромное небо, в чёрной бездне которого словно колокольчики небесных овечек поблёскивали звёздочки. И откуда-то сверху невидимый пастух всё окликал:

«Сударыня, вы откуда в наших райских куцах?»

АРМЕЙСКИЕ БЫЛИ

Этими историями поделился знакомый священник, который в молодости проходил срочную службу в рядах вооружённых сил СССР в годы перестройки.

ЗАМПОЛИТ

Жил да был в одном полку замполит. Назовём его Петров. В советские времена главной задачей заместителей командиров по политической части было воспитание бойцов в конкретном идеологическом духе. И дух тот, надо сказать, был весьма чужд церковному.

Обычным делом для Петрова было крестики нательные с солдатиков срывать, да увещевать личный состав атеистическими беседами. А тут вдруг – перестройка – да ещё

вся страна готовится отметить тысячелетие крещения Руси! Ускорение какое-то, веяния новые...

Не заметил Петров, как церковь из идеологического врага внезапно стала превращаться в друга и даже наставника. Более того, в их полку ожидался приезд диковинного высокого гостя, которого называли словом, весьма хорошо рифмующимся с должностью Петрова: замполит – митрополит!

Пришлось Петрову тоже срочно «перестраиваться», чтобы званье замполита не уронить в очах митрополита... Первым делом, необходимо было отработать на плацу приветствие в честь высокого гостя. Прозондировав почву, наш замполит узнал, как правильно обращаться к иерархам православной церкви. Вот ходит он перед строем бойцов, зажав папироску в зубах, и в который раз уже требует, чтобы по его команде стройно и бодро прозвучало «Здравия желаем, Ваше Высокопреосвященство!» А у бойцов произнести такое по команде прежнего богоборца, пересыпающего свои глаголы отборной бранью, и язык не поворачивался.

Устав от бестолковости подчинённых, Петров взобрался на заранее подготовленную к предстоящей встрече трибуну, схватил вовремя подвернувшийся под руку рупор и заорал в него зычно и мощно, что если солдаты будут продолжать *тупить*, то каждого из них потом настигнет его, замполитовский, карательный перст. И видимо много чего ужасного он напроорочил тогда, раз сразу после сего «выступления» полк дружно грянул «Здравия желаем», отчётливо в завершении выговаривая «Ваше Вы-со-ко-пре-о-свя-щен-ство!»

За глаза Петрова с тех пор в полку и стали «преосвященством» прозывать, а на нательные кресты солдатухек он больше уже не посягал...

ТУЗИК

В этом же полку служил крайне вредный, можно сказать, даже мерзкий прапорщик. Фамилия у него была пресмешная. Видать, в детстве его за неё поддразнивали, что в последствии дурно и сказалось на характере.

Этот прапорщик не просто тащил то, что плохо лежит, как, судя по анекдотам и солдатским байкам, и положено любому заправскому прапору. В добавок, он ещё и реально гадил солдатикам, за что был неоднократно бит дембелями, но как-то не вразумлялся. И вот был придуман очередной способ его проучить.

В тот день в полку проходил какой-то парадный смотр. Весь личный состав выстроился на плацу, начальство высокое прибыло. Вдруг откуда ни возьмись – местный Тузик пробегает, а на его боках краской написана та самая смешная и не весьма благозвучная фамилия...

Сел Тузик перед строем, чешется, блох выкусывает. Смех стоит, гогот, а прапорщик, красный от ярости, к командиру подбегает и орёт, разрешите, мол, чтоб дискредитацию имени прекратить, этого пса в расход отправить.

Командир от неожиданности добро и дал... Правда, не хотелось прапорщику самому руки марать. Поручил он тот живодёрский акт первому, подвернувшемуся под руку, солдату. Тот, надо думать, тоже был не в восторге. Правда, к счастью, на ту пору Тузика и след простыл.

Стали искать пса и увидели, как он со всех ног забежал прямёхонько на склад ГСМ (горюче-смазочных материалов). Дело было летом, поэтому то ли жара, то ли Сама Божья милость погнала животину в тень, схоронив от гибели.

Залёг Тузик между цистернами с бензином и соляжкой, да и уснул сладко. Боец, который должен был пса порешить, вздохнул облегчённо: стрелять было нельзя – ГСМ, а ждать псину он не собирался. Поди – прознай, когда вылезет. Да и рука его не поднималась такой приказ жестокий исполнить. Ребята же пошутили, а не собака!

Так приговор и остался без исполнения. Прапорщик же из полка в скором времени куда-то исчез...

БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ГАИШНИКИ

Эта забавная «дорожная» история поведана знакомым протоиереем.

Однажды ехал на своём автомобильчике отец N, торопился по делам служебным, да и превысил скорость. Тут же, словно из-под земли (как это обычно бывало до наших «благословенных» времён, наличия на каждом столбе камер слежения за дорогами), возник экипаж ГАИ. Остановили добры молодцы-автоинспекторы батюшку, который одет был в гражданское. Один из них при беседе и намекнул, что за столь грубое нарушение тот может ой как сильно поплатиться, если всё по правилам оформлять. А коли между собой дело уладить, то обойтись можно и малой суммой, выданной лично ему, стражу дорожного порядка...

Когда эта «малая сумма» была озвучена, то батюшке прямо нехорошо стало. У них в сельском храме такие деньги в церковной кружке не всегда и за месяц-то скапливались... Да и на тот момент он как раз мучился вопросом, как за колокола для звонницы расплатиться, которые вот-вот уже привезут, а тут такой побор! Но что делать, сам виноват...

Достал скрепя сердце отец N кошелек, а там как раз нужная сумма тютелька в тютельку и оказалась. Видать прозорливый гаишник-то попался... Выложил батюшка ему денежки, а потом посмотрел на хлопца внимательно, да и спросил, не желает ли тот в делах благотворительности для храма поучаствовать, помочь с оплатой колоколов? Мол, сам он – священник, а на его приходе к тому же о всех благотворителях молятся.

Страж дорожного порядка весьма опешил то ли от неожиданной встречи со служителем Божиим, то ли от сути его предложения. Но надо отдать ему должное. Парень не

отмахнулся, а осторожно поинтересовался, мол, сколько денег-то надо для «меценатства». В ответ батюшка нашелся: «Так вот именно той суммы, что я Вам, мил человек, в качестве штрафа отдал, и недостает сейчас! Если Вы мне её назад вернёте, то и получится, что поучаствовали в благотворительности». Рассмеялся гаишник и вернул отцу N все деньги, да ещё сверх несколько купюр от себя лично добавил. Батюшка же впредь за рулём на дорогах внимательнее стал, а парня того, как и пообещал, в качестве благотворителя непременно поминает.

СВЕТЛАЯ ПАЛИТРА ПЕТЕРБУРГА

Человека с его уникальной душой можно, вторя Антуану де Сент-Экзюпери, сравнить с неизведанной планетой. Каждый из нас по-своему встречает и воспринимает окружающий мир: людей, города, события. И рассказ о Северной столице любого из её жителей всегда окажется маленьким открытием для собеседника.

Поделюсь и моим, пока ещё неизвестным для читателя, Петербургом.

Согласно мнению равнодушных синоптиков, неисправимых скептиков и неизлечимых пессимистов Санкт-Петербург – город дождей и ветров, укутанный шарфом унылого неба.

Конечно, климат тут капризный, но разумно ли судить о содержании по форме? Город ведь живой, у него есть свои душа, история, тайны. Порой и наш близкий друг угрюм и печален, но это не означает, что таков он и есть. Напротив, за годы дружбы мы узнали его в качестве прекрасного человека, с которым легко и радостно. Вот так же под скучным будничным одеянием мой Санкт-Петербург хранит сияние красок светлой небесной палитры.

Этот свет повсюду. В блеске куполов Александро-Невской лавры, которую по праву можно назвать сердцем города, откуда звучит неустанная молитва за каждого из нас. Сюда, к стопам монастыря народ стекается на поклонение благоверному князю Александру и другим святым, несёт свои горести и радости, надежды и чаяния.

Краски моего Петербурга – в искренних улыбках детей, в мудром взгляде седой старушки, любовно кормящей голубей, в звуках мелодии, случайно выпорхнувшей из окна соседнего дома, в каждом кленовом листке, припавшем к осенней земле. Если его поднять и взглянуть сквозь сеть прожилок на солнце – он преобразится, вспыхнет облаченным в золотую ризу.

Чтобы поделиться красками моего Петербурга предложу небольшое путешествие. Пусть начнётся оно именно из Александро-Невской лавры с поклона Пресвятой Богородице перед Её образом «Невская Скоропослушница».

Раннее утро. В Троицком соборе лик Пречистой озарён сиянием свечей, стоящих перед Её иконой на большом напольном подсвечнике. Этот свет невольно перетекает в душу, умиряя, смягчая сердце, заставляя забыть о суетливом мире за порогом храма.

Мой город дарует встречу с удивительной святыней. В 1878 году этот образ Богоматери был перенесён на берега Невы иеромонахами Афонского Русского Пантелеимонова монастыря Афанасием и Варсонофием, прибывшими в Россию для сбора средств на восстановление храма святителя Николая в Мирах Ликийских. Икона отличалась от известного образа «Скоропослушницы». Здесь Божия Мать изображена без Младенца – оглавно. Александро-Невская лавра первой встретила икону в Санкт-Петербурге. И век спустя именно эта обитель станет местом её постоянного нахождения.

После прибытия в Петербург икона была помещена в Александровскую часовню и прославилась тем, что уцелела после внезапного пожара. Её нашли на пепелище сохранной, лишь немного опалённой. Чудесное спасение иконы повлекло

к «Скоропослушнице» множество людей. Почитали её и бедные, и состоятельные люди, и члены императорской семьи. Следующим ковчегом для «Невской Скоропослушницы» становится построенный и освященный в 1915 году Николо-Барградский храм, который, по словам духовного писателя Евгения Поселянина, стал «Русскому Богу – свечой в древнерусском светильнике».

Во время безбожного разгула советской власти икону удалось спасти от поругания будущему священномученику митрополиту Вениамину (Казанскому), митрополиту Петроградскому и Гдовскому. Прекрасный Николо-Барградский храм был взорван, а «Скоропослушница» продолжила утешать православных вначале в Борисо-Глебском храме, а с 1932 года после его закрытия – в Духовской церкви Александро-Невской лавры. Оттуда она была перенесена в Свято-Троицкий собор на Измайловском проспекте, а с 1938 года пребывала уже в Князь-Владимирском соборе.

Я смотрю на дивный Богородичный образ, и сердце благоговеет. Чудесные исцеления, множественные явления помощи в скорбях, защита города в блокадное время...

Именно 22 ноября в 1941 году в день Богородичной иконы «Скоропослушница» в блокадный Ленинград отправились первые машины с продуктами, и была открыта знаменитая «Дорога жизни». Не иначе как молитвами Божией Матери были спасены жизни тысяч жителей блокадного города, которая Своим образом «Невской Скоропослушницы» хранила эту единственную спасительную ниточку для Ленинграда. В Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры икона была перенесена в 1958 году.

Зажгу свечу, присоединю её к другим, горящим пред Пречистым ликом, положу земной поклон.... Мой Санкт-Петербург дарует душе светлый штрих небесной Благодати.

За воротами храма – яркое весеннее солнце! Оно, отражаемое ещё не стаявшим снегом, заставляет зажмуриться.

На душе легко и чисто. От Митрополичьего корпуса к собору медленно направляется монах. Рука перебирает длинную нитку чётков. Спокойное, благородное лицо...

Мостик через речку Монастырку. Здесь привычно уже заняли свои посты нищенствующие. Подай, прохожий, копеечку... За тебя помолятся. Это тоже – штрих Петербургской палитры... На Руси испокон веков были и нищие, и юродивые. Смилуйся, человек, Христа ради, воспитывай своё суетливое, гордое сердце добротой.

Старо-Невский проспект. Новый штрих – встречные. Значит – ближние мои!

Часто ли мы всматриваемся в лица мимоидущих? И виноват в нашей извечной спешке вовсе не город, который упрекаем за сумасшедший столичный ритм. Ведь не его, а нас не интересуют те, кто рядом так же суетятся, стремятся, несутся, обдумывая на ходу тысячи проблем.

В поисках чистых сердец и любящих глаз ходил по земле Иисус Христос. Он сострадал всем, хоть и видел людей в истинном свете... Мы же обычно замечаем встречаемых только если нуждаемся в их подсказке: «Как пройти? Где находится такое-то место?» Интересно, что при этом не обращаемся к первому встречаемому, а поначалу вглядываясь в лица, сердечным чутьём определяем, с кем лучше заговорить. К слову, если вас частенько останавливают с просьбой о помощи, радуйтесь – в вас чувствуют хорошего человека, вам доверяют... Меня же саму Петербург многократно сталкивал и сталкивает с человеческим радушием. Достаточно самой захотеть открыться навстречу.

Полезно оторвать взгляд от асфальта и почувствовать себя, как говорят психологи, «здесь и сейчас», и это твоё «здесь и сейчас» – замечательно. И коли каждый из нас – уникальная планета, то стоит доставить праздник своему воображению и попробовать разгадать тайны мимо проходящих, порадоваться с влюблёнными, посочувствовать волнующимся студентам, удивиться, какие мы разные – цвет

кожи, разрез глаз, направления моды, особенности походки, манеры. Санкт-Петербург – прекрасная школа для общения, взаимопонимания и уважения.

Старо-Невский проспект незаметно перетекает в Невский. Магазины, кафе, рестораны... Случайный взгляд, брошенный на афишу – выступает группа «Секрет». Тут же, откуда-то из юности, вспоминается строчка из песни «Привет!», вот и добавлено к утренней палитре впечатлений мгновение «родом из прошлого».

Моё студенчество... Канал Грибоедова. Здесь было знаменитое кафе-мороженое, прозываемое в народе «Лягушатник», куда мы студентами сбегали с лекций, а потом почему-то частенько наведывались в близости расположенный ДЛТ (Дом Ленинградской торговли на ул. Большая Конюшенная) в отдел игрушек. Вроде уже и взрослые были, а с удовольствием разглядывали всяких пушистиков, конструкторы и прочие забавы. Река Мойка, протекающая между Университетом Герцена и «Бончем». Будущие педагоги с будущими инженерами порой перекрикивались через неё, а зимой и снежками пытались перебрасываться.

Помню кинотеатр «Баррикаду». Немного поодаль приоткрывал «закулистье» театрального мира магазин «Маска». До Санкт-Петербурга я жила в Таллине, и именно из «Маски» при возможности мы с подругами привозили для нашего танцевального ансамбля театральный грим, блёстки и прочие «волшебные штуки». Оттуда же и мои первые пуанты... Сегодня я по-прежнему люблю бывать в «Маске», а также заглядывать в лавки художников, рассматривать краски, кисти, холсты, при помощи которых совершается такое обычное волшебство – рождение картин.

Санкт-Петербург – город моей студенческой поры. Любимым местом тогда была Петропавловка. В тёплые дни, прихватывая с собой половинку чёрного хлеба и бутылку кефира, мы забирались на любимый Меншиков бастион и рисовали. В рисунке экспериментировали. Белый лист и

простой карандаш помогали оформлять штрихами чувства. Обменивались рисунками и отгадывали по ним настроения друг друга.

Когда произносят «Санкт-Петербург», в моём ассоциативном ряду не нависают мрачные тучи, не хмурится небо. Хотя, «злокачественные» девяностые и оказались пережитыми именно здесь. Казалось бы – поле для депрессивных воспоминаний... Они есть, и мысли тяжкие бывают, но вовсе не город тому причина... Не Петербург делает нас равнодушными, алчными, поверхностными, заставляет стремиться к успеху и лидерству, следуя по головам. Не город виноват, что многие при простом вопросе, в честь кого он именован, не моргнув глазом ответят: «В честь царя Петра I, он же его строил!» Чья вина, что Святой Апостол Пётр вне поля их сознания?

Мой Петербург – светлый. Только свет этот создан не неоновым блеском витрин, улыбками рекламы или фарами автомобилей. Палитра моего города – в душах и характерах жителей, в его истории, в его вере, надежде и любви. Мой Петербург в гении Пушкина и Достоевского, в тишине музеев. Мой город – в восторге сердца, когда при путешествии по рекам и каналам твой катерок вдруг выныривает из-под горбатого мостика в акваторию Невы, и душа ликует от великолепия открывающейся панорамы.

И дожди в палитру моего Петербурга тоже вплетаются. И даже майские грозы, когда можно скинуть туфли и под дождём в любом возрасте бесшабашно предаться радостям «босоножья», ощущая молодость души.

В детстве я побывала в «Артеке», где познала дух дружества. Учась в институте и проживая в общежитии, вновь обрела подобное ощущение. Петербург – русский город, но он гостеприимен для каждого. Надо только поверить ему, оторвать взгляд от асфальта и встретиться с прекрасным, полным любви небом в глазах мимоидущего незнакомца, ближнего твоего...

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ	3
-------------------------	---

I. БЛИЖНИЕ МОИ

РОДНЯЩАЯ РАДОСТЬ	6
АВГУСТА ВАСИЛЬЕВНА	7
НАША ОНА, НАША!	9
СВЯТЫЕ ИМЕНА	11
БОСИКОМ НАВСТРЕЧУ ЧУДУ РУССКОМУ	12
КРЕЩЕНСКАЯ ВОДА	15
БЛИЖНИЕ МОИ	18
ПОДАРОК МАТРОНЫ БОСОНОЖКИ	25
ПИСЬМО ИЗ БАРНАУЛА	26
ДОБРЫЙ ГОСТЬ	29
ЗОЛОТО ЗВЁЗДНОЕ	30
СВЯТЫЕ ТИХОНЫ	32
КРЕСТИК	34
ГЕНЕРАЛЬНАЯ ИСПОВЕДЬ	36
ПЕРСТ УКАЗУЮЩИЙ	40
26 ПСАЛОМ	42
НА ПОГОСТЕ	44
ЭКО ОТМЕНЯЕТСЯ	44
ОБРЕТЁННАЯ ПРОПАЖА	47
ПАМЯТИ МАТУШКИ АЛЕКСАНДРЫ	49
МАМОЧКА!	58
СВЯТАЯ ЕКАТЕРИНА	58
ПУТЬ К СВЕТУ ДОБРЫХ МАЯКОВ	59
У БОГА ВСЕ ЖИВЫ	80
БЕЗ СКОРБЕЙ НЕ БЫВАЕТ СПАСЕНИЯ	91
СОШЁЛ БЛАГОДАТНЫЙ ОГОНЬ!	93

II. ЭТО ВСЁ В СЕРДЦЕ ОСТАНЕТСЯ

ВРЕМЯ БЕСЕДЫ С ДУШОЙ	96
В ОБЪЯТИЯХ РЯЗАНСКОГО НЕБА	111
ОТДЫХАТЬ ЛУЧШЕ ДОМА	123
ГЛАВНАЯ ТЕМА	131
ТИХВИНСКАЯ	137

СОКРОВЕННЫЕ СЕРДЦУ МЕСТА. ВЫРИЦА	140
ДАРЫ ЯРОСЛАВЛЯ	147
НА ЗЕМЛЕ КОЗЕЛЬСКОЙ	155
ВСЁ-ВСЁ ИСПОЛНЯЕТСЯ	170
ПРОМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ	179
ПОДАРОК НА КРЕЩЕНИЕ	197
ПЕТЕРБУРГСКИЕ СОБОРЫ-ВОИНЫ	211
МЕСТО РОЖДЕНИЯ – РАЙ!	222

III. ПОД ЛАСКОВЫМ СОЛНЦЕМ

КРЫМ, ОТКРЫТЫЙ СЕРДЦУ	228
АРОМАТ БОЖИИХ ЧУДЕС.....	235
ЕВПАТОРИЯ	239
СВЯТОГОРЬЕ	240
СТРАНА ДУШИ.....	260

IV. РАССКАЗЫ

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА	272
ЗИНОЧКА	274
ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ	281
МАТЕРИНСКАЯ ФАМИЛИЯ	283
ДЕКОРАТИВНОЕ УКРАШЕНИЕ	288
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗОЛУШКА	297
ОБРЫВОК КАЛЕНДАРЯ	299
ОТКУДА ВЫ, СУДАРЫНЯ?	305
АРМЕЙСКИЕ БЫЛИ. ЗАМПОЛИТ	314
АРМЕЙСКИЕ БЫЛИ. ТУЗИК	316
БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ГАИШНИКИ	317
СВЕТЛАЯ ПАЛИТРА ПЕТЕРБУРГА	318

Литературно-художественное издание

ЛОДЕЕВА Наталия Анатольевна

БЛИЖНИЕ МОИ ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ

Редактор: протоиерей Геннадий Заридзе
Вёрстка, оформление: А. И. Краснобородько

Издание публикуется в авторской редакции
и авторском наборе

Подписано в печать 03.04.2023. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 18,95. Тираж 300 экз. Заказ 47.

ООО Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
394018, г. Воронеж, ул. Никитинская, 38, оф. 308
Тел. +7 (473) 200-81-02, 229-78-68
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга»
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 11/5
Тел. +7 (473) 229-32-87
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: nautyp@yandex.ru